

84/2Рс-Кус/6
K59

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

Мальчик без шпаги

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	

Мальчик
без шнаги

без шнаги

22

84/12Рос=Рус)6
K59

С Е Р Г Е Й К О З Л О В

Мальчик без шпана

Бекар

(Повести)

-122768/1-

Сибирская Благозвонница

Москва

2011

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Традиционная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883
Литературно-краеведческий центр
г. Тюмень, ул. Первомайская, д. 14

014

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 11-109-0945

К 59 Козлов, С. С.

Мальчик без шпаги (Пуговица царевича Алексея).
Бекар (besarre).: повести / Сергей Сергеевич Козлов. —
М.: Сибирская Благовонница, 2011. — 284, [4] с.

ISBN 978-5-91362-469-7

Писатель Сергей Козлов хорошо известен ценителям художественного слова. Он лауреат международного конкурса литературы для детей и юношества им. Алексея Толстого, международной премии им. Владислава Крапивина и других. По повести Козлова «Мальчик без шпаги» («Пуговица царевича Алексея») снят художественный фильм «Наследники». В повести рассказано о мальчике Тимофее из далекого поселка, который привык полагаться только на себя... Родители главного героя — алкоголики, в школе заправляют «фашисты» — старшеклассники... Однажды Михаил, вор, которого Тимоха считает единственным другом, дарит ему необычную пуговицу... Мальчик решает узнать, чья она...

Вторая повесть, «Бекар», — тоже о подростках, перед которыми жизнь ставит нелегкий выбор: быть или не быть человеком. Главный герой жертвует будущей всемирной известностью и открывает для себя простую истину: чтобы любовь или талант принесли плоды, они должны пройти серьёзные испытания.

УДК 821.161.1-3

ББК 83.3 (2Рос=Рус)6-44

© Козлов С. С., текст 2011

© Издательство Сибирская

Благовонница, оформление, 2011

ISBN 978-5-91362-469-7

Мальчик без шпаги

(Пуговица царевича Алексея)

Мир вокруг еще спал, когда Тимофей вышел на улицу. Утро начиналось тонкой густо-красной полосой в фиолетовом мареве над восточной грядой тайги, обступавшей с трех сторон поселок геологов. Точнее, холмы, на коих и был выстроен жилой анклав. С четвертой стороны — с юга — обрывистый берег облизывали волны Иртыша, несущего помутневшие от времени воды на соединение с Обью. Сейчас Иртыш почивал под толстой крышей льда, над которой, как антенны, там и сям высились разнокалиберные вешки местных рыбаков. А иногда — причудливые торосы.

Час был такой, что уже не брехали собаки, и вязкую арию тишины нарушал только шелестящий фон воздушного движения. Это дремлющий на ходу ветер цеплялся за кедровые лапы. Иногда кедры, раскачиваясь, постанывали, поскрипывали,

и, если закрыть глаза, то нетрудно было представить себя стоящим на палубе парусника, бороздящего далекие моря. Промеж вековых стволов скользил по февральскому насту мелкий лесной мусор. В окрестностях не слышно никакого движения; в морозном воздухе легкой дымкой клубится извечная тайна бытия... Да кто не знает? Рождение нового дня — чудо, доступное каждому.

Некоторое время мальчик стоял на крыльце, очарованный безмолвием и неподвижностью окружающего мира. Со стороны он был похож на маленького капитана, замершего на носу корабля. Правда, корабль вмерз во льды. Взгляд серых задумчивых глаз устремлен на горизонт, где, разбивая низкую облачность, полыхали заревые протуберанцы; выдавшая виды ушанка сбита, как бескозырка, на затылок, из-под нее торчит короткая русая челка; брови чуть сдвинуты на переносицу, усеянную веснушками, отчего вид у паренька повзрослому серьезный и потому смешной. Ему бы в книгу Крапивина, а он...

Постояв так пару минут, Тимоха (так звали его друзья-однокашники) подхватил стоявший у ног школьный рюкзак и шустро сбежал с крыльца. Еще через полчаса он браво шагал по зимнику,

ведущему на трассу до Тюмени. Шестьдесят километров по тайге и болотам его не пугали, он твердо знал: все равно кто-нибудь подберет. В этом краю людей на дороге еще не оставляют. Оставишь ты, оставят тебя, и пронзительное чувство всеобщего презрения сделает такого человека сначала изгоем, а потом и впрямь заставит сорваться с насиженного места, чтобы, проглотив собственную озлобленность и обиду, попробовать начать новую жизнь. Обычно неуживчивые люди кочуют по северу, от поселка к поселку, от города к городу, и остаются на одном месте, пока не кончится в людях исконная приветливость, не сотрется первое о них впечатление.

Эти неписанные законы здесь впитывают с раннего детства.

Косолапый КраЗ-трубовоз догнал Тимофея уже за поворотом, и, отпыхтевшись на стылом мыле, замер чуть впереди. Тимофеем резво забрался в кабину и был приятно удивлен. За рулем оказался знакомый водитель — дядя Вася из соседнего дома, а уж кабина была отделана, как маленькая квартира. Под ногами вырезан кусок старого домашнего ковра, приборная панель украшена плетенкой, в нее вмонтированы

вертолетные часы и магнитофон, на сидениях самошитые вельветовые чехлы, в левом водительском углу к стене приторочен на манер огне-тушителя солидный термос, а на задней стене — фотографии красивых девушек. Из-под сидений, где были установлены динамики, пел страдальческую песню о потерянной воле хриплый баритон. А главное — чисто, как в кабинете у фельдшера!

— Дядь Вась, а девки-то зачем? Жена, небось, заругает? — с ходу спросил Тимофей.

— Не скажи, я пока в рейсе, она тоже журналы листает, кино смотрит с красивыми актерами. А это мои валькирии! — оглянулся на вырезки водитель.

— Кто? Валь.. Кирии?

— Ну да. Читал когда-то, что они над полями сражений летают. А мои — над трассой. Короче, не скучно с ними.

— А почему фотографию жены не прилепить?

— Скажешь! Так я по ней больше соскучусь. Тебе не понять, мал еще.

— Почему не понять? Все понять.

— Ну-ну. Ты лучше скажи, куда тебя в такую рань понесло? В Бобровку, что ль?

— Не, дальше. На трассу мне надо. В Демьянку. К бабушке.

— Да?

— Ага.

— Батя-то дома? Неужто одного в такую даль отпустили? В каком хоть ты классе-то, не помню?

— Батя уж неделю как с буровой приехал. Через неделю снова туда. А я шестой класс нынче заканчиваю.

— Запил, поди, опять? Отец-то... — пронзительно прищурился на паренька водитель.

— Да не, — не моргнув, соврал Тимофей, — на рыбалку все нынче. Вот меня отправил бабушке рыбки отвезти. — И для вящей убедительности раскрыл школьный рюкзак, откуда выстрелили мороженные хвосты.

— Че сразу не сказал, — притормозил дядя Вася, — кто в кабине рыбу возит? Отгад. Давай, я ее снаружи прилажу. Не бойсь, не потеряем твоих налимов.

— Не налимы там! — чуть не обиделся Тимофей. — Муксуны благородные да еще пара стерлядок!

— Ишь ты, — ухмыльнулся дядя Вася. — Благородные. А бабушка разве в Демьянке у вас живет?

— Ну да, — еще раз соврал Тимоха, а сам почему-то вспомнил учительницу русского языка, которая, морщась, принимала его тетради с домашним заданием, пахнувшие рыбой.

«Ты что, Трофимов, с одним портфелем и в школу и на рыбалку ходишь?» — каждый раз так говорит. «Нет, — честно отвечает Тимофей, — я в портфеле рыбу бабушке вожу, больше не в чем, но я в три газеты и в пакеты ее заворачиваю, но она все равно пахнет». «Двойкой за четверть у тебя пахнет, Тимофей», — вздыхает Вера Андреевна, но всегда в конце четверти ставит тройку. «Натягивает», так это называется на их учительском языке. И Сергей Сергеевич — историю, и Светлана Васильевна — математику... По физкультуре и то пятерка не выходит. В основном из-за прогулов.

— Тебя точно не потеряют? А то будут меня потом менты таскать, — снова появился в кабине дядя Вася.

— Не-а. Не потеряют, — не соврал Тимоха. — Я к вечеру вернусь. Меня наш сосед, дядя Олег Доценко, заберет.

— Смотри! — КрАЗ тяжело вздохнул и снова стал набирать невысокую крейсерскую скорость.

«Не потеряют, — подумал про себя Тимофей. — точно не потеряют. Себя бы не потеряли...» Нынче отец, вернувшись с буровой, в дом пришел уже пьяный. Раньше мать ругалась, плакала, водила его к врачам, а потом сама стала пить с ним. Не ссорились, но и света не видели. Оба с опухшими лицами просыпались по утрам и первым делом искали опохмелку. Тимоха сначала выливал проклятую водку в унитаз, но потом понял: бесполезно. И самое страшное начиналось, когда у родителей кончались деньги, а займы никто не давал... В последние два дня отец переходил на пиво, сидел часами в ванне и, худо-бедно, к вахте превращался в человека, а вот мать болела тяжело и не всегда находила в себе силы остановиться. Пила, пока он был на работе, меньше, но бутылку в холодильнике держала постоянно. В редкие минуты трезвости вспоминали о сыне: «Тимоха, ты ел чего? Тимоша, ты уроки-то выучил? Тимофей, вынеси мусор да сходи за хлебом...» А кто хлеб до этого дня купил, не спрашивали. И колбасу, что с соседями умяли с вечера...

Однажды Тимофей тоже решил напиться. Как это говорят взрослые: с горя. Родители в этот час посапывали у себя в комнате, он же подошел

к холодильнику, налил себе из початой бутылки полстакана какого-то хитро улыбающегося «Кузьмича» и даже огурец соленный на закуску достал, подражая отцу. Выпил холодную, обжигающую жидкость и даже не закашлялся. Огурчиком похрумкал, налил, как полагается, по второй. И снова — прокатилась. Вкуса не понял. Но что-то приторное в горле осталось. Зато сразу уяснил, что приторность эту хорошо проталкивать внутрь огурцом, а то и рассолом. Перебил вкус водки, подмигнул Кузьмичу и потянулся к отцовским сигаретам, чтоб, как говорится, полный комплект. Прикурил, пару раз взял дым в щеки, а потом и в затылок потянул... Пол под ногами качнулся, а потолок вообще завертело, как лопасти вертолета. С трудом устоял на ногах, схватив голову руками, чтоб ее не вывернуло на все триста шестьдесят градусов. До туалета шел, как матрос во время шторма. Еле дотянул. Так и уснул, обнимая унитаз.

— Глянь, красота какая! — перебил дяди Васин голос хриплого уркагана, что призывал на всю кабину: «воруй, Россия...»

КрАЗ выехал на болото. Зимник здесь шел почти по прямой, среди худосочных сосенок — метр

с кепкой — и низкорослых кустарников. На десятки километров вокруг была гулкая заснеженная равнина, по восточному краю которой ослепительным оранжевым шаром катилось солнце.

— Ищут, понимаешь, край света, а вон он!

— А почему, дядь Вась, на трассе Большая земля начинается? У нас тут что — маленькая?

— Не скажи, маленькая. Видал, какой простор. Это потому что мы в тайге, как на острове. Зеленое море тайги, слышал песню? Ну вот, представь, что в зеленом море остров — наш поселок. А мы, стало быть, на материк с тобой едем. Уразумел?

— Вроде, — закусил губы Тимофей.

Некоторое время ехали молча. Любовались пейзажем. И тот и другой не впервой, но всякий раз за окном даль открывала себя как-то по-новому, с другим настроением, что ли?..

Изношенные паруса облаков в низком, но пронзительно голубом небе превращались в диковинные письмена, похожие на египетские иероглифы. Они перетекали за далекую гряду тайги, отчего небосвод, казалось, наклонился в сторону той самой Большой земли. Чувство простора захватывало и несло Тимофея в сказочные

страны, о которых мама читала ему в оные времена по вечерам. О таких сказочных, что когда он переспрашивал у нее непонятные слова, она и сама не могла толком объяснить их значения. Дорога заставляла забыть и печальное и радостное и оставляла лишь два чувства: либо восторг причастности к огромному миру, либо, в худшем случае да в зависимости от условий (метели, сильной оттепели, разбитости) — невеселое ревущее качание, от которого ни сна, ни бодрости, а лишь чувство затяжной борьбы, притупленное смирением перед обстоятельствами. Машина в такое время вгрызается в пространство, точно бур, и управляет ею слившийся с баранкой и педалями нерв, искрящийся вперемешку народной мудростью и матерками.

— Тебя на повороте высадить или к дому какому подвезти?

— На повороте.

2

В первую очередь Тимофей направился на рынок к той самой бабушке. Бабушкой он называл седую армянку, которая владела маленькой

-122768/1

Мальчик без шпаги

столовой и магазином напротив заправки. Она встретила мальчика с улыбкой:

— Давно не был, Тимофей, здравствуй. Что привез?

— Три муксуна, одна нельма и две стерляди.

— Ай, молодец! Хорошая, свежая рыба. Деньги даю как всегда. Считай внимательно. Четыре по семьдесят, и две по пятьдесят. Всего — триста восемьдесят рублей. Считать в школе учат?

— Вы уже спрашивали, баба Ануш, — Тимофей торопливо спрятал купюры в потайной карман куртки, который собственноручно вшил в подклад.

— Хороший ты парень, Тимофей, маме помогаешь, а мои сыновья не хотят мне помогать. Только деньги просят. Каждый месяц новый бизнес начинают, прогорают и снова начинают. Торговать здесь им, понимаешь, зазорно. Видел бы ты, какие у них машины?! Когда в Карабахе жили, на ишаке ездили, а теперь... Эх-хе-хе...

— Да видел как-то, приезжали они, гыркали тут, по-вашему.

— Вот-вот, только языками мелют. Всем землякам вдоль трассы рассказывают, как много они зарабатывают, а сами ко мне едут денег дай!

Муниципальное автономное учреждение культуры
библиотечная система
Литературно-краеведческий центр

17 г. Тюмень, ул. Первомайская, д. 14

— А я учусь плохо, — вздохнул Тимоха. — Ладно, пойду, мне еще на заправку надо.

— Иди. Осторожнее там, здоров будь. Удачи.

— Спасибо, и вам тоже, баба Ануш.

Тимофей знал, что его рыба будет продаваться по сто тридцать, а то и сто пятьдесят рублей за килограмм, но торговые отношения с бабушкой Ануш его вполне устраивали. Любой рыбак мог целый день простоять со своими хвостами и ни одного не продать, а тут была возможность уехать из Демьянки хоть при каких-то деньгах.

Отойдя в сторону, он некоторое время озирался, высматривая нужного человека. Рынок жил обычной жизнью. В центре стоянки сгрудились большегрузные фуры, жались друг к другу так, словно никогда не разъедутся. Чумазные водители пили дешевый и плохой кофе, грызли горелые шашлыки — экономили командировочные. По периметру рынка выстроились «газели», а легковые и, особенно, иномарки останавливались, где вздумается. Машины подъезжали и уезжали, и только запах копченой рыбы, нанизанный на дым из мангалов, оставался здесь всегда, пропитав не только воздух, но и окружающее редколесье. В некоторых лавках гремела из разбитых

динамиков музыка, приклатненная, однообразная и хриплая, как вся нынешняя жизнь.

На другой стороне дороги находилась заправка с выстроенным на прилегающей территории довольно крупным для здешних мест маркетом и кафе повышенной комфортности. Там тоже останавливались проезжие, но заметно меньше, чем на рынке.

Тимофей, не торопясь, перешел на другую сторону. Послonyлся вокруг заправки и решил зайти в кафе. Посетителей было немного, и нужного человека он увидел почти сразу. За крайним, ближним ко входу столиком сидел парень лет двадцати. Перед ним стояла ополовиненная бутылка пива и надкусанный пирог на блюде. Он смотрел на мир слегка брезгливо, будто оказался здесь случайно, и если сталкивался с кем-то глазами, то никогда первым не отводил взгляда. Хроническая наглость и странное, не соответствующее внешнему виду высокомерие отражались на его лице. Лоб его наискось рассекал пополам свежий шрам, одним концом ломая бровь, а другим — короткий ежик волос. Черные цепкие глаза буровили посетителей; под плоским боксерским носом и вокруг слегка искривленных губ неровно цвела щетина.

Из-под рукава свитера выползала на внешнюю сторону правой кисти татуировка змеи.

— Здорово, Миша! — Тимофей плюхнулся на стул напротив, не спрашивая разрешения.

— Здоровей видали, — ухмыльнулся парень и протянул мальчику голову змеи. — Есть хочешь, Тимох?

— Да, пирожок бы не отказался. С чаем.

Миша кивнул худенькой официантке, и та немедленно подошла с блокнотом, точно он был в этом зале самый важный гость.

— Беляш и чай... И это... Шоколадку, «сникерс» какой-нибудь.

— Да ладно, Миш, — смутился Тимофей, — че на меня тратиться?

— Отработаешь...

На разогретый в микроволновке беляш и стакан чая Тимофею понадобилось чуть больше минуты. Только после этого Михаил начал деловой разговор.

— Сегодня есть две цепочки, просим по две штуки, отдаем по полторы, мобила одна есть с фотиком, проси три, отдашь в случае чего за две с половиной, камера есть цифровая, запомни, цифровая! Японка настоящая! Меньше пяти не

отдаем, она в магазине пятьсот баксов стоит, и вот еще какая штука есть... — синяя змея скользнула во внутренний карман куртки, и Тимофей увидел на ладони старую пуговицу.

Обычная с виду пуговица военного, похоже, образца. На бронзовой металлической шляпке — двуглавый орел, но что-то с ним было не так. Не такой, какие приходилось видеть нынче. Тимофей осторожно взял пуговицу в руки. Осмотрел со всех сторон. Металлическая петля с обратной стороны, пообтершаяся местами поверхность и, показалось, несоответствующая размерам пуговицы тяжесть.

— Пуговица? — пожал плечами Тимоха.

— Пуговица, да не простая. Ребята из Екатеринбурга слили. Проиграли, короче. Если не врут, то эта пуговица из ипатьевского дома. Слышал про такой?

— Не-а...

— Там царскую семью расстреляли. Николая и всех его родственников. Про это-то слышал?

— Немного. Революция какая-то была, Ленин там, флаги красные...

— Во-во. Лет десять назад тебе эту историю в башку, как собственное имя, вдолбили бы. А теперь...

— Мы по истории пока средние века проходили. Королей всяких, папу римского. А русскую историю только начали. Интересно, только я их плохо запоминаю, князей много. Так эта пуговица что — золотая?

— Да нет, обычная. Но, возможно, она у царя на мундире была, или у сына его, царевича Алексея. Он чуть старше тебя был. Я по телику программу смотрел. Короче, Тимоха, это антиквариат. Пуговицу очкарикам впарить можно. Но цену я ей, Тимоха, не знаю.

— Эх, спросить бы историка нашего!

— Вобщем, когда их расстреляли, то сняли с них все драгоценности, забрали личные вещи и, выходит, даже пуговицы содрали. Говорят, в брюликах царевен потом большевицкие жены рисовались. Даже туфлями не побрезговали. Во, блин, какая у нас революция была, Тимоха. — Миша скривился и опрокинул в себя остатки пива из бутылки.

— Так почем ее толкать?

— Не знаю, Тим, но и, чувствую, в моем кармане ей делать нечего. Тянет чего-то. Да и пове-рит кто? Пацаны эту пуговицу, может, у какого видного антиквара поймали. Кто его знает? За такими вещицами, бывает, Контора охотится.

— Какая контора?

— ФСБ, слышал? Федеральная служба безопасности.

— Круче ментов?

— Круче. Если этим че надо — они до печени достанут. Так что пуговка эта... — Миша задумчиво прищурился. — Хотя вряд ли. Все-таки пуговица не брюлик и не золотой портсигар. Попробуй, если какой-нибудь лох за нее хоть что-то даст, отдавай. Верю тебе на слово! За остальное, как обычно, десять процентов твои. Все в пакете. — Кивнул под стол. — Вначале подстрахую, потом уйду. Часа через три вернусь, встречаемся здесь же.

Тимофей взял пакет, мельком глянул на содержимое и по-взрослому протянул руку.

— Удачи, напарник, — улыбнулся Михаил, пожимая ладошку мальчика, и эта улыбка вмиг стерла с лица презрительное напускное выражение.

— Удачи, напарник, — в тон повторил Тимоха и браво направился к выходу.

— Напарник, это не подельник, — одобрительно покивал вслед Михаил.

3

Михаил «нанял» Тимофея месяца три назад. Тот появился на заправке, как только встал зимник. Продав рыбу, бродил кругами по рынку и нарвался на местных пацанов. Человек пять мутузили его в подлеске, пытаясь отобрать деньги. Тимоха отчаянно сопротивлялся и одному даже прокусил ухо. Уже были разбиты нос и губы, уже согнулся он калачом, пытаясь поймать пинающие его ноги. И тут в драку вмешался Михаил. Местные отступили по первому его слову, но сквозь зубы ругались: мол, пришлый не заплатил дань.

— Ох, рэкетеры! — цыкнул на них Михаил, потом подал руку Тимохе: — Зачем тебе деньги?

— Жрать дома не на что, — сплюнув кровь, ответил Тимофей.

— Пошли... Со мной пошли. Ну? Не дрейфь, пошли. Я тут пообедать собрался, напарник нужен. Поможешь? Зовут-то как?

С тех пор местные обходили Тимофея стороной, как заговоренного. Несколько раз подкатывали поболтать, стрельнуть закурить, время от времени брали взаймы, но всегда отдавали. На рынке они подрабатывали «принеси-унеси»

и «последни за огнем». Иной раз обламывалось что-нибудь посолидней. С заправки, где поначалу пацаны нанялись услужливо вставлять пистолеты в баки, дабы водители не марали рук, их прогнали. Сам Тимофей не курил, но за козырьком шапки всегда носил пару сигарет — угостить. За это его почему-то уважали и здесь, и дома, в школе.

В первый раз Михаил попросил Тимофея продать какие-то иностранные часы, и последнему удалось повернуть сделку за десять минут с первым же клиентом.

— У тебя, напарник, талант, — признал Михаил.

Талант заключался в том, что Тимофей безошибочно чувствовал человека, у которого есть лишние деньги и который не побрезгует купить вещь сомнительного происхождения. В качестве катализатора сделки неплохо проходило давить на жалость, при этом Тимоха почти не врал: мама с папой пьют, дома кушать нечего, а я вон-какую вещь вполцены отдаю, не возьмете — пришибут дома. И покупали. Почти не торгуясь. С каждой сделки юный посредник получал свои десять процентов, иной раз ему удавалось заработать полторы, а то и две тысячи рублей.

— Тимоша... — только-то и сказала мать, увидев на столе первую выданную Михаилом тысячу рублей.

— Я заработал, мама, — упредил он, но со спокойной совестью промолчал о записке в потайном кармане. Мало ли, может, этой тысячи уже к вечеру не будет.

Однажды он вернулся домой и увидел неровный квадрат пыли на том месте, где стоял телевизор. Мать спала в своей комнате, на кухонном столе — батарея пустых бутылок и консервных банок. Картина была ясна даже младенцу. Он стал раскачивать ее за плечо, пытаясь разузнать, где телевизор. С трудом выбил из нее: дядя Степа. Пришлось идти к соседу Степану Михайловичу, у которого мать часто занимала деньги.

— Дядя Степа, наш телевизор у вас?

— Да, Тимош, мать продала. Я бы не стал брать, у меня своих два. Но она унесла бы его на рынок. Отдаст деньги, верну.

— Сколько? — очень по-взрослому спросил Тимофей.

— Сейчас отдала за тысячу, а еще до этого брала полторы.

— Дядь Степ, я вам сейчас тысячу отдам, а через пару недель — остальное. Можно?

— Можно, Тимош, но если она завтра телевизор унесет в другое место, я ничем помочь тебе не смогу.

— Понятно, — грустно согласился мальчик.

В следующий раз исчез музыкальный центр. Его вернуть не удалось, потому что концы потерялись где-то на зимнике с гастролировавшей компанией подпитых молодцев. Ушел он за две бутылки водки и двухлитровый пластиковый жбан пива. Вернувшийся с буровой отец в первый раз на глазах сына начал избивать мать. Правда, Тимофею показалось, точнее, он инстинктивно понял, что музыкальный центр здесь ни при чем. Он не пытался повиснуть на руках отца, просто забился в угол своей комнаты и слышал только одно:

— Гоша! Я ничего не помню! Гоша, прости! Они сами пришли-и-и-и...

В тот же вечер мать и отец помирились за бутылкой, и папа Гоша горделиво целовал кровоподтеки на лице мамы Иры. Целовал так, будто это были подаренные им украшения. А она затравленно улыбалась и почему-то украдкой подмигивала сыну. Ночью у Тимофея случилась истерика,

он проснулся от того, что плакал навзрыд, сна не помнил. Его хотели отпоить валерьянкой, но ее в доме не нашлось, и тогда отец принес ему рюмку водки. Мол, ничего страшного, он читал, что это лучший транквилизатор. Слово «транквилизатор» напугало Тимофея не меньше, чем напугало бы слово «яд» или воспоминание о том, как его выворачивало после выпитой водки.

Последние два-три месяца Тимофей не знал, куда себя деть. Утром не хотел идти в школу, потому как не помнил, когда последний раз выполнял домашнее задание, а после обеда не хотел возвращаться домой. Бывало, допоздна слонялся по улицам поселка, уходил в лес, в лучшем случае — навязывался на рыбалку со взрослыми. Брали его с удовольствием. Парень и здесь приносил удачу. При этом был вынослив и терпелив, не хныкал и не просился поскорее домой.

С Михаилом ему было спокойно, как со старшим братом. Тимофею хотелось быть похожим на этого уверенного в себе парня, у которого свой кодекс чести, свое понимание этого мира. А самое главное — он честен со своим младшим партнером. Однажды Тимофей спросил у него:

— Миш, а ты, правда, ничего не боишься?

— Я разве такое говорил?

— Нет, но вот ты такой... — и не нашлось слов.

— Какой? — ухмыльнулся Михаил. — Ты с меня пример не бери, Тимоха, у меня ничего впереди и пустота позади. Только день сегодняшней. И я в жизни не встречал человека, который бы ничего не боялся. Даже самые отчаянные ребята имеют слабую точку. Кто-то боится Бога, кто-то позора, кто-то самого себя... Я, например, тумана боюсь.

— Ту-ма-на-а? — удивленно растянул Тимофей.

— Ага. Смешно?

— Нет. А почему боишься?

— Не знаю. Но меня дрожь пробирает, когда туман. Выйдешь на улицу, а вокруг больше чем на двадцать метров ничего не видно. И такое странное чувство возникает, что за этой белой пеленой ничего и нет! Все! Мир такой маленький, сжался вокруг тебя, а там — пустота! Ничего! И ты весь мир можешь обойти за минуту. Как камеру.

— Как что?

— Да ладно, фигня это все. Не парься. Незачем тебе чужие страхи знать. Меня не вылечишь, а сам заболеешь.

— А мне туман нравится, — признался Тимофей, хотя некоторое время думал, говорить ли об этом, как это понравится Михаилу?

— Вот видишь! Значит, в чем-то ты круче меня! Не зря я тебя, партнер, приметил. Слушай, ты мне не говорил, а кем ты хочешь стать?

— Я?

— Ну да.

— Не знаю, — смутился Тимоха, — я учусь плохо. Учителя говорят, что в институт меня не возьмут. Я бы в путешественники пошел, но отец смеется, мол, сейчас за это не платят, а чтобы путешествовать, самому платить надо.

— Путешествовать... — задумался Михаил.

— Путешествовать. Все повидать. Потом книгу бы написал с фотографиями, чтобы все видели.

— Я сейчас тебе, Тимох, умную мысль скажу, только не смейся, — предупредил Михаил.

— С чего?

— Ну, мало ли. Ты от меня таких не слышал. — И закурил, чтобы сосредоточиться и выдержать паузу, дабы Тимофей мог прочувствовать важность сказанного. — Я так, парень, думаю. Путешествовать, это не профессия, это призвание. Разницу чувствуешь?

Тимоха долго пережевывал в уме слова Михаила. Слово «призвание» ему очень понравилось. Оставалось только додуматься, кто его призывает. Но он боялся признаться Михаилу в том, что ему не все здесь ясно. Тем не менее, через минуту он отчетливо и взвешенно сказал:

— Понимаю.

4

Отец начал пить, когда стали задерживать зарплату, точнее, вообще перестали платить. Продукты в поселковом магазине выдавали под запись. И первое, что брали отчаявшиеся мужики, была водка. Русский парадокс: денег нет, выпить всегда найдется.

Когда геология не вписалась в рыночную экономику, не стало и работы. Полпоселка перебивались случайными заработками, шабашили на Большой Земле, некоторые уезжали, но потом возвращались — там было еще хуже, там никто не ждал. Тимофей тогда учился в первом классе и очень старался, правда, оценок им не ставили, но он был на хорошем счету. Мама каждое утро любовно гладила ему новый костюмчик и белую

рубашку, обязательно белую. И приговаривала при этом:

— Хотя ты у нас, Тимоша, выучишься.

Сама Ирина Андреевна до того, как ее уволили за пьяные прогулы, работала нянечкой в детском саду. И когда Тимоша ходил в детский сад, ему все завидовали. Еще бы: он и дома и в детском саду с мамой. Как он гордо вышагивал, приговаривая: «мама, мы к тебе на работу идем, я тоээ буду там лаботать...»

Иногда ему снились эти добрые дни...

Разумеется, и раньше в семье бывали застолья. К родителям приходили друзья, рассказывали смешные истории, пели песни, в доме становилось тесно и накурено, стояли на большом столе разные бутылки, все было как-то по-другому. И заканчивались посиделки неизменно чаем и огромным тортом. Ох, и не терпелось — когда же начнут разрезать эту пропитанную сладким кремом мякоть?!

Утром после таких праздников отец бывал хмур, но оставался добрым и часто, взяв с собой Тимофея, уходил на рыбалку. По старинке — с удочками. Они часами разговаривали на берегу и мечтали о том, как поедут летом в отпуск.

На берегу Егор Семенович мог выпить бутылку пива. Одну. И почему-то всегда в этом случае спрашивал разрешения у Тимоши. Обратно возвращались счастливые и усталые, в рюкзаке непременно дюжина чебаков, язей, лещей, а то и цеплялась за отцовский спиннинг щука. Когда это было?

В третьем классе Тимофей начал пропускать уроки, а воротничок его рубашки стал серым. Часто приходилось ходить в школу в спортивном костюме и рваных кроссовках. И тогда он стал замечать, что вокруг него образуется пустота. Нет, внешне о нем все проявляли заботу, даже ругали как-то осторожно, точно не он, а учителя и воспитатели перед ним виноваты, но именно из такого отношения вырастала вокруг холодная пустота. На беседы к себе стала приглашать психолог, и многих трудов стоило объяснить этой вкрадчивой женщине, что с мозгами у него все в порядке. Она поверила, но все же раз от раза приглашала в свой маленький, но уютный кабинет «поговорить по душам». Чего она хотела? Вероятно, как и все педагоги, добра, но получалось почему-то... Ничего не получалось! Тимофей как будто в одночасье оказался в другом

мире, приходил в школу из другого измерения. И когда после окончания четвертого класса им всем подарили красивые фотоальбомы, оказалось, что у него даже нет фотографий, кроме тех, что в обязательном порядке (а для таких, как он, со скидкой, а то и бесплатно) делали в школе. Вместе с альбомом подарили книгу. Она называлась «Мальчик со шпагой», написал ее Владислав Крапивин. На обложке действительно был нарисован мальчик со шпагой в одежде мушкетера. Мальчик, как и Тимофей, жил совсем в другом мире. Иногда очень хотелось окунуться в этот мир, казалось даже — он действительно существует. Нужно только открыть книгу. Тимофей же никак не решался. Все откладывал на потом. Книгу всегда хранил на письменном столе, и мальчик со шпагой по вечерам был рядом. Случалось, Тимофей все же раскрывал книгу наугад, но не читал, а просто смотрел на выстроившиеся абзацы, и они сливались в его воображении то в высокие скалы, о которые разбивается океанская волна, то в небоскребы далеких шумных городов, то мчался в ночи между строк скорый поезд... Наверное, где-то там жил мальчик с обложки.

За последние пять лет Тимофей только раз побывал у моря. А ведь в Крыму жила бабушка! Перед самой школой всей семьей съездили к ней, однако потом все как-то не получалось. Это была мама отца. И с тех пор, как отец стал пить, от нее перестали приходить даже письма. Скорее всего, потому что ни отец, ни мать не писали ей, не звонили и не посылали денег, как делали раньше. Тимофей написал письмо сам, но помнил только, что живет она в поселке рядом с Ялтой. А название какое-то нерусское из головы выветрилось. Да тут еще узнал, что бабушка теперь живет в другом царстве-государстве. Непонятно это было Тимофею, ведь говорили в Крыму на русском языке. Так и лежало письмо в столе.

На море он попал после четвертого класса с группой ребят. Тогда и услышал обидную фразу «неблагополучная семья». Именно как члена такой семьи его отправили за счет государства в летний лагерь под Новороссийском. Но не поездом, как мечталось, а самолетом, который поднялся над облаками, и ничего, кроме волнистой снежной перины, увидеть не удалось. В лагере все было устроено строго по режиму, и однажды, когда Тимофей убежал утром на море, чтобы

посмотреть, как поднимается над бесконечной лазурной гладью солнце, его чуть не отправили домой. Воспитательница потом до конца смены водила за руку, а если что-то случалось, то первым начинали допрашивать Трофимова.

И тогда он дал себе слово, что накопит денег и обязательно вернется сюда на поезде через всю страну. Привезет с собой родителей и покажет им... Покажет, как прекрасен этот мир. Прекрасен, как огромное блюдо спелых черешен в добрых бабушкиных руках. Как ни с чем не сравнимые по вкусу домашние оладьи с холодной густой сметаной. Как тихий шепот моря и шелестящий ответ тайги. Как прикосновение маминых рук к взлохмаченной мальчишеской голове, без которого не бывает настоящего детства.

5

На крыльце Тимофей аккуратно спрятал пуговицу в потайной карман. Еще в кафе он почувствовал — пуговица действительно необыкновенная. И решил: обязательно все узнает про императора Николая Второго и его сына. Вот ведь получалось: царь и царевич — все у них было,

дворец, слуги, армия, целая страна, огромная Россия, и ничего не стало! Даже пуговицы отобрали! И расстреляли. Чем провинился мальчик перед большой страной?..

На заправке стояла «газель» и приземистый «Форд-мустанг». Тимоха подошел поближе, чтобы рассмотреть людей. От «газели» к кассе заправки метнулся водитель. По его веселым глазам Тимофей понял, что он находится в хорошем настроении, а значит — можно попробовать «впарить» (так говорил Михаил) ему что-нибудь из пакета. На пуговицу этот даже не посмотрит. Уже с чеком в руках он чуть не сшиб с ног Тимофея.

— Ты чего, малец, светофора не видел? Прешь сто двадцать по встречной! Щас права отберу!

— Я к вам, дядя.

— Ко мне? Денег что ли надо?

— А может, вам мобильный надо? Недорого совсем. С фотоаппаратом. Такие, знаете, сколько в магазине стоят?

— Глянуть дай. Хотя и не люблю я эти помеси, смешают бульдога с носорогом, а потом ни то, ни другое нормально не работает. Телефон должен быть телефоном, а фотоаппарат — фотоаппаратом.

— Шас так модно, дядя.

— Ишь ты, коммерсант. Я бы башку тому оторвал, кто тебя сюда послал.

От этих слов Тимофеем невольно покосился на огромные витрины кафе, за которыми невозможно стоял Михаил. Показалось, даже подмигнул: не дрейфь, парень.

— Это мне родители башку оторвут, дядя, если я на опохмелку не принесу.

— А вот я сейчас возьму тебя за шиворот, и поедем к твоим родителям.

— Поедем, — спокойно и грустно ответил мальчик, — только что от этого изменится?

— Ладно, — уже более добродушно кивнул водитель, — сколько просишь?

— Три с половиной, но вам отдам за три.

— Ну да, мне как постоянному клиенту скидка, — хитро ухмыльнулся водитель. — Может, еще дисконтную карту дашь?

— Какую карту?

— Тут намеренны цыганки гадали со скидкой, я чуть без штанов не остался. Правда, сообразил вовремя, одной волосы на кардан намотал, — он показал для вящей убедительности слегка покрытый сажей кулак, — пока скидку не вернули. Они

потом от меня, как группа Шумахеров, рванули. Я столько проклятий в свой адрес за всю жизнь от жены не слышал. Ну, чего припух? Вот тебе три штуки, вдруг не врешь, отдашь родителям, а это лично тебе — на мороженое, — добавил еще сто рублей, подумал и выгреб из кармана всю мелочь. — Куда, на хрен, наше правительство смотрит?

Тимоха хотел, было, предложить еще что-нибудь, но интуитивно уловил — будет лишнее, а может и вообще разрушить только что возникшую дружескую идиллию.

— Как хоть тебя зовут-то, коммерсант?

— Тимоха!

— Ну, ищи другого лоха, Тимоха! — подмигнул рифмой водитель и той же стремительной походкой устремился к своей «газели».

Уже у машины помахал на прощанье «мобильным»:

— Будут проблемы, звони, подъеду.

Тимофей махнул в ответ свободной рукой и неторопливо направился к «Форду», чтобы присмотреться к пассажирам. Михаил за стеклом подбадривающе отогнул над змеей большой палец.

Нет, в иномарке были явно не те ребята. Из тех, что отбирают, а не покупают. И разговоры у них

какие-то непонятные. Вроде, на русском языке говорят, а ничего в толк не возьмешь. Сделав почетный круг на безопасном расстоянии, Тимофей направился в сторону кафе. Следовало немного переждать, когда сложится благоприятная коммерческая обстановка. Михаил никогда не торопил, не отправлял к тем, кто, с его взрослой и опытной точки зрения, «был с башлями». Сразу понял, Тимохе главное не мешать, не подрезать инициативу, и все будет тип-топ. Вероятно, срабатывал какой-то особый закон сохранения энергии, по которому человеку хоть в чем-то должно было везти, хоть в каком-то деле ему должна будет сопутствовать удача. Однажды Михаил, чтобы проверить свою версию Тимохиного везения, усадил мальчика играть в карты. И через час сдался со словами: «Если с тобой честно играть, то банка не видать. Эх! В казино бы попробовать! Но кодекс запрещает эксплуатацию несовершеннолетних...»

Некоторое время на заправке было тихо, а потом, как говорится, пошла масть. Меньше часа потребовалось Тимофею, чтобы распродать содержимое пакета по значительно более высоким ценам, чем называл Михаил. Оставалась только пуговица в тайном кармане.

Как раз под нее подъехал на синей «ниве»-пятидверке молодой священник с семьей. Тимофей с интересом посмотрел на четырех ребятшек, ютившихся на заднем сидении, на худенькую матушку в стареньком платке, на самого батюшку, что вышел из машины в черной рясе с золоченым крестом на груди и пошел неторопливо к кассе заправки.

— Здравствуйте, — сказал ему Тимофей.

— Здравствуй, — улыбнулся священник.

— У меня вот к вам вопрос есть, — смутился мальчик под пристальным взглядом и замялся.

— Ну, спрашивай? — иерей подчеркнуто неторопился.

— Посмотрите, — и достал из кармана пуговицу.

Священник внимательно осмотрел ее со всех сторон, вскинул бровями:

— Что ж, старая пуговица...

— Скажите... Батюшка, — вспомнил, как обращалась к священникам бабушка, что жила в Крыму, — а вот если эта пуговица из этого... Из ипатьевского дома и принадлежала кому-нибудь из царской семьи?..

Священник стал еще более серьезен и буквально насквозь прошел Тимофея испытующим взглядом.

— А у тебя она откуда?

— Друг дал. А ему случайно досталась, он и сам не знает, правда это или нет.

— А тебе самому известно, что царь Николай Второй и его семья святые?

— Святые? И за это их расстреляли?

— Их недавно причислили к лику святых. Большевики-безбожники уничтожили следы своего злодеяния, все следы замели. Обливали кислотой и несколько раз сжигали их тела. Недавно, правда, захоронили в Петербурге какие-то останки, найденные под Екатеринбургом, даже экспертиза была, но почему-то в Англии. Я вот не верю, что это их прах. Император предрекал, что тело его не найдут. Поэтому, если у тебя в руках то, о чем ты сейчас сказал, это частица святого.

— Ух, ты... — не удержался от непонятного самому себе восхищения Тимофей.

— И относиться к ней надо соответственно. Но, как я понимаю, проверить мы это вряд ли сможем.

— А сколько она может стоять? — сначала спросил, а потом испугался своего вопроса мальчик.

Батюшка глубоко вздохнул и отвел глаза в сторону. Сколько-то помолчал, обдумывая ответ, доступный пониманию отрока.

— А сколько стоит частица неба? — ответил вопросом на вопрос.

— Неба? Да разве... Это... Ну, разве может быть... Чтоб небо...

— И я о том, — грустно улыбнулся священник, — хотя, знаешь, могут найтись дельцы, которые и небо разделят и начнут продавать частями. Землю уже продают, леса, воду... У них все имеет цену, потому как деньги для них мерило всего. Понимаешь?

— Понимаю.

— Как тебя зовут?

— Тимофеем.

— Крещеный?

— Да, меня бабушка в церкви Александра Невского крестила.

— Вот видишь, Тимофей, имя у тебя апостольское. Знаешь об апостолах?

Тимофей теперь был еще больше озадачен, чем в тот момент, когда задал первый вопрос. Он

в смятении сжимал в руке пуговицу и очень хотел отдать ее священнику. Пусть проверит. Пусть узнает. Но за витриной кафе стоял Михаил, которому она принадлежала, и мальчик не знал, как ему поступить. Зато знал батюшка. Он положил ему руки на плечи и заглянул в глаза:

— Не мучайся. Если это та пуговица, то она сама найдет нужные руки. Но помни главное, продавать ее нельзя. Только дарить. А может, кому-то удастся проследить ее путь, найти доказательства.

— Спасибо, батюшка, — облегченно вздохнул Тимофей.

— И тебя Спаси Бог.

Священник направился, было, к заправке, но вдруг вернулся к машине, открыл багажник и стал рыться в сумке.

— Тимофей, постой, — окликнул он мальчика и, когда тот подошел к нему, протянул в руке маленькую красную книжицу.

«Православный молитвослов», — прочитал Тимофей. А батюшка в это время вручил ему вторую — тонкую, наверное, из серии «для самых маленьких». На стальном по цвету титульном листе был напечатан портрет — с него внимательно

смотрел на Тимофея последний император — и золотыми буквами вверх и вниз: «Детям о царе».

6

После обеда в кафе Михаил и Тимофей подвели итоги. Получилось, что Тимофей выручил тринадцать тысяч рублей. При этом он выложил на стол даже те деньги, которые давали лично ему. На мороженое. Михаил, глядя на пачку купюр, одобрительно шелкнул языком:

— Отлично! Прекрасная работа, напарник! Полторы штуки твои.

— Но ведь должно быть только тысячу триста?

— Двести — премия за честность и скорость. Убери в свой специальный карман.

— Вот пуговица, — Тимофей робко выложил ее на стол.

— Узнал что-нибудь у попа? — не торопился взять реликвию в руки Михаил.

— Узнал, — и Тимофей подробно пересказал весь разговор с батюшкой и показал книги.

Михаил слушал его, нервно покусывая губы и при этом пристально глядя в глаза, отчего даже

ни на йоту не лгавшему Тимохе приходилось опускать свои. Будто в душе у него кто копался. Но в итоге Михаил повел себя совершенно неожиданно:

— Вот что, парень, оставь ее себе. Мне она карман тянет. Ну? Чего раскис? Бери, пока дают. Я же вижу, она тебе нравится. Раз цены ей нет, то и продавать ее нельзя. Кто знает, может, это, правда, грех. Мне и так грехов хватает.

Тимофей зажал пуговицу в ладошку и некоторое время не насмеливался задать мучивший его вопрос. В конце концов решился.

— Миш, а эта пуговица что — ворованная?

Старший партнер не повел даже бровью.

— Слышь, Тимох, ты мне, вроде, никогда не врешь?

— Никогда, — поторопился подтвердить Тимофей.

— А почему тогда думаешь, что я тебя обманываю? Я же сказал тебе — на кону я ее взял! В карты! Понял?

— Понял.

— Понял, — передразнил Михаил, — что ворованное — ты и так прекрасно знаешь. И зна-

ешь, сколько мне светит за то, что я с малолеткой связался!

— Я тебя не выдам! — вскинулся Тимофей. — Никогда!

— Не выдам, — криво ухмыльнулся Михаил, так, как будто Тимофей уже давно сдал его с потрохами. — Тебя кто спросит?

— Извини, Миш, — Тимофею почему-то захотелось заплакать от непонятной и жесткой обиды, и он с трудом сдержался.

— Ладно, забыли... — добродушно обмяк Михаил.

— А можно, я еще спрошу?

— Валяй, тебе все можно. Ты мне, Тимоха, как младший брат. Только никогда не пользуйся этим. Что нужно, я тебе сам всегда отдам. Спрашивай.

— Миш, а ты в тюрьме за что сидел?

— За драку, — без паузы ответил Михаил, — с тяжелыми последствиями. Достаточно?

— А в тюрьме как?

— В тюрьме, Тим, как в тюрьме. И народец там разный, и начальство. И как везде — сильный давит слабого и при этом делает вид, что так положено. Не надо тебе этого, Тимох, поверь мне на слово. Не надо. Нету там никакой романтики.

Не верь, не бойся, не проси... И везде эта долбаная иерархия! Всем надо, чтобы ты в ряд встал, понимаешь? Ни в один, так в другой, ни в красный, так в черный! Никакой свободы. Свобода только здесь! — Михаил ударил себя кулаком по груди. — Все остальное — слова для дураков. И дураков, Тим, больше, запомни это. Больше! И эти дураки, даже зная, что они дураки, корчат из себя умных и находят оправдание своей дурости. Вот из-за таких дураков наша страна в отхожем месте! Ай, да ладно... Не люблю я все эти базары, уж сколько говорено.

— Ну, — захотел успокоить его Тимофей, — ты же мне, как брату.

— Как брату, — согласился Михаил.

— Знаешь, я раньше думал, что ты пьешь водку, как мой батя. А потом смотрю, ты только пиво, и то никогда не видел, чтоб ты больше одной бутылки выпил.

— А это тоже вопрос свободы, но лучше тебе его никогда на вкус не пробовать.

— Пиво?

— Ну, на фиг, пиво! — хохотнул Михаил. — Вопрос! Если распробуешь, поймешь, что такое свобода, но у тебя ее уже не будет. Такая ситуация,

я в энциклопедии специально читал, парадокс называется. А у человека без внутренней свободы — вся жизнь парадокс. Тебе пока не понять...

— Че не понять-то? — попытался заспорить Тимофей, но сам осекся, действительно — не понять.

— Свобода — это выбор пути. Причем можно выбрать всегда, в любое время. Выбрал — пошел.

— Как путешественник?

— Ну... И как путешественник. У тебя свой путь, у меня — свой. И не ходи по моему. Это не твой! — глаза Михаила сверкнули суровой предупредительностью. — Мы с тобой два ручья. Слились на время в одном русле и разбежимся. Ты моей воды возьмешь, я — твоей. И, если честно, чем меньше ты возьмешь от меня, тем лучше. Знаешь, Тимох, у тебя в душе свет есть, его по глазам видно. А у меня... Короче, напоследок так растолкую: свобода, по-моему, — это когда человек ни от чего не зависит, ни от жратвы, ни от выпивки, ни от покровителей, ни от чиновников, ни от сильных, ни от слабых, ни от родителей, ни от ментов, ни от чего и ни от кого! Усек?!

— Разве так бывает?

— В идеале нет, но близко к идеалу — это уже от самого человека зависит.

— Надо быть сильным?

— Ты, в смысле, про мышцы спрашиваешь?

— Угу.

— Мышцы, конечно, хорошо, но не обязательно. Это состояние души и напряжение воли, вот что такое настоящая свобода. Меня в школе учили, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Красиво сказано, и все, вроде, верно. Но, когда помотришь на это общество, чем оно живет, то подумаешь — обмелел народ. И везде сейчас одно: деньги, деньги, деньги...

— Но ведь и мы деньги делаем?

— Делаем, ты прав. Но ты — для того, чтобы выжить, а я — для того, чтобы жить, как умею, как хочу. Я каждый вечер думаю, вот — завтра начнется счастливая жизнь, а она не начинается. Таким, как я, думать так нельзя. Это слабость. Так что, ничего мне ни от кого не надо. И пусть меня не трогают.

— Миша, а ты совсем один живешь? У тебя что, никого нет?

— Сейчас никого. Да зачем тебе все это, Тимох?! Не грузись ты! Жизнь и так, как самосвал,

ты едешь, а тебе из-за каждого угла подбрасывают. — В глазах у Михаила полыхнули злые огни. — Козлы! Козлы они все! Уроды! Плевать им и на народ и на страну! У меня нутро кипит, когда я телевизор смотрю! Призывают жить честно, с себя бы начали! А эти... Как их? Олигархи! Это вообще... — но глянул на съездившегося Тимофея и сдержался, не выругался. — Такие, как эти новые миллионеры, они либо бывшие комсомольцы, либо форца самая низкопробная.

— Форца? — повторил Тимоха.

— Ну, спекулянты. У них папаши и мамыши на «теплых» местах работали, они через них всякие редкие товары добывали и своим же друзьями втридорога впаривали. У нас в школе такие были. Кучковались с нами, шпаной, под своих косили. А после школы — мы на нары, а они в академии и банки!

— Тогда точно — козлы, — согласился Тимофей.

— А то...

— У меня отец, когда пьяный, сидит на кухне и долдонит: нет правды в России...

— Правильно долдонит, но на том все и кончается. Зальют глаза и орут. Вот бы Ленину таких

пролетариев, обломался бы он со своей революцией.

— Не, иногда батя такой страшный бывает. Смотрю на него и думаю — щас весь дом разнесет. И не слышит и не видит ничего!

— И это мы умеем, — задумчиво кивнул Михаил, он, похоже, начал думать о чем-то своем.

Заметив это, Тимофей замолчал.

— Знаешь, Тим, если б я мог собрать, как Ермак, отряд отчаянных ребят, я бы партизанить начал, ушел бы в тайгу...

— Здорово! — восхитился Тимофей.

— Ну-ну... Теперь это называется ОПГ.

— О-пэ-гэ?

— Организованная преступная группировка! Так что иди-ка ты, Тимоха, лучше в путешественники. И дуй отсюда в дальние страны! В пустыню какую-нибудь Сахару, там тебе точно никто мозги компостировать не будет.

Услышав такую перспективу, Тимофей тяжело вздохнул. Не знал, что ответить. Жизнь в будущем никак не представлялась. Ее впереди не было, как не было вчера и сегодня. Сколько еще можно возить рыбу бабушке Ануш, торговать цацками на заправке? И саднило в мальчишеской душе вполне

ясное понимание, что школу бесконечно пропускать нельзя, что когда-нибудь за это спросят по большому счету, что с родителями может произойти беда. Уж почти случилась. Однажды отец уснул с непогашенной сигаретой в руках. Тлеющий окурочек выпал на ковер, а через двадцать минут всю комнату заполнил едкий дым. Вовремя вернулся домой Тимофей и быстро залил из ведра начинавшийся пожар, потом открыл окна. Родители даже не проснулись. Остатки ковра отец утром выкинул, а на полу так и осталось черное выгоревшее пятно и кратеры лопнувших пузырей краски по краям. Никто Тимофею спасибо не сказал...

— Ладно, Тимох, надо мне к моим наркоманам ехать, их, наверное, уже плющит по полной. Когда в следующий раз будешь?

— Сегодня вторник, я и так школу пропустил, в субботу рвану. Там у нас так себе уроки. В субботу будешь?

— Раз ты приедешь, буду. Хочешь, я тебя посажу на машину?

— Не, не надо. Сосед обещал заехать. Я пока посижу, мне здесь нравится. Скажи только этим, — он кивнул на официанток, — чтоб не выгоняли.

— Скажу. Ну, бывай, напарник, — Михаил протянул Тимофею руку-змею.

7

В этот вечер Тимофей не рассчитал с возвращением. Видимо, отец должен был лететь на вахту раньше, и поэтому, когда Тимофей пришел домой, он отмокал в ванне, а на кухонном столе вместо водочных бутылок уже пузатились пластиковые пивные. Значит, отец приводит себя в порядок. Проскочить незамеченным в свою комнату не удалось, Егор Семенович распаренный вышел в прихожую.

— Ты где опять шлялся весь день?

— Ездил в Демьянку, — не стал врать Тимофей.

— Один? Вместо школы? Совсем от рук отбился! — хмурый, красный, измученный алкоголем Егор Семенович был настроен серьезно.

Ничего хорошего это Тимофею не сулило. Сбрасывая похмелье трясущимися руками, отец пытался в два-три дня нагнать пропитые дни. Он хватался вдруг за покосившийся забор во дворе, смазывал заскрипевшие дверные петли,

ремонтировал сломанную в пьяном угаре мебель, и — самое неприятное — требовал на просмотр дневник и тетради...

— Пап, я с друзьями ездил, думал, деньги в доме кончились, рыбу продал.

— Ну, е! — вскинулся Егор Семенович. — Я что — мало зарабатываю! Вкалываю, как проклятый, а ты учиться не хочешь!

И тут к глазам Тимофея подступили слезы, и обида сама выкрикнула себя:

— А вчера тебе на это плевать было!

Егор Семенович остолбенел, а Тимоха закрыл голову руками, готовясь к тяжелому удару. Но отец вдруг обмяк, присел рядом на корточки и, проглатывая какой-то жуткий комок, не своим, глухим и дрожащим голосом сказал:

— Прости, сынок. Гад я последний... — обнял и крепко прижал к своей груди. — Прости... Просто жизнь такая... Все... завязывать надо. Все, сынок, сейчас потихоньку пивком отойду и боле не буду.

— Правда? — сколько раз верил в это Тимофей.

— Я очень постараюсь. И ты постарайся. Надо учиться. Надо, сын. Иначе никто тебя уважать не будет, на работу не возьмут, даже к нам в бригаду.

У нас ведь тоже среднее образование надо. Хотя... Никому мы сейчас не нужны, никто никому не нужен! Что с народом сделалось? Я, конечно, от слабости пью, но и от злости. Тебе пока не понять.

— Почему не понять? Наш историк часто говорит, что родину в очередной раз предают.

— Правильно говорит. Только что делать-то? Что мы можем?

«Водку пить», подумал Тимофей, но вслух говорить не стал, побоялся обидеть трезвеющего отца. Егор Семенович тяжело вздохнул, поднялся во весь рост и потрепал Тимохины волосы. Он и сам знал такой ответ.

В этот момент из спальни появилась мать. Растрепанные волосы, глаза с хмельной паволокой, мятый халат без двух пуговиц...

— Тимоша пришел, — обрадовалась.

Отец же нашел новую мишень. Он посмотрел вдруг на нее с едва скрываемым раздражением.

— Ты-то кому пьешь?! Парня совсем забросила! Посмотри на себя! Сыну на глаза показываться не стыдно?

— Ой, дак я с-час умоюсь, кушать чего-нибудь приготовлю. Ты пивка, Гоша, принес? А то голова чего-то болит.

— То-то и оно, пивка! Я уеду, а ты опять со стакана не слезешь! Без пивка обойдешься.

— Так помру ведь я, — остолбенела Ирина Андреевна, — ты ж сам мне вчера наливал, Егор?

— Вчера? А сегодня уже сегодня! Все! Валяй в ванну... — и снова повернулся к сыну. — А чего у тебя книги не в портфеле? — заметил и удивился Егор Семенович.

— Их в портфель нельзя, там рыбой пахнет, — объяснил Тимофей.

— Неужто читать начал?

— Начал, — опередил свое желание Тимоха.

— Ну и хорошо, иди тоже умывайся, да хоть учебники к завтраму собери.

Нет, все-таки была у отца воля. Ведь мог же, если хотел. И сейчас пошел, выпил стакан пива и, захватив ящик с инструментами, направился на лоджию, чинить покосившиеся рамы. Еще совсем недавно Тимофей мог часами наблюдать, как отец работает, подавать ему инструменты, шурупы, гвозди, шайбы, держать, если надо, рулетку и обрадованно подмигивать в ответ. И время в такие часы становилось незаметным, просто исчезало, пока, в конце концов, неожиданно не придет из кухни мама и скажет: «Обедать,

труженики». И оттого над столом витает вовсе не аромат наваристого борща или поджаренных золотистых язей, а слившийся из трех ручьев дух семьи. Кто не знает этого чувства, тот не пробо-вал на вкус счастье тихого семейного обеда. Как легко было выпросить у отца в такой момент новую игрушку!

Вот и сейчас, Тимофей рванулся, было, следом за Егором Семеновичем, но увидел вышедшую из ванной мать. Та стремительно направилась на кухню, но не готовить ужин, а украдкой, пока муж не видит — налить из припрятанной чекушки в грязный пивной стакан водки и запить прямо из горлышка пивом. Только после этого глаза ее станут проясняться, чтобы потом вновь покрыться туманом. Синие мамины глаза.

Да и много ли отец наделает в наступающей быстро темноте? Так, отвлекает голову руками.

И Тимофей тоже решил отвлечься, открыл подаренную книгу и начал читать: «Дорогие мальчики и девочки! Мы с вами живем в замечательной стране, которая называется Россией. Когда-то это было самое прекрасное место на земле — потому что именно здесь люди свято хранили веру православную и служили Господу и Богу нашему

Иисусу Христу всем своим сердцем, а если согрешали, то каялись, и потому Бог хранил русских людей в мире и благоденствии...»

Когда-то это было самое прекрасное место на земле?.. Когда-то Тимофею не было так горько приходить домой. Когда-то мама любовно гладила ему белые рубашечки. Когда-то отец брал его с собой на рыбалку...

Что-то близкое и понятное открывалось на каждой странице этой книги.

Далее Тимофей узнал, как за неверие, за предательство царской семьи Бог наказал русский народ сатанинской властью. Оказывается, теперь государь-император молится за Россию и русский народ на небе и даже помогает людям на земле. В книге был также описан чудесный случай, когда царская дочь княжна Мария пришла к больной девушке и помогла ей выздороветь. Тимофей и верил и не верил, но оторваться от книги не мог, рассказы давались легко, а на свободных страницах размещались большие картинки.

В конце книги был напечатан рассказ «Видение матроса Силаева». От прочитанного у Тимофея перехватило дух, и он даже не заметил, что плачет.

«В первую же ночь после причастия, — рассказывает матрос Силаев, — видел я страшный сон. Вышел я на огромную поляну, которой конца-краю нет: сверху, ярче солнечного, льется свет, на который нет мочи взглянуть, но этот свет не доходит до земли, и она как будто вся окутана не то туманом, не то дымом. Вдруг в небесах раздалось пение, да такое стройное, умирительное: “Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!” Несколько раз повторилось оно, и вот вся поляна заполнилась людьми в каких-то особых одеяниях. Впереди всех был наш Государь-Мученик в царской порфире и короне, держа в руках чашу, до краев наполненную кровью. Справа рядом с ним — прекрасный отрок, Наследник Цесаревич, в мундирчике, тоже с чашей крови в руках, а сзади них, на коленях — вся умученная Царская семья в белых одеждах, и у всех в руках — по чаше крови. Впереди Государя и Наследника на коленях, воздев руки к небесному сиянию, стоит и горячо молится отец Иоанн Кронштадтский, обращаясь к Господу Богу, словно к существу живому, словно он видит Его, за Россию, погрязшую в нечисти. От этой молитвы меня в пот бросило: “Владыко Всесвятой,

виждь кровь сию невинную, услыши стенания верных чад Твоих, иже не погубиша таланта Твоего, и сотвори по великому милосердию Твоему ныне павшему избранному народу Твоему! Не лиши его Твоего святого избраннычества, но восстави ему разум спасения, похищенный у него по простоте его мудрыми века сего, да поднявшись из глубины падения и на крылах духовных воспаряя в горняя, прославят во вселенной имя Твое пресвятое. Верные мученики молят Тя, принося Тебе в жертву кровь свою. Прими ее в очищение беззаконий вольных и невольных народа Твоего, прости и помилуй". После этого Государь поднимает чашу с кровью и говорит: "Владыко, Царю царствующих и Господь господствующих! Приими кровь мою и моей семьи во очищение всех вольных и невольных прегрешений народа моего, Тобою мне вверенного, и возведи его из глубины падения нынешнего. Вем правосудие Твое, но и безграничную милость благоутробия Твоего. Вся прости и милостивно помилуй, и спаси Россию". За ним, простирая вверх свою чашу, детским голосом заговорил чистый отрок Царевич: "Боже, воззри на погибающий народ Твой, и простри ему руку избавления. Боже

всемилобивый, прими и мою чистую кровь во спасение невинных детей, на земле нашей развращаемых и гибнущих, и слезы мои за них прими". И зарыдал мальчик, расплескивая свою кровь из чаши на землю».

Тимофей очнулся от чтения, когда буквы стали расплываться, а по щекам катились крупные соленые капли. Это о нем, о Тимофее, молит Бога убитый Царевич. Вот он стоит на картинке со страшной чашей в руках! В военном мундире, как простой солдат. И вежды его, обращенные вверх, полны слез.

Не успел провести по глазам рукавом, как дверь в комнату открыл отец и замер на пороге.

— Ты чего плачешь, Тимош?

— Я не знаю, пап, — и он правда не знал, отчего плачет. Какое-то новое, незнакомое чувство боли и сострадания давило в груди, и слезы текли сами.

— Пойдем ужинать, — позвал Егор Семенович и добавил, будто самому себе, — совсем у парня нервы никуда...

Ночью Тимофей не слышал, как мать ходит на цыпочках на кухню, чтобы приложиться к спрятанной в шкафу бутылке, как отец встает покурить

в туалете и подолгу там кашляет, как февральский ветер стонет в кедровом бору, и тоскливо поскрипывает навстречу ветру дверь подъезда. Он крепко и быстро уснул, точно провалился в темную и мягкую яму, но резко проснулся посреди ночи от странного до уверенности чувства присутствия постороннего. Еще не открыв глаз, сел на кровати и стал тереть глаза кулаками. И едва разорвал веки, сразу увидел в падающей из окна полосе лунного света мальчика в военном мундире. «Царевич», мелькнуло в голове. Да, это точно был он. Очень похож на того, что стоял на картинке с чашей, похожей на спортивный кубок, в руках. Он внимательно и с интересом смотрел на Тимофея, но ничего не говорил. И Тимофей зачарованно молчал, хотя в голове его кружились тысячи вопросов, но все они сливались в один, который невозможно было задать, ибо он был обо всем.

И вдруг царевич протянул руку ладонью вверх. В лунном свете Тимофей сразу увидел знакомую пуговицу, и душа его вскрикнула. Испуганной птицей юркнула в сердце, и оно содрогнулось, принимая ее. Только сейчас он заметил, что на мундире мальчика не было ни единой пуговицы.

— Я должен отдать пуговицу, — то ли сказал, то ли спросил, то ли подумал Тимофей.

Царевич же отрицательно покачал головой и, показалось, слегка улыбнулся.

— Ты отдаешь ее мне? — ведь он сам протягивал ее на ладони?!

Несмело, в два приема, Тимофей подошел к царевичу Алексею и протянул навстречу свою руку. Осторожно взял пуговицу и заметил, что пальцы его свободно проходят сквозь кисть наследника. Но пуговицу в своей руке почувствовал, как настоящую. Вспомнились вдруг слова батюшки, что пуговицу можно только дарить. Выходит, Тимофею ее подарил сам царевич?! Только на миг Тимофей сосредоточил внимание на пуговице. Двуглавый орел гордо сиял в лунном свете. И эта не казалась такой истертой, как та, что он держал в руках сегодня днем. А когда поднял глаза — царевича уже не было. Даже лунный свет исчез, а может, и не лунный он был? В комнате стало темно и прохладно, и Тимофей попятился к кровати, зажав в руке царский подарок.

В соседней комнате очередной раз поднялся донимаемый похмельем отец, отправился перекурить бессонницу. Что, если рассказать ему? Не

поверит. Никто не поверит. Вот если б Михаилу, тот не будет смеяться. Точно не будет.

Босые ноги отца задержались у двери в детскую, и Тимофей предпочел неслышно юркнуть под одеяло.

Утром Тимофей проснулся оттого, что в руке у него была пуговица. А ведь успел и подумать и убедить себя, что царевича видел во сне. На всякий случай проверил потайной карман, там, кроме денег, ничего не было. Значит, пуговица была не вторая, а именно та.

8

Прямо на входе в школу Тимофея остановила завуч Ольга Ивановна и отправила по знакомому маршруту в кабинет директора. Он не боялся заходить туда. Вячеслав Иванович разговаривал с ним, как со старым другом, и никогда не кричал. Вот и сейчас, завидев Тимофея на пороге, он даже улыбнулся.

— Ну, знакомые все лица. Заходи, Тимофей. Знаешь, почему вызвал?

— В школе вчера не был, — сразу признался Тимофей.

— Какую сегодня причину придумал?

— Никакой. У меня дела были.

— Вот как? Дела? А тут, понимаешь, контрольные работы... Это, конечно, не дела. Тут мы все развлекаемся и мешаем Тимофею заниматься делами! Я тут штаны протираю. Не подскажешь, где у нас теперь дела делаются, я тоже пойду делами заниматься?

— Вы надо мной смеетесь, Вячеслав Иванович.

— Нет, парень, это ты надо мной смеешься и над всеми учителями. Мы за тобой всей школой бегаем: где у нас Тимофей? Почему не учится? А у него, оказывается, дела.

— Я деньги зарабатывал, — не выдержал Тимофей.

После этих слов Вячеслав Иванович посерьезнел.

— А что, родители уже не работают? Знаю-знаю, — махнул рукой, — у многих ребят такая проблема, так что не думай, что ты самый несчастный. Помни, всегда есть тот, кому значительно хуже. Но если ты не будешь учиться, ничего в жизни не добьешься. Хороший человек — не профессия. Немало, конечно, но недостаточно, чтоб по этой жизни шагать.

— Я знаю, — вздохнул Тимоха. — Вы в прошлый раз говорили.

— Знаю... — передразнил Вячеслав Иванович, — вот ты еще не знаешь, что вызывают тебя вместе с родителями на КДН, Комиссию по делам несовершеннолетних. Спросят с тебя, как ты дальше жить собираешься, и с родителей спросят, как они тебя воспитывают. А знаешь, какое самое страшное решение может принять эта Комиссия?

— Нет.

— Могут отправить тебя в интернат.

Директор поглядел на мальчика, ожидая реакции. Но в лице Тимофея ничего не изменилось.

— Завтра, в пятнадцать ноль-ноль, вот тебе повестка. Передашь родителям или мне самому к ним заехать?

— Передам, не переживайте.

— Это ты переживать должен. Как четверть закрывать будешь? Ты ведь в начальной школе неплохо учился. Да и, судя по всему, ты добрый парень. А сколько раз ты мне слово давал? А? Тимофей!

Мальчик вскочил, как будто вернулся из забвения.

— Иди на уроки.

— До свидания, Вячеслав Иванович.

— До свидания.

Но, закрыв за собой дверь, Тимофей вдруг принял неожиданное решение и снова сунул голову в кабинет директора.

— Вячеслав Иванович, а можно спросить?

— Спрашивай.

— Я войду?

— Ну, конечно, войди, — улыбнулся, отрываясь от монитора компьютера, директор.

— Вот! — Тимофей вытащил из кармана пуговицу. — Посмотрите.

Вячеслав Иванович покрутил пуговицу в руках.

— Старая пуговица. Царского образца. С военного мундира, похоже. Что, историей решил заняться?

— Я вчера книгу прочитал. Знаете, царскую семью расстреляли?

— Знаю.

— А сейчас говорят, они святые.

— Ну, это церковь.

— Там с ними мальчика, царевича расстреляли.

— Ну?

— Это его пуговица. — И не обращая внимания на скептическую улыбку директора, продолжил: — Те, которые расстреливали, они потом все у покойников забрали. Даже пуговицы.

— У тебя-то она, в таком случае, откуда? — вскинул бровь директор.

— Сначала мне ее один друг подарил, а сегодня ночью сам царевич!

— Ну, ты — фантазер, — уже не сдерживал улыбки Вячеслав Иванович.

— Не верите? Вот я и хотел проверить, так и знал, — как-то очень серьезно сказал Тимофей.

Директор на минуту задумался. Внимательнее стал осматривать пуговицу. Ироничный взгляд, коим постреливал в Тимофея, сменился на нескрываемое любопытство.

— Знаешь, Тимофей, что мне кажется? Тяжелая пуговица эта. Будто залита внутри. Я бы не удержался, вскрыл, посмотрел. Хотя, может, они такие и были. У меня, правда, вообще мания — знать предмет изнутри. Ну, ты тут сам думай, фантазер...

— Я даже не знаю. — Тимофею тоже захотелось вскрыть пуговицу, но вдруг потом не удастся

собрать ее в первозданном виде? — А если потом не соберем?

— Аккуратно нужно. Ну ладно, смотри сам, некогда мне. Иди, скоро звонок, — поторопил Вячеслав Иванович.

Тимофей считал, что отношения с директором у него хорошие. Был даже случай, Вячеслав Иванович по каким-то своим каналам узнал, что в трофимовском бюджете полный провал. Тимофей тогда порой обходился на ужин чаем и хлебом, отец же лежал в районной больнице, а мать пустилась во все тяжкие. Директор вызвал к себе Трофимова под каким-то предлогом, а потом, когда он уже был у двери, вдруг сказал:

— Да, постой... — Вячеслав Иванович некоторое время раздумывал, потом вдруг достал из кармана несколько крупных купюр. — Тимофей, вот деньги, это помощь от школы... Возьми...

Тимоха растерялся, хотя ситуацию оценил правильно.

— Это не школа, это ваши деньги, Вячеслав Иванович, — опустил голову.

— Да не переживай, я потом тебе дам в ведомости расписаться. Сам понимаешь, родителям твоим отдать не могу. Понимаешь?

— Понимаю. Но это ведь вы сами помочь хотите!

— Давай, бери. Тебе вон пора новую куртку купить, костюм надо. Купишь, принесешь мне чеки. Хорошо? — Деньги продвинулись по директорскому столу в сторону Тимофея. Тот на всякий случай отступил подальше.

— Не, не буду.

— Тогда я сам матери завезу, деньги ей отдам.

— Не, не надо, Вячеслав Иванович.

— Тогда бери и дуй на уроки. Потом вызову — в ведомости расписаться.

Тимофей с усилием убедил сам себя, что деньги не из директорского кармана, и взял купюры. На глаз, тысячи три. До выписки отца из больницы перекантоваться хватило. Через пару месяцев Трофимов принес деньги обратно в директорский кабинет. Вячеслав Иванович страшно удивился и не хотел их брать. Он или хорошо прикидывался, или, правда, напрочь забыл, что давал их Тимофею. Но тот напомнил ему про ведомость, в которой он так и не расписался. В конце концов, Тимофей сам нашел выход:

— Вячеслав Иванович, вы положите их у себя, как в сберкассе, будет совсем плохо, я сам приду и попрошу.

— Точно придешь? — с улыбкой прищурился директор.

— Точно. Слово даю.

8

Оказавшись в шумном школьном коридоре, Тимофей еще некоторое время стоял в раздумьях. Потом направился к расписанию.

Уже в классе, перекинувшись со всеми «приветами», подсел к своему другу Кольке Степанову. Тот сидел за партой, запрокинув голову.

— Ты чего?

— Да, Чирик нос разбил.

— За что?

— Под руку подвернулся.

Гена Чирков, в мальчишеском обиходе Чирик, учился в восьмом классе и был на два года старше. Славился драчливостью и старался быть главарем любой компании. Трофимова он не трогал, предпочитая брать у него сигареты.

— Че он хотел-то?

— Чтобы я его портфель в класс отнес, а он покурить собирался.

— Ты не стал?

— Ага, а он давай мне руки крутить. Я вырвался, а он мне по носу ладошкой дал. И не больно, а нос потек, обидно...

— Че, старшаки не заступились никто?

— Не. Стояли, ржали, он же, типа, несильно. А он каждый день ко мне пристаёт. Достал уже. То портфель унеси, то сигарету принеси, то за колой сбегай, то позови кого-нибудь... Был бы у меня старший брат!..

— Слышь, Колян, надо ему по башке наступать, а то он тебя всю жизнь будет мучить.

— Да как ты ему наступишь, он вон какой здоровый.

— Неважно. Пусть хотя бы трусом тебя не считает. Я с тобой пойду.

— И тебе достанется.

— Может, и достанется, а фига-ли терпеть? Я твой друг, будет мне плохо, ты поможешь. Знаешь, у меня на Большой земле есть друг, как старший брат, он мне говорил, что свобода должна вот тут быть, — постучал себя кулаком в грудь, — что сдаваться никогда нельзя. Упавший тратит силы

на то, чтобы подняться, вот как он мне говорил. Ну че — боишься?

Колька опустил голову, нерешительно покрутил губами из стороны в сторону.

— Боюсь, конечно. Че я — амбал?

— Мы же вдвоем. И знаешь, позовем Саню Липенко из десятого. Он у меня в долг брал. Все равно не отдаст, но помочь не откажет. Пусть хотя бы дружков чирковских подержит, случай чего. На большой перемене пойдем.

— Пойдем, — вздохнул Колька.

На большой перемене Тимофей нашел Саню Липенко, и тот без лишних вопросов предложил напирать под зад кому надо. Тимоха же попросил, чтоб никто не вмешивался. Мол, прикрой и только. Так и пошли втроем в почти официальную школьную курилку, которая располагалась на пяточке меж хозяйственных построек на заднем дворе. Чирок был там, добивал чей-то бычок и рассказывал какую-то смешную историю. Одиннадцатиклассники и десятиклассники курили чуть в стороне, дистанцируясь от «мелочи», иронично поглядывая в их сторону. Опять же, если накроет директор, то нагорит лишь старшим, за то что не выгоняют отсюда младших.

И старшаки периодически проводили зачистку рядов, выпинавая пяти-, шести- и семиклашек подальше в сторону. Типа — эти ребята не с нами. Мы их не видим и знать не хотим. Сейчас была вторая смена, и курили только десятиклассники. Липенко первым делом подошел к своим, поручался и, видимо, вкратце объяснил суть дела. Те с интересом стали наблюдать за группой Чирка, к которой подошли Трофимов и Степанов.

Чирок, завидев Кольку, обрадовался:

— Че, Степан, закурить мне принес?

Колька, насупившись, молчал. Тимофей же достал из кармана сигарету и протянул ее Чиркову.

— На, кури, порти здоровье, разговор будет.

— Ух ты, салапет, че, тема есть? — но сигарету взял и тут же прикурил от тлевшего меж пальцами короткого окурка.

— Есть. Ты если Коляна еще донимать будешь, мы тебе вломим.

— Че-е? — сигарета повисла на презрительно оттопыренной нижней губе.

— Ты слышал, — Тимоха пытался унять мандраж в коленках. Все-таки было страшно.

Толпа вокруг захохотала:

— О! Развел мелкий!

— Ты че попутал?

— Гена, ты их сильно не бей, а то маме скажут.

— Чирок, бойся!

— Слышь, может, они на спор с кем пришли?

Кто-то уже потянул Степанова за шиворот, но тут в круг вошел Липенко. По его виду поняли, что расклад немного другой, поутихли.

— Э, че толпой оскалились? Пацаны с реальным разговором пришли. Кто лишний влезет... — подумал, обводя взглядом пространство, — будет урну нюхать, — кивнул на ведро, поставленное для окурков, в которое редко кто попадал.

— Так это, Саня, их двое? — попытался рассудить друг Чиркова Зяба — Антон Зябликов.

— Они и младше, — рассудил Липенко.

— Да че там, на два года всего, Трофим вон какой крепкий. — Подал голос кто-то еще.

— Я один буду, — решил вдруг Тимофей, и запоздало испугался своего решения.

— Ладно, — ухмыльнулся Чирок, — только, чур, потом не жаловаться.

— Сам не побеги, — отступить было некуда.

— Понеслась! — крикнул Чирков и резко ударил Тимоху в челюсть.

Голова мотнулась в сторону, ноги сдали назад, но Тимофей устоял.

— Еще? — ехидно спросил Чирков. — Степан, может, тебе отвесить? Я тебе — левой. У Трофима челюсть в одну сторону будет, а у тебя — в другую.

По толпе прошел одобрителный хохоток. Колька стоял, понутив голову. Тимофей сплюнул под ноги кровавой слюной, глубоко вдохнул и на выдохе пошел в атаку. Такой прыти от него, похоже, никто не ждал.

Уже через минуту они дрались неистово, точно солдаты двух противостоящих армий. Буквально не на жизнь, а на смерть. Руки мелькали со скоростью лопастей вентилятора, каждый третий удар — мимо, на лицах у обоих — кровь — расхлестаны губы и носы, Чирик, к тому же, рассек Тимофею бровь. Гул и улюлюканье вокруг притихли, уступив место настороженному молчанию. Чирик, пользуясь явным преимуществом, наседал, и Тимоха пару раз падал, припадал на колено, но быстро поднимался и снова бросался на противника. Когда Чирков сбил-таки Тимоху с ног, неожиданно в бой кинулся Степанов. Маленький ростом Колька просто запрыгнул со спины

на шею обидчика и вцепился, как клещ. Чирик, не сбрасывая его, бросился сверху на упавшего Тимофея, норовя вбить его голову в землю. Никто не знает, что было бы дальше, если б престарелому учителю технологии, Николаю Алексеевичу, не понадобился пиломатериал, что складировался в сараях. Увлеченные зрелищем бойни, пацаны не заметили, как он протиснулся сквозь толпу. На «атасе» никто не стоял. Николай Алексеевич решительно вмешался в драку своими натруженными руками. Растащил парней за воротники, разбросав в разные стороны. Причем труднее всего ему пришлось со Степановым, который никак не хотел отпускать шею Чиркова. И когда это, в конце концов, удалось, он обвел презрительным взглядом зевак:

— Что стоите? Ждете, когда они мозги друг другу выбьют? Американских кино насмотрелись? Фашисты!

— Да че, Николай Алексеевич, все честно, — подал кто-то голос.

— Честно, это когда на фронте! А в армии вас не увидишь, у всех к призыву мамки болезни под микроскопом находят, или по институтам разбегаетесь. Что ж хорошего смотреть, как свои своих

лупят? Смотрите, кровищи-то! А ну-ка пошли все трое к Вячеславу Ивановичу!

— Может, не надо, — попытался разрядить обстановку Липенко.

— Не надо пакостить! — вскинулся на него учитель.

— Да я вообще — просто рядом стоял.

— В том-то и дело, что рядом стоял. Лоб такой! Мог растащить и пендаля дать, чтоб не повадно было.

— Дак у них тема была! Че вы, Николай Алексеевич, в детстве не дрались?

— Дрался, — признался и поутих учитель, — но как-то по-другому. До первой крови, к примеру. Лежачих не бить! Вы ж, как фашисты какие...

— Дядь Коль, не надо к директору, — взмолился Тимофей, для которого Николай Алексеевич был еще и соседом по подъезду, — меня и так завтра на Комиссию по делам несовершеннолетних...

— Во! Вишь как! Уже залетел, а продолжаешь, Тимоха.

— Он за меня заступился, — встрял Колька.

— Ага, а Чирков, значит, ответчик.

— Ща-ас, — сплюнул сквозь зубы Чирков.

— А ты, Гена, в мою сторону не поплеывай, — я тебя на пятьдесят с гаком лет старше. Всякого повидал. Если ты себе дорожку в жизнь через нары выбираешь — твое дело, но замашки свои блатные брось. Я, Гена, вот этими руками не один дом построил, а еще и китайцев на границе бить приходилось. Так что остынь, пацан. У тебя геройства на пару окурков и стакан пива, а добрых дел и вовсе нет.

— Да ладно, — обиделся Чирик, — будет и на моей улице праздник. Успею еще погеройствовать.

— У вас, я посмотрю, через день праздник, а между ними — выходной. Так, — хлопнул в ладоши Николай Алексеевич, — разбежались все. Быстро! Чтоб ни одного здесь и на следующей перемене не видел! Драчуны — умыться! Ну, дергайте быстро...

Липенко напоследок подошел к Чиркову:

— Слышь, Чирик, ты больше их не трогай. Все честно было. Не хрен мелких донимать.

Услышав это, Колька повернулся к обидчику и сквозь зубы сказал:

— Не отстанешь, я твой мопед вместе с сараем сожгу. Ночью! И не узнает никто!

Чирков кинулся, было, в сторону Степанова, но Липенко его жестко остановил:

— Ну, уймись, ботало, Алексеич совсем разозлится. Он же по-человечески все сказал. Все! Замяли.

Когда вошли в школу, там все уже знали, что и как было на заднем дворе. Улей гудел. А значит, как водится, к следующей перемене будет знать Вячеслав Иванович. У него своя тайная полиция.

Тимоха морщился от восхищения одноклассников, он прекрасно понимал, что не останови драку Николай Алексеевич, туго бы ему пришлось под Чирковым. А что не струсил — так Чирков все равно не уймется, ему авторитет нельзя терять. Так что еще придется держать марку.

10

Трехэтажное здание школы из белого кирпича было одним из немногих каменных в поселке. Если смотреть с вертолета — школа высилась как этакий штаб среди типовых деревянных двухэтажек и частных огородов. Она поднялась в те времена, когда одним из немногих

осязаемых лозунгов оставался «все лучшее — детям!».

Невзирая на сложности с учебой, Тимофей любил приходить в школу. С одной стороны, по большому счету податься особенно некуда, кроме тайги, с другой — в школе всегда было, чем заняться. Хочешь — играй в теннис, хочешь — иди в секцию, в кружок какой-нибудь, а можно просто посидеть на первом этаже — никто не прогонит.

Вечером, когда упругий февральский ветер разогнал толщу клубящихся туч, надрав до блеска звезды, и успокоился где-то в лесной глуши, Тимофей вышел на улицу. Дома было тягостно. В спальне стонала мать, которой отец не давал опохмелиться. Сам же сидел у громко включенного телевизора и смотрел все подряд, отвлекаясь только ради перекуров или очередного похода в душ. Увидев повестку, отец в очередной раз выругал мать:

— Я там, на буровой, корячусь, а она за сыном уследить не может.

«Пьете-то вместе», — подумал Тимофей, но промолчал. Еще предстояло получить свою порцию, но отец вдруг обрушился на саму

Комиссию. Перебрал кости всем, от учителей до президента. Разошелся так, что Тимоха зажмурился, сидя в своей комнате, и повторял мысленно только одну фразу: «только бы не пошел за бутылкой». Вот и мать прохрипела из спальни:

— Кто они такие, Егорушка, нас судить. Ты бы принес от нервов-то... Хоть фляжечку небольшую. Нельзя так резко...

Лучше бы она молчала! Отец буквально взорвался, и Тимофей предпочел выскользнуть в подъезд, бросив учебники, которые в кои-то веки открыл, пытаясь выполнить домашнее задание.

На крыльце выдохнул так, будто сбросил с плеч тяжелый груз. Ноги сами понесли его в школу. В воздухе в этот вечер вдруг запахло весной, хотя до тепла в этих краях было еще далеко. Высыпавшие в небе звезды, может, и значили завтрашний мороз, однако сейчас были похожи не на колкие мелкие снежинки, а на подтаявшие леденцы. Весна пробовала силу, проводила разведку боем. Тимофей почувствовал дыхание новой жизни, остановился и прислушался: ему показалось, что за рубежом окружающих поселок болот разносится эхо перестука вагонных колес. А вдруг

и правда — мелькая желтой вереницей квадратных окон, летит на юг скорый поезд, и здесь его слышно? Не все звуки теряются в тайге, иногда услышишь такое, что будешь долго думать над природой, происхождением услышанного, и чего только не почудится, особенно если стоишь один, а вокруг — лесная глушь. И тогда начинаешь чувствовать чей-то внимательный взгляд. Со всех сторон. Потому и хочется часто оглядываться и быстрее оказаться поближе к человеческому жилью.

В школе и в девять часов вечера было шумно. В спортзале стучали мячи, старшеклассники терзали в музыкальном кабинете электрогитары, взвизгивала циркулярка в кабинете Николая Алексеевича, по каким-то своим делам с легкой тайной на лице фланировали по этажам старшеклассницы, да скользили в усталом вальсе технички в обнимку со швабрами.

Постояв немного на первом этаже, Тимофей двинулся на второй. Еще с улицы заметил, что в лаборантской кабинета истории горит свет. На лестнице столкнулся с двумя семиклассниками, за которыми в школе были закреплены смешные прозвища — Анальгин и Фильмоскоп.

Первого — Анвара Алиева — так прозвали за то, что он постоянно держал во рту таблетку обезболивающего, жаловался на зубы, а к врачу идти боялся, второго — Толика Зуева — за мощные двояковыпуклые линзы очков. Зрение у него с младенчества было никуда.

— О! Тимоха! Слышали, как ты седня с Чириком бился. Маладец! — Анвар похлопал Тимофея по плечу.

— Смелый, — согласился Толик. — Куда намылился?

— Хочу с историками поговорить.

— Че, учиться вздумал? — удивился Анальгин.

— Да не, тема есть. Частное расследование. — Серьезно ответил Тимофей, нащупывая в кармане пуговицу.

— Круто, — одобрил Фильмоскоп, картинно вскинув к потолку огромные, многократно увеличенные выпуклыми линзами глаза, — я реферат писал, там у них такие видеокассеты есть классные.

— А че хочешь-то? — хитро прищурился Анвар.

— Да так...

— Ломайся, Тимоха, че, тайна что ли?

— Ну, не тайна, так, дело одно, спросить надо.

— А че, нам запаadlo поделиться? — Анальгин становился обиженно наглым, а вторая ссора Тимофею была не нужна.

— Смеяться не будешь?

— Че смеяться-то, правда, Фильмоскоп? Рассказывай.

— Мне надо историкам пуговицу показать. Она царская.

— Пуговицу? Царская? Закаж...

— Да чего, смотри, только, чур, не лапать.

Анальгин все же взял пуговицу в руки.

— Ну и че? Орел на ней. Старая пуговица. У меня дед монеты старинные собирал, я ими играл. Вот это круто. Там такие монеты были, что за каждую тысячу долларов давали. Отец потом продал их, чтоб на магазин больше денег было. На Большой земле. А тут пуговица...

— Ладно, посмотрел, отдавай, — Тимофей протянул руку.

— Падажди!.. — аж взвизгнул Анальгин. — Дай внимательно посмотреть! Почему царская?

— Потому, вот и иду к историкам спросить.

— Откуда взял?

— Да какая тебе разница, Анвар? Отдай, пошли, нас пацаны ждут, — Фильмоскоп попытался потянуть его за рукав.

— Ну падажди, да. Где взял пуговицу?

— Друг дал. Подарил. — Тимофею начинало все это не нравиться.

— Ага, пуговица царская, а он тебе просто так дал. Кто?

— Ты его все равно не знаешь. Давай пуговицу.

— Тимоха, ты че, в натуре, я же с тобой разговариваю, что я тебе плохого сделал? — вскинулся Аналигин. — Она что — удачу приносит?

— Не знаю, говорю же, к историкам шел показать.

— Да откуда им знать. Они только учебники свои знают. Ни фига они тебе не скажут. — И зататорил, будто гадающая цыганка. — А вдруг она удачу приносит. Это круто, да... Слышь, Тимоха, дай мне на один день, я отцу дам. Он в магазине положит, вдруг прибыль пойдет. А? Дашь? Завтра вечером отдам, а?

— Не могу, эту пуговицу продавать нельзя, только... — и осекся.

— Да я на один день всего! Проверим, вдруг удачу приносит. Ты богатый станешь, Тимоха. Ну хочешь, я тебе на это время что-нибудь дам?

— Чего ты к этой пуговице привязался? — попытался встрять Фильмоскоп.

— Не понимаешь — молчи! — отрезал Анальгин. — Ты нудный, Толян, как моя зубная боль! У меня у отца в магазине прибыль совсем не идет. Он талисман покупал, арабскую молитву над входом писал, русскую икону в угол поставил, все равно прибыль не идет. Дай попробовать, Тимоха? Я тебе на всю жизнь не забуду, братан будешь, — Анвар упрашивал так, что отказать было уже нельзя.

Тимофей нерешительно переминался с ноги на ногу. Сто раз проклял себя за то, что сунулся в школу, а более за то, что не держал язык за зубами. Анальгин между тем, хитро сверкая темными глазами, уже по-братски хлопал его по плечу, предлагая различные блага дружбы и даже скидку в папашином магазине.

— Да не приносит она удачу. Это реликвия. — Попытался последний раз посопротивляться Тимоха.

— Реликвия-меликвия — проверим! Все узнаем.

Тимофей собрал всю твердость и решимость в голосе:

— Анвар, если потеряешь или не вернешь, тебе ни арабская, ни русская молитва не поможет.

— Ты че, Тимоха, пугать меня не надо. Сказал же — завтра отдам. Придешь вечером так же в школу. И все. Если вдруг удача поперет — я тебе, Тимоха, разрешу в магазине у отца любые видеофильмы выбрать. Мамой клянусь! Ну?..

Пуговица в этот момент уже лежала в кармане Алиева.

Ну, точно — анальгин — все мозги обезболил. Эх, квашня ты, Тимоха, и как только эти нерусские все ценное распознают? Ведь невзрачная пуговица. А поди ж ты... Звериное чутье у них. И всеми правдами-неправдами любую понравившуюся вещь заимеют. Фильмоскоп-то с ним потому и ходит, что Анальгин у него очки для исправления зрения взял поносить. Неделю уже носит, не отдает, думает, зубы болеть перестанут. Правда, кормит Толика халявными сладостями, фисташками и прочей лабудой, что у отца в магазине продается.

Так и не дойдя до кабинета истории, Тимофей снова вышел на школьное крыльцо. Успокаивал

себя только тем, что дал себе твердое слово завтра любой ценой вернуть пуговицу. И больше никому ее не показывать...

11

Утром мать все-таки втихую похмелилась. Нашла повод — сходить к соседке за подсолнечным маслом — а оттуда уже пришла подобревшая. Отец только вздохнул, глядя на нее.

— Ира, я завтра на буровую уеду, что делать будешь? Ты хоть помнишь, что нам сегодня на эту долбанную Комиссию идти? Как там на людей смотреть будешь?

— Егор, да я ни в одном глазу! — Будто сама в это верила, вскрикнула мать. — Плевать мне на эту Комиссию. А Тимошка мог бы и постараться учиться, чтоб родителей не таскали по всяким... — И замолчала, напоровшись на суровый взгляд Егора Семеновича.

День начинался неважно. Тимофей долго плескался в ванной, не хотелось попадаться родителям на глаза. Отец не пил уже и пиво, его бросало то в пот, то в озноб, но он держался, хотя в любое время мог взорваться. Полночи Тимофей

ворочался с боку на бок, переживая, что отдал пуговицу. Кому теперь пожаловаться? Только Вячеславу Ивановичу, он хоть ее видел, в случае чего, подтвердит да и вернуть поможет. Но жаловаться — это последнее дело. «Ничего, — успокаивал он себя, — еще не вечер. Отдаст, небось...»

До обеда Тимофей делал вид, что сидит за учебниками. Отец несколько раз заглядывал в его комнату, но, увидев сына за рабочим столом, закрывал дверь.

Из-за Комиссии был повод не пойти в школу. Все равно со второго урока надо будет уходить. Но Тимофей решил пойти, тем более что на литературе было не скучно. Вера Андреевна рассказывала о книгах так, что можно было их не читать. Слушаешь ее, и сразу видно, как в кино, что происходит, какие герои, даже как они выглядят. Опять же в школе Тимофей надеялся лишний раз увидеть Алиева, который тоже учился во вторую смену.

Обедали молча. Мать только делала вид, что ест, большей частью просто ковыряла вилкой жареный картофель, отец с силой заталкивал в себя пищу, со лба его капали в тарелку крупные капли пота. И Тимофей жевал еле-еле, погруженный

в клубок мыслей сразу обо всем, отчего ни за одну из них нельзя зацепиться.

Полдня прошли как будто по телевизору. Смотришь, узнаешь, понимаешь, а жизнь все равно как чужая. Нет, есть более масштабное сравнение: земля под ногами вращается, а ты стоишь на заколдованном полюсе, на который не распространяются законы физики, стоишь и не можешь сдвинуться с места, наблюдая, как вместе с вращением земли бессмысленно тает твоя единственная жизнь. Тимофей в такие минуты улавливал в себе особое внутрисердечное знание, каковое прорывалось иногда наружу состоянием непонятной и одновременно знакомой тревоги. Тоскливая безысходность зависала в сером небе, а Тимофей все стоял на этом полюсе, как примагниченный, и отец его стоял рядом. И мать лежала, постанывая, в спальне... И верилось с трудом, что эту серую пелену может пробить когда-нибудь живительный луч солнца.

На уроке литературы разбирали рассказ Валентина Распутина «Уроки французского». Сначала Тимофей слушал, потом как-то сам собой начал читать. Вера Андреевна, заметив это, не стала его спрашивать, а работала с другими

ребятами. Еще в пятом классе, когда она вела у них первые уроки, кто-то из ребят погрузился в чтение хрестоматии, а остальные, заметив это, стали над ним подтрунивать. Учительница тогда приложила палец к губам и шепотом попросила: «Тише, ребята, Слово коснулось человека. Это таинство...» Вот и Тимофей целиком погрузился в таинство. В голодную послевоенную осень тысяча девятьсот сорок восьмого года. И вдруг понял: что не одному ему тяжело. О себе, что ли, этот писатель рассказывал? Так или иначе, получалось, что мальчик, который был на год младше Тимофея, жил еще хуже. Один в чужом городе, голодный, исхудавший до анемии... И как хотелось помочь ему в драке против вьедливого Птахи и рыжего властолюбивого Вадика. Представляя себе эту уличную битву, Тимофей видел почему-то вместо Вадика Генку Чиркова, хотя у того отродясь не было рыжей челки. А вместо Птахи вдруг представил Анвара, хотя его кавказская внешность вообще не вписывалась в этот ряд. А вот на месте Лидии Михайловны явственно виделась Вера Андреевна. Пусть и не французский, а родной русский язык она преподавала.

Время потеряло скорость и осязаемость. Текст перестал состоять из отдельных предложений, фраз, знаков препинания... Он просто слился с воображением и воспроизводился перед глазами не знаками, требующими осмысления и расшифровки, а целыми видимыми эпизодами.

И какой же дурак у них директор! Неужели он не понял, почему Лидия Михайловна играла с учеником в «пристенок»? Дурак бездушный! Урод! Такую учительницу обидел... Выходит, Тимохе и с директором больше повезло. Эх! Сыграть бы в «чику» или «пристенок», проверить себя, да много ли выиграешь? Пожалуй, даже на молоко не хватит.

— Тимофей... — это позвала откуда-то из другого мира Вера Андреевна. — Звонок был. Понравился рассказ?

— Да, — задумчиво ответил Тимоха, медленно возвращаясь в реальность. — Я теперь могу вам ответить.

— Что ответить? Опрос уже прошел.

— Знаете, Вера Андреевна, он ведь такой же, как я! — И осекся. — Нет, другой... Он учился хорошо. А директор у них... — И решился все-таки, сказал: — Дурак набитый! Ему в зоопарке

работать и то нельзя, зверей распугает. «Что тебя побудило?», — передразнил книжного директора Тимофей, будто ему доводилось его слышать.

Вера Андреевна улыбнулась:

— Ты не возражаешь, если я тебе поставлю пятерку за сегодняшний урок?

— За что? — спросил, но уже догадался Тимофей.

— Материал ты знаешь, думаю, и сочинение написать сможешь. В том числе, исходя из собственного опыта.

— Не возражаю, — опустил голову Тимофей, скрывая радость. Это была первая пятерка по литературе в этом году.

— Я не думал, что читать можно так быстро, — сказал он уже с порога.

— Это когда захватывает. Хорошая книга спать не даст. Если втянешься, поймешь. Тебе тогда многое откроется...

— Спасибо, Вера Андреевна... — и, не дослушав ее «за что? попробуй почитать «Тараса Бульбу», рванул по коридору вниз. Нужно было еще повидать Алиева.

По ходу налетел на Сергея Сергеевича, у которого был следующий урок.

— Я это, — сбивая дыханием слова, сообщил, — Сергей Сергеевич, мне на комиссию... По делам... Этих... несовершеннолетних... летних...

— Знаю, Тимоха, — историк почему-то иногда называл Тимофея так, как обращались к нему сверстники. — А жаль, у нас интересный урок.

— Про что?

— Владимир Мономах. Был такой князь на Руси. Его ни разу никто не победил... Но ты, к сожалению, опять ничего об этом не узнаешь.

— Я учебник прочитаю, клянусь! — Тимофею не терпелось найти на перемене Алиева.

— А, — махнул рукой Сергей Сергеевич, — учебник это полдела... Не люблю я нынешние учебники.

— Сергей Сергеевич, я тут вспомнил, вопрос у меня: вы свободный человек? — выпалил вдруг Тимоха, пристально глядя на историка. Догнал его вдруг в шумном коридоре разговор с Михаилом.

— Я?.. — Сергей Сергеевич не на шутку растерялся.

— Вы, — и уже начал чувствовать себя неудобно, что поставил учителя в такое положение.

Но тот неожиданно нашелся, посмотрел в открытый дверной проем кабинета истории, где

висел на стене видимый из коридора портрет Суворова.

— Вот он — свободен!

— Это?..

— Суворов Александр Васильевич. Свободен, потому что всю жизнь служил Богу и Отечеству!

— Но ведь служил, значит, подчинялся?

— Точно! Но подчинялся, чтобы служить Богу и Отечеству. Прикажи ему делать что-либо против Бога и Родины, он подчинился бы только своему высшему служению.

— Высшему?

— Да...

— А этот? О котором урок? Мономах.

— И Мономах стремился к этому идеалу.

— А вы?

— Я?.. — снова смутился учитель. — Я по мере своих скромных сил...

Но Тимофея уже подстегивало двигаться дальше.

— Может, у вас книга есть про Мономаха?

— Есть, конечно, но ты наверно не станешь читать.

— Стану, Сергей Сергеевич! Теперь стану! Я к вам все равно еще с одним важным вопросом

приду. Вы мне книгу дадите, хорошо? — и, подмигнув недоверчивой улыбке учителя, метнулся на лестницу, надеясь в бурных школьных потоках столкнуться с Аналигином.

Анвара не нашел. Ни по расписанию, ни в курилке. Даже, на всякий случай, заглянул в кабинет зубного врача, вдруг тот именно сегодня насмелился. В итоге оказался на школьном крыльце, внутренне содрогаясь от только что услышанного жужжания бормашины. Точно по собственным зубам сверлом прошлись.

12

Комиссия по делам несовершеннолетних — собрание ответственное. Кого там только нет. Глава администрации, инспектор по делам несовершеннолетних, директора разные, социальные работники, даже тренер по баскетболу зачем-то там сидит. Всех этих известных в поселке людей Тимофей успел разглядеть в приоткрытую дверь кабинета, где заседала Комиссия. Но самого его туда сначала не пустили, пригласив только родителей. Пришлось плюхнуться в мягкое кресло в коридоре, пытаясь вслушиваться в негромкий

разговор за стеной. Когда стало ясно, что слов не разобрать, а только «бу-бу-бу» в разных тембрах и тональностях, Тимофеем открыл портфель.

Порылся среди потрепанных учебников, словно там можно было найти то, чего не положил туда, отправляясь в школу. Из портфеля действительно и отвратительно пахло рыбой, отчего сразу вспомнилась Вера Андреевна. И тут только заметил, что сунул второпях в портфель чужую книгу. А может, Вера Андреевна специально подложила? Типа, случайно. Так и есть: «Н. В. Гоголь. Тарас Бульба».

Как и в первый раз, книга с первой страницы потянула Тимофея в себя, завораживая вереницей образов и удивительным, плавным языком, что больше был похож на нерифмованные стихи. Как-то необыкновенно легко увиделась-представилась незнакомая казачья жизнь, могучий Днепр, коснулся души понятный каждому мужчине дух воинского братства. Не удержался и, как случается со многими нетерпеливыми читателями, заглянул в конец книги. Ужаснулся, увидев привязанного к дереву Тараса... «А уже огонь подымался над костром, захватывая его ноги, и разостлался пламенем по дереву... Да

разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» Нет! Назад! В начало... Не может такой герой погибнуть. Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила...

И хорошо, что не видел и не слышал Тимофей, как опустили головы под перекрестным опросом родители. Как скользят по седеющим вискам отца крупные капли пота, как поминутно утирает подступающие слезы мать. Отец иногда вскидывает голову, отвечая, повышает голос. Но опускает еще ниже под напором неопровержимых фактов и упреков. Ирина Андреевна совсем сникла, и куда делся былой задор? А что может ответить мать на вопрос: вы видели, в каком виде ваш сын уходит в школу, вы за питанием его следите?

В итоге родителям был поставлен жесткий ультиматум: покончить с пьянкой в течение недели, вплоть до принудительного лечения. И, в первую очередь, это касалось, конечно, Ирины Андреевны, ибо Егор Семенович все же работал, и там к нему особых претензий не было. Всего этого Тимофей не слышал. Его пригласили в конце заседания.

Он робко вошел в душный кабинет. И тут же попал под тот самый перекрестный допрос. Теперь ответственные дяди и тети взялись за него, правда, вопросами хоть и сыпали, не ерничали, не издевались, хотя, порой, жестко напирали, и не угадывалось в строгих голосах доводящее до слез «что тебя побудило?» из только что прочитанного рассказа. Под общим напором тщательно собранных улик оставалось только низко опустить голову:

— Ну, Тимофей Егорович, расскажи, как до такой жизни докатился? — это начал глава администрации.

— У тебя пятьдесят три процента пропусков уроков, и ты будешь не аттестован по пяти предметам, Тимофей... — Это уже Вячеслав Иванович.

И со всех сторон:

— Тимофей, что ты собираешься дальше делать?

— Кто у тебя друзья? Они тоже не желают учиться?

— Ты же можешь хорошо учиться, вот в начальной школе...

— Может, тебе нужна помощь?

— Тебя кто-нибудь обижает в школе? Учителя?

— Ситуация такая, что ты можешь оказаться в интернате...

— Кем ты хочешь стать?

Вот на этот вопрос Тимофей встрепенулся и твердо ответил:

— Путешественником.

Сначала в кабинете повисло этакое вопросительное молчание, потом кто-то повторил:

— Путешественником?

— Думаешь, для этого не надо учиться?

— Нет, не думаю...

— А я что говорил, — буркнул где-то за спиной отец.

— Ну вот видишь, оказывается, у тебя цель в жизни есть, а ты к ней не идешь, — сказал Вячеслав Иванович. — Путешественники, Тимофей, как раз тем и отличаются, что, невзирая на трудности, они идут к своей цели. Представь себе, что Колумб отправился в море, не зная навигации? Или повернул бы на полпути из-за трудностей? Или наши командоры испугались бы арктических льдов? Беллинсгаузен и Лазарев?

Тимофей снова опустил голову, директор был прав. И осознание его правоты больно цепляло рождающееся мужское самолюбие.

— Вячеслав Иванович, я уже решил, буду стараться. Сегодня пятерку по литературе получил, — пробубнил в пол.

— По литературе? Молодец. Чем отличился?

— За «Уроки французского»...

Тут не к месту встрял тренер по баскетболу:

— А причем французский на литературе?

Все присутствующие выразительно на него посмотрели, и далее смущенный тренер предпочел молчать. Тимоха, правда, этой мизансцены не заметил.

— Вот что, Тимофей Егорович, — подытожил глава администрации, — мы тут собрались не для того, чтобы загнать тебя в угол, а чтобы помочь. Ты это понимаешь?

Пришлось кивнуть, хотя Тимофей не совсем понимал, чем могут ему помочь эти взрослые, обличенные должностями люди.

— Давай с тобой договоримся, мы даем тебе срок — две недели на исправление оценок, материал, какой пропущен, учителям сдашь. До конца марта — конца четверти — время еще есть. Ты уж пока отложи свои путешествия, пожалуйста. Иначе нам придется ставить вопрос о твоём положении совсем в другом ракурсе. Ни нам,

ни твоим родителям, ни, тем более, тебе самому этого не надо. Еще вот что скажи: надо ли, чтоб тебя, такого взрослого парня, мама водила за руку в школу? А?

Тимофей сразу представил себе картину, как смеются над ним одноклассники, как краснеет мама, хуже того, как она сидит на задней парте на каждом уроке. В начальной школе в семьях неуспевающих такое практиковалось. И весь класс нет-нет да оглянется... А самое страшное — это полупьяная мама с плывущим мутным взглядом, заплетающимся языком и въедливым, почти ацетоновым запахом.

— Нет, я сам. — Вздрогнул Тимофей. — Обещаю.

— Точно?

— Точно.

— Ну, иди, погуляй, нам тут еще с твоими родителями надо пару вопросов решить.

Тимоха с облегчением вышел в коридор и тут грудь в грудь столкнулся с Чирковым. Тот будто обрадовался:

— О! Трофимыч! Тебя-то за что?

— За прогулы, — выдохнул Тимофей. — А ты?

— А меня за это... Как его? Вымогательство. — Чирков, похоже, нисколько не боялся Комиссии. — Я тут поднапряг кое-кого. На бабки поставил.

— У-у, — понимающе потянул Тимофей.

— Говорят, могу по малолетке загреметь. — Чирик точно хвастался, да еще, по ходу дела, хотел слегка надавить на Тимоху.

— Ну ты чумодел! — вспомнил Тимофей слышанное от Михаила слово.

Странно, но оно подействовало. Чирик вдруг изменился в лице и без кривляния сказал:

— Я, Тимоха, на тебя зла не держу. Ты нормальный пацан. Не олень ссыкливый. Не из этих... — он не договорил, но и так было ясно.

Тимофей внутри себя облегченно вздохнул. Значит, война отменяется.

— Я на тебя, Гена, тоже зла не держу.

— Ну вот и добазарились, не буксуем. — И протянул Тимофею руку.

— Не буксуем, — согласился Тимоха и принял рукопожатие.

— А Степанов твой — кисель. Че ты с ним возишься? — В голос Чиркова снова вернулось пренебрежение и развязность.

Нет, таких, как Чирков, комиссиями не исправить. Это понимал даже Тимофей, как и то, что перемирие условное. Продолжать разговор дальше не хотелось, он мог еще пару раз кривульнуть и закончиться самыми непредвиденными последствиями. Ждать родителей в таком обществе? Через пару минут Чирик придумает какое-нибудь совместное «дело», и тогда точно придется вернуться в этот душный кабинет со всеми вытекающими и отягчающими.

— Ладно, Ген, я пошел. Мне еще Анальгина повидать надо.

— Дался тебе этот нерусский?

— Да должен он мне кое-что.

— Долг — это святое. Если че — шепни, мы с него по полной стрясем. Папа у него с покупателями дружит. Сам знаешь. Ладно, бывай, шас мои родаки подтянутся.

— А мои еще там, — кивнул Тимофей на дверь.

— Че, готовь задницу к ременной передаче, как мой батя говорит?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Тимоха.

— Ну-ну, смотри, — скривился напоследок Чирик, которому надо было, чтоб последнее

слово было за ним. И слово это должно было настораживать, поддерживая вокруг Чиркова определенную ауру юного бандита.

13

Алиева в школе не было.

Тимофей бессмысленно покружил по первому этажу, предварительно сделав обход второго и третьего. Заглянул во все подсобки и туалеты, в спортивные раздевалки. Уходя из спортивного пристроя, вдруг понял, что здесь его всегда отталкивало: впитавшийся даже в кафельную плитку кислый запах пота. Анальгином здесь даже не пахло. Поспрашивал у тех, кого встречал. Нет, Анвар не приходил, и что-то подсказывало — не собирался. Причем Тимофей изобразил себя на мысли, что понимал это еще вчера.

Ноги сами понесли его в магазин с емким названием «Дружба», который принадлежал отцу Анвара. По пути встретил Кольку Степанова.

— А я к тебе! — объявил тот. — Хотел узнать, что там с Комиссией по делам несовершеннолетних?

— Да-а-а, так, — неопределенно потянул Тимофей. — Родителям крепко досталось, значит, и мне перепадет.

— Из школы не выгонят?

— Не-а, я пообещал учиться.

— Давно пора, — искренне обрадовался Колька.

Сам Степанов учился прилежно. Как принято говорить, «на 4 и 5». Раньше в классе над ним часто подтрунивали, дразнили. Мол, заучка, Степашка, заяц из передачи «В гостях у сказки». Бывало, весь класс не выполнил домашнее задание, потому как ходили в поход или играли в «вышибалы» с параллельным классом, а Коля — всегда готов. Учительница, как водится, похвалит, поставит в пример, вот тут весь класс с кривыми ухмылочками промолчит, а на перемене — оттянутся на нем по полной программе. Однажды Степанов не выдержал и, едва сдерживая слезы, крикнул в лицо обидчикам:

— Что вы меня достаете?! За то, что я учусь?! Я же не издеваюсь над вами за то, что вы не учитесь?! Вы так делаете, потому что я прав! Потому что учиться труднее, чем ни фиги не делать! А мне нельзя не учиться, мне мама сказала, что

за меня в институте никто платить не будет, нет у нас таких денег. Ясно?! У меня мать одна, а нас с сестрой у нее двое...

В классе повисло настороженное молчание. Даже отъявленные заводилы не знали, что можно добавить к сказанному. В эти минуты события могли повернуться в любую сторону. Найди кто-нибудь зацепку в словах Коли, переведи в смех его поджатые от обиды губы, и все — будут травить до выпускного класса. И тогда к Степанову подошел Тимофей, взял за плечи, встряхнул и сказал:

— Колек, ты не обижайся. Делать просто нечего, вот и говорят. Все, больше никто не будет, — он повернулся к классу, — никто, ясно? Может, из Кольки потом великий ученый вырастет, инженер какой-нибудь. А мы тут ржем, как последние идиоты.

Авторитет Трофимова был непререкаем. С этого дня смеяться над Степановым перестали, зато часто просили списывать, и он никому не отказывал. А на контрольных по математике он успевал выполнить оба варианта: себе и Тимофею. Правда, Тимохе учительница все равно ставила «тройку», потому как объяснить решения

он не мог, и она справедливо полагала, что работа списана. Кольке же теперь не доставалось даже уже ставших привычными тычков на физкультуре, когда он мог замешкаться в игре или беспомощно повиснуть на спортивном снаряде. Да и сам он стал решительнее, увереннее, а ради Тимофея готов был на любую крайность: прогулять урок или даже два, стырить за компанию порцию в столовой, уйти без спроса в тайгу.

— Я, Коль, в «Дружбу» иду, у меня там одна вещь. Надо, чтобы вернули.

— Я с тобой, — даже не спрашивая, о чем идет речь, решил Степанов.

Тимофей вкратце рассказал ему историю пуговицы, оставив за кадром сюжеты с торговлей на заправке. Коля даже остановился, удерживая Тимофея за рукав куртки.

— Ты представляешь себе, если это, правда, пуговица царевича? Это же круто! Историческая ценность! А это... Ну... Сон все-таки был или не сон?

— Не знаю, но проснулся, а пуговица в руке, а рука под подушкой. Прикидываешь?

— М-да... Мистика.

— Че?

— Мистика, говорю. Чудеса, короче. — Колькины глаза горели восторженностью прикосновения к тайне.

— Ладно, пошли, ее еще вернуть надо.

В магазине за прилавком оказался сам дядя Исмаил. Видимо, продавщица заболела, или он ждал ночную. Увидев ребят, он доброжелательно пригласил:

— Заходите, молодые люди, что желаете?

Тимофей начал с порога:

— Дядя Иса, вам Анвар давал пуговицу? Ну, как талисман?

Какое-то время в глазах хозяина магазина менялись несколько настроений. Если бы Тимоха умел читать по глазам, то понял бы, что в душе дяди Исмаила боролись два чувства: а не послать ли этих мальцов, ответить: ничего не знаю, видеть не видел, слышать не слышал. Но, видимо, лица у ребят были чересчур решительные и серьезные.

— Ты, значит, Трофимов, — кивнул он на Тимофея.

— Да.

— Послушай, парень, я не знаю, где ты взял эту пуговицу...

— Мне ее подарили!

— Хорошо-хорошо, ты не волнуйся. Я же ничего не говорю. Понимаешь, парень, я сегодня весь день сам торгую. У меня прибыль в два раза больше, чем обычно. Понимаешь?

— Понимаю, — Тимофею не нравилась уклончивость коммерсанта.

— Может, это оттого, что я сам работаю, надо бы еще посмотреть, когда продавщица будет.

— Мне пуговица сейчас нужна, мы с Анваром договаривались, — отрезал Тимоха.

— Это, может быть, историческая ценность! — подпел Коля, но, получилось, только подлил масла в огонь.

— Конечно! Конечно! Историческая ценность, мало ли, потеряете. Такое детям доверять нельзя.

— Но это моя пуговица! — возмутился Тимофей.

— Если историческая ценность, значит, не твоя, это государственное — понял?

— Да никакая ни царская она! — стал сдавать в сторону Тимофей. — Я просто перед пацанами хвастался. Старинная, но обычная пуго-

вица. Вам-то она зачем, думаете, денег больше заработаете?

— Правильно говоришь, я уже заработал. Целый месяц такая непруха, а сегодня, понимаешь, как будто магнит в магазине. Слушай, Трофимов, давай договоримся по-мужски. Ты мне оставь пока пуговицу, а я тебе буду целый процент от прибыли отдавать. Давай попробуем, вдруг она правда удачу приносит?

— Дядя Исмаил, ваша прибыль это же случайно. Совпадение. Вы просто умеете посетителей заговорить.

— Вот и давай проверим? А? Ну что ты смотришь, будто я у тебя что-то украл? — глаза коммерсанта полыхнули недобрым темным огнем, но Тимофей знал — это обычная психическая атака.

— Если вы не отдадите пуговицу, я приду сюда с отцом, — твердо сказал он.

— Да что с отцом?! Твой отец!.. — и осекся.

Тимофей и без продолжения услышал все, что ему хотели сказать: алкоголик, что он может, да он у меня водку в долг берет и т. д. и т. п. Обида захлестнула его внутри настолько, что ему захотелось разбить в этом магазине все витрины.

Колька мгновенно уловил его напряжение, схватил за руку и прошептал:

— Тимоха, не надо...

Уловил это и дядя Исмаил, порылся в отделении для мелочи кассового аппарата и с легко улавливаемым пренебрежением бросил пуговицу на прилавок.

— Забери... Никогда у вас не будет богатства... — Он едва сдерживал раздражение.

— У кого — у нас? — это Колька первым подхватил пуговицу, которая чуть не скатилась на пол.

Но коммерсант уже сел на стул за прилавком и сделал вид, что ребят рядом не существует. Тимофей и Колька вышли на улицу.

С северо-запада на поселок надвигался вертолетный гул. В наступающих сумерках это мог быть только вертолет санавиации. Обычные рейсы и буровики летали днем. В темноте и неблагоприятных погодных условиях летали пилоты высокого класса, которым обстоятельства жизни на севере не оставляли выбора.

— Щас кружить будет, — со знанием дела определил Колька.

— Иногда на стадион садится, я пару раз сам видел. Там до больницы ближе.

— У меня есть идея, надо пойти в школу, к информатикам! — засветился Коля.

— Зачем?

— В интернете можно поискать фотографии царской семьи, царевича, там посмотрим.

— Что посмотрим?

— Пуговицы, вдруг удастся различить.

На том и порешили. Учителя информатики задерживались в школе допоздна. Иногда в кабинетах, где выстроились у стен компьютеры, бушевала сетевая игра: то «стрелялки», то «ходилки», то стратегии. Туда же приходили редакторы школьной газеты и те, у кого не было возможности редактировать дома рефераты, макетировать специальные задания, и, разумеется, все, кому нужно было что-нибудь добыть из всемирной сети.

Учителя информатики, как на подбор, были молодыми людьми и, как водится, фанатами своего дела. В обмен на доскональный осмотр пуговицы и краткое обсуждение ее возможной ценности они «накачали» целый фотоальбом. Тимофей и Коля внимательно рассматривали изображения на мониторе. При этом Тимоха вглядывался в лица, а Колька, как настоящий исследователь,

в детали одежды, иногда увеличивая ряды пуговиц на экране для сравнения.

— Знаешь, Коль, они, как живые, будто из того мира прямо на нас смотрят, — поделился Тимофей впечатлением от общей семейной фотографии.

— Это эффект такой, они в объектив смотрят, а нам кажется, что на нас, — научно пояснил Степанов.

— Да я понимаю, что в объектив, но, как тебе сказать, они словно рядом.

— Эффект присутствия...

— Ну да...

— О, смотри! — Коля крутнул колесо мыши, и на экране появился царевич в военном мундире. — То, что нужно. А то, там матроски всякие, даже девчачья одежда какая-то...

— Дак он там маленький совсем... — заступился за наследника Тимофей.

— Ага, а здесь уже почти, как мы. Смотри, пуговицы... Похоже, те.

Царевич на фотографии стоял вместе с отцом и старшей сестрой в морском бушлате, бескозырке с надписью «Штандарт». Император и Татьяна Николаевна стояли чуть за спиной. В руках

Николая Александровича лопата, одежда брата и сестры припорошена снегом. Все трое смотрят в объектив, будто пытаются увидеть сквозь линзы фотоаппарата будущее.

— Игорь Леонидович, а нельзя увеличить фрагмент еще больше? — обратился Колька к учителю.

Сухошавый Игорь Леонидович буквально сломался, заглядывая в монитор. Испешренные красными прожилками глаза оценили ситуацию.

— Нет, вы все из машины выжали. Что хотите увидеть?

— Да нам пуговицы сравнить, — объяснил Тимофей и показал свою реликвию. — Вроде, похожа.

— Так у него военных мундиров гляньте сколько. Вон, в казачьей форме, и бурка даже на голове, вон обычная полевая... Вам какого времени фотография нужна?

— Да нам бы перед самым расстрелом.

— А-а? — озадаченно потянул Игорь Леонидович. — Сергей Сергеевич как-то рассказывал, что в Тобольске хранятся последние фотографии царской семьи перед отправкой в Екатеринбург,

да их всем даже не показывают. Прячут от народа. Но в последние дни царевич был в обычной гимнастерке. Вот что-то подобное... — учитель выбрал одну из фотографий и выделил ее.

Наследник стоял навытяжку, рядом — любимая собака — спаниель. Полевая пехотная форма и три медали на груди.

— Вот, точно, в такой форме... Я его видел... — прошептал Кольке Тимофей.

— Но здесь нет крупных пуговиц, на бушлате были, а здесь нет. Металлические вообще только наверху.

— Да неважно, — решил вдруг Тимофей. — Батюшка сказал, пуговица сама себя найдет, зря мы здесь паримся.

— О! А медали-то у него за что? — спросил кто-то из старшеклассников, проявивших интерес к фотографиям.

— Он на фронт с отцом ездил, на передовую выходил. Сам император чин полковника имел. Не помнишь? Нам же рассказывали, — ответил другой.

— Игорь Леонидович, а можно мне распечатать пару фотографий? — попросил Тимофей.

— Реферат что ли будешь писать?

— Ага.

— Да нет проблем.

Получив через минуту желаемое, Тимоха аккуратно вырезал фотографию по краю и, порывшись в портфеле, решил вложить в «Тараса Бульбу». Книга сама распахнулась на последних страницах, и взгляд Тимофея еще раз скользнул по уже знакомым абзацам, так его поразившим. Прощальные слова отважного казака врезались в душу: «Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»

Тимофей задумался. Он представил себе, что наследник чудом выжил, бежал из страшного подвала, представил себе, как царевич во главе армии возвращается судить убийц своего отца, предателей — генералов и министров... Но образ Алексея, его добрый и как будто всезнающий взгляд, не увязывались ни с какими военными действиями. Ни с какими карами. Хоть и в военной форме он был запечатлен почти на всех фотографиях.

«Мальчик без шпаги», подумал Тимофей.

— Эй, ребята, гляньте, что я вам нашел? — позвал откуда-то из другого мира Игорь Леонидович.

Колька и Тимофей оба подошли к монитору.

— Это, конечно, не фотография, рисунок, но, по-моему, здесь все передано очень точно.

Комната, заполненная дымом от ружейных и револьверных залпов. На переднем плане падающий император с наследником на руках. За его спиной — жена, дочери, пытающиеся закрыться руками, прижимающиеся к матери, удивленный доктор, кто-то уже упал... Лиц убийц не видно. Со спины можно понять только их ослепленный яростью порыв. И почему-то сразу стало ясно: нет, не убежал царевич из подвала, никто не убежал. Никого эти люди не могли пожалеть. Да и люди ли это?..

14

Отец сидел дома в кресле в полной тишине и полумраке, обняв голову руками. В углу горел торшер. Тимофей осторожно вошел в комнату.

— Маму увезли в больницу, — не поднимая головы, сообщил отец.

— В город? — всем сердцем вздрогнул Тимоха.

— В город, вертолетом. Меня не взяли. Я до борта проводил. Хотел лететь, но доктора не пустили, да ты еще где-то шляешься. Тебя ж одного не оставишь...

— Пап, я же не знал... Так это за ней вертолет присылали... — слезы потекли сами по себе. — Что с мамой? Это надолго?

— Сердце. Пришли с ней с этой комиссии, она легла, а потом попросила вызвать скорую. В нашей-то ей экзэгэ сделали и сразу санборт вызывать стали...

— Папа, а мама не умрет? — страшный испуг сжал горло, спазм исковеркал слова, и от этого уже не было сил сдержаться, Тимофей зарыдал, содрогаясь всем телом.

Отец притянул его к себе, прижал к груди.

— Доктор сказал, что она у нас молодая. Ничего, сынок, все будет хорошо... Ну нельзя, чтоб очень долго все было плохо. Нельзя! Не должно так быть. Я же ей говорил... — закрыл глаза и добавил: — И себе говорил...

— Папа, давай поедem к ней, вдруг помощь нужна...

— Поедем, сынок, вот только мне надо начальству позвонить. Мне же завтра на вахту... Что делать, ума не приложу... В больницу я уже звонил, ты не волнуйся. Говорят: состояние средней тяжести, стабильное.

— Может, ей лекарства нужны дорогие? У меня есть деньги, пап... — Тимофей говорил сквозь рыдания, никак не мог унять охватившую его дрожь.

— Да, это... Мне под зарплату дадут, если надо. В таких случаях нам не отказывают. А если откажут, я... — отец не стал договаривать, только крепче прижал к груди сына. — Тут я сам виноват...

Они еще долго сидели, обнявшись, в одном кресле. Неожиданная пустота в доме ощущалась ясно и гулко, помаленьку давила со всех сторон, и от слышимых женских голосов за стенами и в подъезде не рассеивалась, а наоборот — сгущалась. Двое мужчин — большой и маленький — ощущали себя перед ней беспомощными, бессильными. Где-то у соседей телевизор блеял надоевшими голосами неутомимых юмористов. Хотелось ворваться туда — и разбить кинескоп молотком. Вдруг оттуда побегут во все стороны маленькие бессменные паяцы, и тогда,

возвышаясь над ними, можно будет решать, кого раздавить первым, как обнаглевшего пруссака.

Тимофей вспомнил, как летом, перед самым первым классом заболел ангиной. Горло покрылось страшными гнойниками, и он практически не мог глотать, градусник показывал самые высокие цифры на своей шкале. Мама долго не решалась отвезти его в больницу, хотя приезжавшие врачи весьма резко на этом настаивали. Целый день она наводила ему лекарство для полоскания, таскала стаканы с морсом, строго по часам давала антибиотики, но ничто не помогало. Ночью, когда Тимофей стал проваливаться в липкий горячий бред, не выдержала, вызвала неотложку и повезла его в больницу. Отец был на буровой, и она сама несла его на руках до машины, отказавшись от носилок и помощи водителя.

Дальше Тимофей уже почти ничего не помнил. Только отдельные, всплывающие, как нефтяные пятна на воде, картины. Горячая темнота наваливалась все сильнее, и не было сил даже открыть глаза, да и не хотелось. И он с трудом осознавал, что мама где-то рядом, сидит на стуле, раскачиваясь от волнения, в тесном маленьком боксе участковой больницы, что-то шепчет и плачет.

Он не видел, как пожилая санитарка принесла ей маленькую икону Богородицы и от руки написала молитву. И мать, которая до сих пор даже не осеняла себя крестным знамением, разве что могла вскрикнуть «Ой, Господи!», стала шептать молитву и бить поклоны. Педиатр, который ежедневно промывал горло Тимофею, невольно тоже стал осенять себя крестом перед каждой процедурой. Тимофей не чувствовал, как каждые четыре часа ему ставят уколы, протирают тело мокрой прохладной ватой, но почему-то слышал, как надрывно шепчет мать.

И утром мальчику стало легче. Он открыл глаза и увидел руки матери, обнимавшие его завернутые в одеяло ноги. Она уснула, сидя на полу, склонив голову в изножье кровати на выбившийся из-под застиранной простыни старый матрас, что сплошь был в подтеках и кляксах от чужих болезней. В правой руке у нее была маленькая икона Богородицы.

Утром пришла и санитарка.

— О, Тимоша! — с порога начала она. — Вымолила тебя мама, смотри-ка, уже глаза у тебя живые. И я за тебя молилась, знаешь, кому? Не знаешь, а я за тебя царевичу Алексею молилась.

Ему, говорят, о детках молиться надо, чтобы он заступился. Мне дочь из Екатеринбурга иконку привезла, там Храм на крови строят. Глянь-ко. Да поцелуй, поцелуй образ-то! Поблаговари святого отрока.

И только сейчас Тимофей вспомнил, что уже видел наследника! На иконе он был все в той же гимнастерке с застегнутым под горло воротом, с маленьким крестом в руках, а на плечи наброшен красный плащ...

Но потом все как-то забылось. Стерлось. Да и жизнь вильнула кривым коленцем, родители выпали из нее, как выпадают усталые птицы из стаи, возвращающейся из далеких краев. А теперь надо было молиться за маму. Как? Где-то была та маленькая икона Богородицы. Где? Он побродил по квартире, заглядывая в шкафы и на полки, но безуспешно. Вдруг стало стыдно. Когда болел, мать стояла перед иконой, а как выздоровел, то про нее забыли. Стыдно стало от собственной неблагодарности. За себя и за родителей стало стыдно. Доктору, который из-за Тимохи ночевал в стационаре две ночи подряд, спасибо сказали, не забыли, отец отнес бутылку дорогого коньяка и коробку конфет. А Богородице? А царевичу?

Вдруг Тимофея осенило, он полез в портфель и достал оттуда томик Гоголя. Распечатанные на принтере фотографии мало походили на иконы, но, как сказал батюшка, царская семья святая, значит, можно молиться и так. Вот царевич Алексей, а вот и вся семья... В конце концов, он обращается не к бумаге, а к образу. Тимофей вырезал из картона соответствующие подклады и приклеил на них фотографии, а затем поставил их на полку, где скучали учебники.

Сначала он просто стоял, подбирая слова, но ничего не получалось. Вспомнил, что Вера Андреевна как-то целый урок посвятила молитвам. Читали и разбирали «Отче наш», «Песнь Пресвятой Богородице», «Символ веры»... Но сейчас в голове пролетали только обрывки. «Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое...» Смутившись, Тимофей опустил голову, правой рукой нащупал на груди нательный крестик.

— Царевич Алексей, пусть только моя мама не умрет, я очень тебя прошу... Пожалуйста... Попроси Богородицу, чтобы Она... Чтобы мама выздоровела...

Нескладно получалось, и Тимофей снова заплакал.

В эту ночь ничего не снилось. Но Тимофей часто просыпался, казалось бы, совсем без причины. Иной раз слышал, как ходит курить на кухню отец, сдавленно кашляет, наливает себе воды. Да подвывал за окном ночной февральский ветер, будто только что умчался из ужасной истории. И сразу же все, еще не родившиеся, мысли выстраивались в одну: как там сейчас мама? Как ей, наверное, обидно, что у ее кровати никто не сидит, никто не приносит ей воды, а только привыкшая к чужим страданиям медсестра изредка заглядывает в палату, чтобы окинуть взглядом: все ли в порядке...

15

Утром они с отцом позвонили в больницу. Регистратор с голосом автоответчика сообщила: состояние средней тяжести, стабильное... Но Егор Семенович выклянчил номер телефона ординаторской и пригласил к телефону лечащего врача — Мстислава Иосифовича. Тот более подробно разъяснил, что такое стенокардия, экстрасистолы и возможное шунтирование коронарных сосудов. При этом вскользь заметил, что, разумеется, если

потребуется операция, она будет сделана в счет страхового полиса, но есть еще и платный вариант, который гарантирует высокое качество и прочие прелести рыночной медицины.

— Сколько? — спросил Егор Семенович.

— Ну, я могу говорить только о порядке цен, — уклончиво ответил Мстислав Иосифович, — все зависит от сложности операции... Иногда цена достигает трех тысяч условных единиц...

— Машину купить можно, — сам себе сказал Егор Семенович.

— А сердце, это, собственно, и есть машина, — Мстислав Иосифович решил закончить разговор: — Но вы не переживайте, сейчас ее жизни ничто не угрожает, кризис миновал, медикаменты, которые она получает перорально и внутривенно, все равно сделают свою работу, но сердечко, конечно, запущенное. Износ много выше возрастных показателей.

— Жизнь такая, — опять буркнул для себя Егор Семенович и хотел, было, добавить, что мужики нынче вообще до шестидесяти редко доживают, чуть что — хватаются за сердце, а вот у них в семье наоборот получилось... Но не стал. Зачем это врачу? Он и так знает.

— Решать, конечно, должен пациент и его близкие, — закончил Мстислав Иосифович и вежливо попрощался.

— А когда к ней можно поехать? — не удовлетворился разговором взрослых Тимоха.

— В воскресенье поедem, возьму отгулы. Я уже договорился, что подменюсь, пойдет «газель», место в ней будет, — отец, оказывается, уже все предусмотрел.

Перед уроками Тимофей поскребся в кабинет Вячеслава Ивановича, нерешительно сунул голову в проем.

— Можно?

— Трофимов? Тимофей? Ну заходи... Присаживайся. Какие новости?

Тимоха так же нерешительно присел на край одного из стульев, стоявших в ряд вдоль стены. Директор как обычно парил над ворохом бумаг, поглядывая на монитор компьютера.

— Вячеслав Иванович, я пришел попросить, это очень важно. Мама в больнице, а мне очень надо пропустить уроки в субботу.

— Уроки? В субботу? — похоже, директор еще не совсем понимал смысл просьбы Тимофея.

— Да, мне очень нужно. Я обещал другу, что приеду, и еще нам с папой надо собирать деньги на операцию маме.

— Подожди, — наконец-то отвлекся от экрана, — а какая связь?

— Обычно я по субботам ездил подрабатывать. Вы же знаете, когда папа и мама пили, денег у нас не хватало, а мама не работала. А теперь мама совсем попала в больницу. Но я на комиссии обещал учиться.

— И?

— Но в субботу мне очень нужно пропустить уроки. Понимаете, у меня там настоящий друг...

— Где?

— Я не могу сказать.

— Если настоящий, значит, должен понимать, что тебе надо учиться, а не подрабатывать. Чем или кем, кстати, ты подрабатываешь?

— Рыбу продаю, — сказал половину правды Тимоха.

— Рыбу...

— Но я хотел поехать попрощаться. Чтобы уже не пропускать. А в понедельник мы поедem в больницу к маме. С отцом.

— Не понимаю, а когда ты собираешься учиться и не пропускать уроков?

Тимофей опустил голову, запас убедительности у него кончился. Последнее, что пришло на ум:

— Вот, Вячеслав Иванович, вы бы ради друга, который вам очень помог, бросили бы все? Бросили?

— Ну, знаешь, я взрослый человек...

— Бросили бы?

— Бросил, конечно, — честно сказал директор. — Если ради настоящего друга.

— У меня настоящий. Помните, вы приходили к нам на классный час, там еще парень был, который воевал в Чечне? И он, и вы рассказывали про настоящую мужскую дружбу...

— Помню, но речь шла о взрослых людях.

— Значит, по-вашему, у пацанов настоящей дружбы быть не может?

— Ну, почему не может... Просто ты забываешь о том, что школа несет за тебя ответственность. Лично я несу. Случись с тобой что-нибудь в то время, когда ты должен быть на уроках, и мне даже трудно представить, чем это для меня кончится. Вот ты будешь свои мужские дела

делать, а отвечать за них мне? Справедливо? По-мужски?

Тимофей опустил голову, больше аргументов не было.

— Вячеслав Иванович, я все равно уеду, хоть с милицией меня держите. Очень прошу... Отпустите... Ну... просто... не заметьте, что меня нет...

— Это после комиссии-то?..- директор, у коего тоже кончился запас убеждения, тяжело вздохнул. — Ладно, Тимофей, только скажи мне, с кем опять поедешь в Демьянку и кто тебя обратно заберет?

— А вы откуда знаете?! — даже подпрыгнул от удивления Тимоха.

— Да я много чего знаю, иначе бы не работал здесь.

— Ух, ты...

— Отец-то знает?

— Да, он меня и отправит с дядей Олегом на бензовозе. А обратно из Тобольска машина прихватит. Я ему тоже все объяснил, он понял. Но сказал, что если вы не отпустите, то тогда ничего не получится. Вот, он записку написал, но это на понедельник, на больницу.

— Вот дает! — хитро ухмыльнулся в усы Вячеслав Иванович. — Меня, значит, спросить надо? — покачал в недоумении головой. — Только учти, Тимофей, если что-то не так с тобой, сидеть мне в тюрьме. Понял? — спросил так серьезно, что ученик вздрогнул от передавшейся ему меры ответственности.

— Понял... — теперь Тимофей даже испугался, что смог уговорить директора. Как будто хорошего человека убедил совершить подлость. — Я... очень постараюсь... А как из больницы вернемся, я на все уроки ходить буду, честно... Может, и папа с мамой... — хотел сказать «пить бросят», но не стал, испугался то ли спугнуть самую возможность, то ли мнения директора о родителях.

Но тот, похоже, все понял. Он поднялся со своего кресла-вертушки и подошел к мальчику. Взял Тимоху за плечи:

— Родителям, Тимофей, иногда тоже помогать надо. Не только зарабатыванием денег или, к примеру, по дому. Я тебе честно скажу, — он перешел на тон заговорщика, — взрослые иногда намного слабее детей бывают. Понимаешь?

Тимофей кивнул. Уж что-что, а это он знал лучше других.

— И придумывают для своего поведения миллион оправданий. В таком случае тебе надо быть взрослым. Уразумел? Ну ладно, мы с тобой обо всем договорились как мужчины, верно?

— Точно, — согласился Тимофей и с радостью ответил на директорское рукопожатие. — Я этого никогда не забуду, Вячеслав Иванович.

— Забудешь, еще как забудешь. А вот обещания нужно помнить. Иначе тебя никто не будет принимать за серьезного человека. Усек?

— Усек.

— Ну, давай. И желательно, чтобы ты о нашем разговоре ни с кем не трепался.

— Это будет не по-мужски, — уже с порога определил Тимофей.

— Правильно мыслишь...

Вторая половина дня пролетела незаметно. Правда, на математике третьим уроком чуть не получил двойку. Задача у доски никак не давалась, хоть дома с утра добросовестно зубрил параграф. Но в том-то и дело, что зубрил. Заучивал, не понимая. В математику с любой страницы не влезешь: либо с самого начала — въедливо и подробно, либо — никак. Еле-еле насобирав на тройку, благодаря Колькиным подсказкам, который

чуть не упал со стула, показывая на листке шаг за шагом решение, когда математичка поворачивалась спиной к классу. В остальных случаях Тимоха под ужимки и смешки одноклассников тянул неопределенное «э-бэ-мэ» и морщил лоб. Другое дело на истории. Параграф о Владимире Мономахе и его сыне Мстиславе Великом Тимофею дался легко, как книга о царской семье. При этом он не поленился вернуться на три параграфа назад и начать чтение оттуда, чтобы не потерять нить исторических событий. Во время опроса он смело тянул руку и был награжден за усердие долгожданной пятеркой. Когда Тимофей рассказывал о битве с половцами, Сергей Сергеевич одобрительно кивал и даже сказал: «Да у тебя талант, парень!» Одноклассники к такому выступлению Трофимова отнеслись по-разному. Кто-то показывал большой палец, а кое-кто и процедил сквозь зубы: «это он после комиссии по делам несовершеннолетних». Больше всех радовался за Тимофея друг Колька, который, было, начал шептать ответы, но потом понял, что здесь его подсказки неуместны. На остальных уроках удалось отсидеться. Учителя, по всей видимости, были рады, что Трофимов присутствует, и будто бы боялись

его спугнуть. Кого другого даже после болезни стали бы гонять вдоль домашнего задания, но Тимофея сегодня заметно жалели.

На последней перемене к Тимофею подошел Чирик. Он протянул ему руку с вопросом:

— Слышь, Тимох, говорят, у тебя какая-то крутая пуговица есть? Закеж.

— С собой не взял, — соврал Тимофей, отвечая на рукопожатие.

— Да не гони. Бакланят, ты ее, как талисман, с собой таскаешь. Дай погонять, может, и я полный портфель пятерок наполучаю, — недоверчиво хохотнул Генка.

Хорошо, что Тимофей не относился к категории ребят, которым такие, как Чирков, могли «прохлопать» карманы «на пустоту».

— Не таскаю. Это, Ген, подарок. Парень один подарил. Я ее пока бате отдал на хранение, — так было вернее всего, иначе не отвяжется.

— А не боишься, что пропьет? — едко прищурился Чирков.

Тимофей внутренне напрягся. Чирков говорил с едва уловимой издевкой, и непонятно было, как правильно реагировать на его слова. Зацепить хочет, обидеть или просто, по ходу, он

всегда так говорит? Скорее всего, и то и другое. Но накалять страсти было не в трофимовских интересах. Сразу вспомнился недавний разговор с Вячеславом Ивановичем. Начни опять драку, что он скажет?

«Разрулим», — решил Тимофей, а вслух сказал твердо и на такой ноте, которая не допускала издевок и вариаций:

— Он завязал, маму в больницу увезли. Вертолет вчера был.

— Че, в натуре?

— В натуре.

— Блин, ну ты держись, короче. Потом дашь хоть погонять? Типа, я слышал, царская пуговица. Вы ж вчера со Степашкой весь интернет перерыли.

— Да обычная, старинная, орел на ней.

— Ладно, мне тут некогда тереть, короче, ты мне побойлся, что погонять дашь. Заметано?

Нет, не мог Чирик хоть напоследок не наехать. Даже если Тимофей никогда не даст ему желаемое, хотя бы сейчас он должен уйти хозяином положения.

— Заметано... — уклончиво ответил Тимоха и предпочел двинуться по своим делам.

Войдя вечером в подъезд, Тимофей замер на лестнице. Он внезапно почувствовал, что знакомые с детства стены стали другими. Вдруг постарели. Заметнее стали трещины на панелях, иссекающие темно-синюю эмаль точно иссохшее русло реки. Лампочка, подернутая паутиной, горела подслеповатым ядовито-желтым, каким-то потусторонним светом, отчего возникала иллюзия заполненности окружающего пространства густым эфиром. Подвешенный на собственном электрическом проводе патрон слегка покачивался на сквозняке. Островки мрака в углах и под лестницей ответно колыхались, как протуберанцы вечной тьмы. Резким и чужим показался привычный затхлый запах гнилого дерева. И точно письма древней цивилизации, испещряли стены глупые и похабные надписи, названия популярных групп, понятные только авторам аббревиатур, имена нескольких поколений, врезавшиеся глубоко в штукатурку. Каждая дверь в подъезде скрывала за собой маленькую печальную жизнь. Войди в нее — и окажешься в зоне вечного и грустного ожидания чего-то лучшего. Само время здесь когда-то поменяло свои свойства или просто забыло, что есть этот дом,

и отсутствие времени сказалось намного страшнее, чем его обычная кропотливая разрушительная работа. В подъезде царило забвение, которое не могли перекричать телевизоры и музыкальные центры, не могли рассеять голые и одетые люстрами да торшерами лампы, и от этого потусторонними казались голоса, доносившиеся из-за этих дверей. Будто из недавнего прошлого. Люди, отравленные этим забвением, жили по некой бесконечной инерции, соскочить с каковой так же сложно, как с поезда, идущего над пропастью.

«Как же мы здесь живем? — ужаснулся Тимофей. — Может, нас всех нет? Может, все вокруг только сон?» Если бы он мог, то объяснил бы сам себе новое восприятие последствием резкой утраты чувства детской защищенности, которое до сих пор подпитывали в нем эти стены. Оно исчезло так неожиданно, что в душе стало холодно и тускло. «Как мы здесь живем?», снова подумал мальчик, вспоминая прилизанные, уютные дома из телевизионных фильмов, где бурлила насыщенная событиями и, получалось, совсем чужая, далекая от провинциальной реальности жизнь. Нет, она не казалась привлекательной, скорее, пугающе чужой, еще более иллюзорной,

просто это наваждение отлито в камень. А люди в огромных стекло-бетонных муравейниках были еще дальше друг от друга, чем здесь, разделенные северным стылым ветром и нетронутыми человеком парсеками тайги. В том и в другом случае у каждого из этих миров была своя жуткая огромность и заполняющая ее, давящая человека гулкая пустота. Над всем этим должен быть обязательно высший смысл. Иначе, зачем все? Зачем радость наступающего утра? Тревожная даль сваливающегося за горизонт неба? Зачем отсчет этих дней-ступеней, если лестница когда-нибудь кончится, а то и провалится в любой миг? И зачем это нарастающее день ото дня чувство боли, которого еще совсем недавно не было?..

Делая следующий шаг по скрипучей лестнице, он внезапно подумал, что за трофимовской дверью жизнь еще ужаснее, а самое страшное — открыть ее и увидеть пьяного отца, узнать, что мама... Нет! Только не это! Не должно быть!

И, слава Богу, не было...

— Пап, ты звонил еще в больницу? — с порога спросил Тимофей.

— Состояние стабильное, средней тяжести, — бесцветно процитировал регистратора

Егор Семенович. Он, как в пустой ящик, смотрел на экран телевизора, выкупленного когда-то Тимофеем. В пустом ящике убивали, взрывали, давали награды и состязались в красноречии... То есть — множили пустоту.

Тимофей сел на пол в ногах отца и тоже без интереса и смысла стал смотреть на экран.

— Пап, я сейчас шел и боялся, что ты мне скажешь, что мама умерла...

Егор Семенович подтянул сына ближе к себе, склонился к уху.

— Ну что ты, сынок, сейчас медицина, вон, какая... Все будет хорошо.

Отец говорил, а сын не слышал в его словах уверенности.

— Пап, а что значит умереть?

Некоторое время Егор Семенович обдумывал ответ.

— Для того чтобы это понять, надо умереть, Тимош. Думаю, умереть — это узнать последнюю и главную тайну: есть там что-то или ничего нет?

Тимофей с внутренним содроганием осмысливал отцовский вывод. Он помнил, какое жуткое впечатление произвели на него первые

увиденные им похороны. Тогда умерла баба Нюра из их подъезда. Открытый гроб вынесли на улицу и поставили на табуретки, взрослые обступили его вокруг, и Тимофей случайно оказался внутри этого круга. Старшие вели себя так, будто это смерть по телевизору, а в гробу лежит не реальная баба Нюра, что еще вчера ворчала на тех, кто не вытирал ноги, поднимаясь на крыльцо. Мельком глянув на пепельное лицо покойницы, иссеченное глубокими неровными морщинами, на связанные бинтом на груди старушечьи руки, Тимоха испытал мистический ужас, заставивший пулей пробить кольцо прощавшихся и убежать, куда глаза глядят, только бы подальше от увиденного. А чего он так испугался, не мог объяснить себе сам. Теперь он вдруг понял: глубинный этот страх тянул свои щупальца из черных ям, куда опускали гробы, в которых ничего нет. В этих продолговатых ямах обрывается все...

— Если там ничего нет, тогда зачем жить? — спросил Тимофей. — Это же всю жизнь надо бояться смерти. Зачем тогда рождаться? Когда ребенок рождается, все так радуются. А чему радуются? Тому, что ему предстоит умереть?

— Каждый человек об этом думает, сынок. Бабушка твоя, к примеру, смерти не боится. Не торопится, конечно, умирать, но и не боится.

— Правда?

— Правда. Потому что верит, что Христос воскрес, а значит — и все мы воскреснем.

— А ты?..

— Не знаю, Тимош. Честно — не знаю. Иногда верю, а иногда нет. Когда в школе учился, мне в голову вбивали — никакого Бога нет. Над ребятами, которые в церковь ходили, смеялись, из пионеров их выгоняли... А потом со мной такие случаи бывали, что иначе как Божьим вмешательством их и не объяснишь. Так и живу — и не туда, и не сюда. Знаешь, раньше людей хоронили с оркестрами, провожали в последний путь под музыку. Так мне, когда эти трубы завоют, тошно становилось. Уж точно, только в последний путь под такую музыку. Бабушка твоя постоянно мне говорила: умру, не вздумай мне эти бесовские дудки заказывать, батюшку позови. Во как!

— Ты бы написал письмо бабушке.

— Я ей сегодня звонил...

16

В субботу на Демьянском рынке было оживленнее. Обычно в выходные сновало по рыночному пятаку больше легковушек. Неутомимо колдовали возле своих мангалов шашлычники, зазывая ломаным русским языком клиентов. Оттепель размылила маслянистую грязь на укатанном ледяном поле, расшевелила вездесущих ворон и воробьев, кои суетливо охотились за объедками, вытолкнула продавцов из натопленных теплушек-ларьков, добавила шума-гама и видимого мусора. Со всех сторон надрывалась глупая и неуместная музыка: от занудного шансона до вездесущей попсы, разбавленная порывистыми турецкими ритмами, кои еще лет десять назад на сибирских просторах могли показаться аудиомиражом.

Тимофей, разыскивая Михаила, делал круг вдоль торговых точек. Поздоровался с бабушкой Ануш, извинился, что сегодня нет рыбы. Та приветливо махнула рукой:

— А, ничего, Тимофей, будет другой день, привезешь. Сегодня день только по погоде хороший.

— Не знаю, привезу или нет. Я, баба Ануш, учиться решил.

— Вот и правильно, сынок. Рыбу продавать можно и с дипломом, а вот умным человеком без диплома не всегда стать можно. Сейчас, конечно, и диплом можно купить, но дурака с дипломом видно так же издалека, как и без диплома, — растолковав таким образом свой взгляд на образование, бабушка Ануш спросила: — А приехал зачем?

— Друга надо встретить.

— А-а... Друга. Ну-ну. Встретишь, конечно. А то сегодня день нехороший.

— Почему нехороший?

— Так с утра милиция понаехала, и такая и в беретах. Паспорта спрашивают, в товаре роются. Двух таджиков и одного азербайджанца увезли, потом снова вернулись, по второму кругу проверяли. У Федора все видеокассеты забрали, у Ализамана всю водку. Кассеты, говорят, пиратские, а водка палевая. Целый автобус милиции.

— Вас не трогали, баба Ануш?

— Как не трогали? Трогали, еще как трогали. Пять хвостов отдала, чтоб не сильно трогали, да

еще пива выпили. Но у меня паспорт российский, так это хорошо. Кушать не хочешь?

— Не, пока не хочу.

— Захочешь, заходи. Я сегодня вкусный хаш сварила. Наваристый. Заходи.

— Спасибо, баба Ануш.

Михаила Тимофей нашел на том же месте. В кафе на заправке. Он сидел в обществе бутылки пива и пакета чипсов. Выглядел утомленным, глаза испещрены кровавыми молниями, лицо бледное, а вот шрамы на нем, напротив, обрели иссиня-багровый цвет. Удивило другое, Михаил был гладко выбрит и одет в черный стильный костюм и красную сорочку, воротник которой ровной башней охватывал шею.

— Ты прямо как учитель, — восхитился Тимофей.

— Скажешь тоже... Я думал, ты сегодня не приедешь. Чувство такое было.

Тимоха потупился.

— А я, Миш, наверное, теперь долго не приеду. Маму в больницу увезли. С сердцем очень плохо. А меня на комиссии по делам несовершеннолетних разбирали...

— Ого! Проторенными дорожками идешь!

— Проторенными?

— Да, меня тоже туда постоянно таскали. Перевоспитывали.

— А ты?

— А что я? Свобода превыше всего. Я, Тимох, иногда умные книжки читаю. Было у меня однажды много времени, даже священник ко мне приходил. Книги приносил. В одной из них написано, что зло порождается неправильно истолкованной свободой. Врубаешься?

— Не очень...

— Ну, мне он так растолковал, что Бог дает каждому с рождения свободу выбора. Вот от того, как ты ее истолкуешь, и будет зависеть, какие ты дела делаешь — добрые или злые. Так, примерно. Те, кто меня учили жить, кто меня судил, кто заламывал мне руки... Знаешь, Тим, глядя на них, я не могу сказать, что они правильно истолковали свободу. Для себя они, может быть, и правильно истолковали. Выбрали такую свободу, которая для них удобна. Теперь у нас все государство такое — свобода грабить и быть ограбленным. Свобода для тех, у кого есть награбленные деньги, и свобода подохнуть для тех, у кого их нет. Я по малолетке за тухлый ларек одного азербайджанца сел. Мы его

с ребятами разбомбили. Конфеты там, сникерсы всякие, жвачка, короче, тухляк импортный. Нас уже утром повязали. Кто-то трухнул и сдал. И, не поверишь, мент за мной приехал, тоже азербайджанец, родственник того, чей ларек. А впаяли так, будто я государственный банк ограбил или у старушки пенсию отобрал. А на зоне мне за драку еще накрутили. С тяжелыми последствиями. Вот тебе этот самый парадокс: я на зоне очень хотел на свободу, но чтобы отстоять свою свободу внутри, за колючей проволокой пришлось драться не на жизнь, а на смерть, и отстояв одну свободу, я окончательно потерял другую...

Тимофей нахмурил лоб, следуя за мыслью своего друга. Заметив это, Михаил резко переменял тон и улыбнулся:

— Ладно, не парься. Сам все поймешь. Главная свобода в том, что ты можешь понять все сам. Этого у тебя никто не отберет. Я тогда у батюшки спросил, какая же у меня свобода в тюрьме, а он ответил: свобода верить, любить, надеяться. И это против неписанного тюремного закона: не верь, не бойся, не проси.

— А если просят у тебя? — вскинулся Тимофей.

Михаил вдруг осекся и внимательно посмотрел в глаза юного напарника, точно до глубины души прожег.

— Не по годам умные вопросы ты задаешь, — тихо и будто бы самому себе сказал Михаил.

Он приложился к бутылке пива и погрузился то ли в свои мысли, то ли в воспоминания. Тимофей не решался потревожить его другими вопросами. Пару минут напарник, что называется, отсутствовал. С Тимохой тоже не раз такое случалось, особенно на уроках математики. И он понимающе притих.

— Ладно, — вынырнул Михаил на поверхность, — работать будем?

— Будем, — улыбнулся Тимофей.

В списке товаров значились: автомобильная магнитола “Kenwood”, мобильный телефон “Siemens”, два абсолютно новых импортных набора автомобильных ключей в чемоданчиках и даже японский спиннинг. Михаил пообещал подстраховать до самого конца, никуда не уходить, но торговля с самого начала не заладилась. Рассеянный Тимофей в первый раз допустил ошибку. Подошел с магнитолой к дородному рыжему дядьке, который рылся в двигателе своей «десятки». Не успел

он сказать и двух слов, как тот обрушился на него с кучей ругательств, самым безобидным из которых было «писюн губастый».

— Вот ты и вытащил у меня магнитолу на стоянке! — орал он, отрывая Тимоху от земли за воротник.

Тимофей пытался вырваться, куртка трещала, мужик на всю стоянку обещал сдать незадачливого коммивояжера милиции. В это время на крыльце появился Михаил и крикнул оттуда:

— Эй, дядя, отпусти мальчика! Тебя не учили, что маленьких обижать нельзя?!

Дядя чуть ослабил хватку, поставил Тимофея на землю и стал теперь орать в сторону Михаила:

— Я шас отпущу, я так отпущу, что мало не покажется. Че ты там вылупился?! Че, на пару работаете? Я шас монтировкой как отпущу, будете дуэтом вместо магнитолы петь!

— Так ты отпусти, — спокойно ответил Михаил, — че орать-то, бери свою монтировку, иди сюда, если такой герой, а парня отпусти.

— Буду я к тебе бегать, сам придешь, — но воротник все ж таки отпустил.

Тимоха рванулся в сторону кафе, процевдив сквозь зубы «придурок конопатый». Мужик

рванулся, было, за ним, но и Михаил сделал шаг навстречу, и тот предпочел вернуться к машине, дабы взять монтировку. Вооружившись, он стоял в нерешительности, продолжая материться на всю округу.

— Хайло заткни! — крикнул ему Михаил. — Заводи свою шнягу и катись отсюда, пока тебе эту монтировку не воткнули, куда следует.

Рыжий зыркнул по сторонам и все же предпочел захлопнуть капот, сесть в машину и завести двигатель. Проезжая мимо крыльца, он разрядил в открытое окно последние отборные ругательства, пообещав вернуться, чтобы вытряхнуть из штанов всю местную шушару. Тимофей на прощание покрутил указательным пальцем у виска.

— Потише надо, осторожнее, — предупредил Тимофея Михаил, — менты седня были. Вдруг еще нелегкая принесет. Испугался?

— Есть немного, — честно признался Тимоха, — думал, задушит.

— Не бойсь. Такие герои только орать умеют.

Со второго захода удалось продать добродушному толстяку на «бычке» набор инструментов, а его пассажирка позарилась на мобильный телефон. Потом владелец новой модели «УАЗа» очень

обрадовался спиннингу, потому что долгое время искал именно такой. Михаил в это время заказал обед, при этом явно не поскупился. Столик был уставлен, как на праздник. Ароматные, еще дымящиеся шашлыки, посыпанные тонкими кольцами лука, кувшин апельсинового сока, по две порции разных салатов, порезанные дольками свежие огурцы и по куску пиццы.

— Зачем столько? — радостно изумился Тимофей.

— У меня сегодня второй день рождения.

— Второй? День рожденья? А у меня подарка нет...

— На второй не дарят. Это просто особенный день в жизни, когда человек как бы родился во второй раз.

— Расскажешь?

— Расскажу, присаживайся. У нас обеденный перерыв.

Они разместились за столиком, который примыкал к окну-витрине, позволяя обозревать все кольцо заправки. В зале ненавязчиво играла музыка, было еще несколько посетителей, а над барной стойкой висел плакат: «С Днем защитника Отечества!»

— Миша, еще что-нибудь надо? — спросила молодая официантка и так посмотрела на Михаила, что Тимофей понимающе вскинул брови.

— Пока нет, — подмигнул ей Михаил, и она, приветливо улыбнувшись Тимохе, удалилась.

— Красивая, — лукаво намекнул Тимофей.

— Ее Надей зовут.

— По-моему, она к тебе равнодушна. А тебе она нравится?

Миша сделал наигранно серьезное лицо:

— Слышь, напарник, тебе больше поговорить не о чем? Наливай, давай. Выпьем соку за удачу. А то шашлык стынет.

Они заправски чокнулись и ополовинили стаканы с соком. Углядев, как Михаил аккуратно нарезает большие куски шашлыка на маленькие, Тимофей удивился: было в его движениях нечто, не согласующееся с его внутренним миром. Хотя внешне сегодня он очень походил на респектабельного молодого человека, обедающего в ресторане.

Тимофей тоже взял в руки нож, но кусок мяса не давался, выскальзывал, сталкивал с тарелки другие куски и соус. Неудобно было, к тому же, держать нож в левой руке.

— Поменяй руки, сначала нарежь, а потом ешь, — посоветовал Михаил. — Вилкой придерживай...

Так действительно было сподручнее.

— Миш, если я долго не приеду, как ты без меня будешь?

— Прожуй сначала, потом спрашивай. Как-нибудь буду. Соскучишься — приедешь.

— Но я даже адреса твоего не знаю. Телефона.

— Сотовый я тебе дам. А домашнего — у меня нет. Как и дома. Может, я сам тебя навещу. У вас там есть рынок?

— Ага, но там мне торговать никто не даст.

— А мне?

— Тебе, наверное, можно.

К самой витрине кафе подъехала потертая «шестерка». Из-за руля резко выскочил молодой мужчина, обошел машину, открыл дверцу пассажира рядом с водителем и силой вытащил с сидения пожилую женщину. Михаил и Тимофей стали невольными свидетелями происходящего, замерев над тарелками с салатом. Мужчина, между тем, что-то прокричал женщине в лицо и со всего размаха ударил ее. Губы женщины мгновенно разбухли и выстрелили сгустками крови. Если бы он

не держал ее другой рукой, она бы упала. Он же кричал что-то про деньги, которые ему нужны прямо сейчас.

— Интересно, такое уродство только в нашей стране увидеть можно? — зло спросил Михаил.

— За что он ее? — прошептал Тимофей, вспоминая, как отец однажды побил маму.

Тогда тоже все выглядело и звучало страшно, но было как-то иначе. Здесь же происходило нечто выходящее за любые рамки. Молодой человек бил пожилую женщину, которая была как минимум вдвое его старше. Он ударил ее еще и еще, отбросил на землю, и она свернулась калачом, закрывая лицо руками. «Деньги, где мои деньги, ты же знаешь, я должен купить!», все время орал он. После того, как он ее пнул, женщина стала истошно кричать:

— Игорь, Игорь, не надо!..

Испуганный и подавленный зрелищем Тимофей даже не заметил, как вскочил из-за стола Михаил и быстро направился к выходу. Он увидел его уже по ту сторону стекла. Напарник подошел к мужчине со стороны спины, ничего не говоря, развернул его за плечо лицом к себе и одним ударом уложил его на землю.

— Отлично, классный удар, еще ему приложить надо, — прокомментировал Тимофей и тоже ринулся на крыльцо.

Игорь, истощенно матерясь, попытался подняться, но Михаил снова насадил его челюсть на кулак. Апперкот, вроде так он называл этот удар. Выгнутой дугой противник пролетел метра два и крепко ударился затылком, охнув, он на время затих. Из-за стекла за происходящим тревожно наблюдали Надя, еще одна официантка и бармен.

— Э, ребята, шоу окончено, лучше позвоните в «скорую», вдруг кому-нибудь понадобится! — крикнул им Михаил.

— Миша, сзади! — успел предупредить Тимофей, когда Игорь внезапно бросился на Михаила со спины, в руке у него был нож.

Михаил резко качнулся в сторону, но не просто пропустил противника, а, просев в коленях, мастерски выставил ногу, за которую тот запнулся и упал. Далее, по всей видимости, он перестал себя контролировать. На руке, которая держала нож, Михаил станцевал такую чечетку, что можно было услышать, как трескали фаланги пальцев. Можно, но никто не слышал, потому что

человек, коего женщина назвала Игорем, стал дико кричать. Отбросив ногой нож в сторону, Михаил пустил в ход ботинки, и они стали методично превращать неприятеля в мешок с ломаными костями. И тут громче своего обидчика стала кричать женщина. Так, что у каждого, кто слышал, по спине пробежал холодок.

— Люди! По-мо-ги-те! Сына убива-ают! Сына-а-а!.. Изверги-и-и-и!.. Убивают!

Михаил замер в растерянности, удивление на его лице смешалось с разочарованием.

— Сына? — глухо переспросил он.

Но женщина не слышала его, в истерическом припадке она продолжала наполнять округу нечеловеческим воем, из которого можно было только разобрать, что изверги убивают сына. Оторопевший же «изувер» далее не предпринимал никаких действий. Михаил стоял, опустив руки, и на лице его отражалась последняя степень изумления и презрения к этому миру.

Из большегрузного «КАМАЗа»-фуры выпрыгнули два водителя и кинулись в сторону происходящего. В руках у обоих были монтировки. Тимофей бросился им наперерез, перекрикивая так и не поднявшуюся на ноги женщину.

— Дяденьки, это не он виноват! Стойте, дяденьки! Он за нее заступился! Тот ее избивал ногами!..

На стоянку перед кафе на полной скорости влетела темно-синяя автобус-«газель» с тонированными стеклами. Дверь открылась, и из салона посыпались на землю люди в масках и камуфляжной форме с надписью «ОМОН». Эти даже не пытались вникнуть в ситуацию. Один из них прикладом автомата сбил с ног Михаила и сверху добил его в спину каблуком, прижав к земле. В затылок напарника он направил ствол автомата. Другие мгновенно оцепили место событий. Тот, который, скорее всего, был главным и не скрывал своего лица, быстро осмотревшись, тут же нашел под машиной нож. Взвесив его на ладони, он криво ухмыльнулся и гаркнул на всю округу:

— Всем лежать! Никому не двигаться!

Но к нему уже бежал испуганный Тимоха, продолжая кричать, но теперь уже обращаясь к нему:

— Дяденька, Миша не виноват, он заступился! Дяденька, пусть его не трогают! Дяденька, я все видел!

Но пробежать мальчишке не дали. Ловко выставленная нога одного из бойцов оцепления подсекла его и заставила пару метров проехать на животе. Он тут же попытался встать, но сильная рука другого бойца буквально подняла его за шиворот. Тимофей еще что-то пытался крикнуть, но получился только сдавленный кашель.

— Тихо, малец, — сказала маска.

В это мгновение Михаил сделал резкий разворот, и прижимавший его к земле боец неуклюже полетел на землю, не выпуская из рук автомат. Вскочив на ноги, Миша одним ударом в челюсть вышиб из общего строя того, кто держал за воротник Тимофея, при этом успел перехватить мальчика левой рукой, не позволив ему упасть.

— Парня не трогайте, совсем озверели, — сказал он, отступая под наведенными на него стволами.

— Дяденьки, это мой друг! Не арестовывайте его! Он за тетеньку заступился, а теперь она орет, что ее сын бил! — снова заговорил Тимофей.

— Не того ты себе друга нашел. Ты ему краденое продавал? — спросил командир, потом поднял глаза на Михаила: — Резвый, отпусти пацана.

Тимофей впервые услышал кличку Михаила, которая, наверняка, тянулась за ним из тюремного прошлого.

— Ничего я не продавал! Он просто мой друг!

Миша слегка оттолкнул Тимофея в сторону:

— Иди, Тим, иди, а то хуже будет.

В тот же момент сбитый ранее с ног Михаилом омоновец снова ударил его прикладом, на этот раз прямо в лицо. Напарник рухнул, как подкошенный и потерял сознание. Из обеих ноздрей выкатились струйки крови, губы были рассечены.

— Пакуйте, — приказал командир. — И пацана тоже!

— Мальчика вы никуда не повезете.

Услышав знакомый голос, Тимофей оглянулся.

Со стороны заправки приближались Вячеслав Иванович и его водитель. Сумбурность и громкий ужас происходящего не позволили Тимофею задуматься над тем, откуда и зачем они здесь. Только молнией прошила затылок мысль: «из-за меня?»

— Это еще кто? — спросил командир окружающее пространство.

— Я директор школы, где учится этот мальчик. Он поедет со мной. Вам напомнить процедуру общения правоохранительных органов с несовершеннолетними? — Вячеслав Иванович положил руку на плечо Тимофею, давая понять, что никуда его не отпустит. — Если будете настаивать, я поеду с ним. Ни на какие вопросы он отвечать не будет.

— Тьфу! Правозащитники хреновы! — выругался командир. — Да он нам и не нужен. У его друга, господин директор, послужной список и без того на кавырнадцать лет тянет. Так что не мешайте работать и валите отсюда со своим ученичком по скорому, пока я не передумал. Хватит мне и без малолеток хлопот. Тоже мне — воспитатели, распустили всю страну.

Вячеслав Иванович повлек Тимофея к школьной «Газели», но после этих слов обернулся и ответил:

— Страну распустило правительство, которому вы служите. А мы — лишь пожинаем плоды. Вам бы хотелось, чтоб ваш ребенок попал в подобную переделку?

Командир снова сплюнул в сердцах на землю.

— Мой ребенок?!.. — но не договорил, а только махнул рукой. — Да пошел ты! — и уже

в ближайшее пространство сквозь зубы: — Интеллигенция, мать ее...

— Давай, пыли отсюда! — крикнул кто-то из омовцев, дабы поддержать своего начальника.

Вячеслав Иванович осуждающе покачал головой, но предпочел не продолжать перепалку. Дорогу им вдруг пересекла женщина, которую избивал собственный сын.

— Эх вы! — сквозь подступившие слезы выдавил Тимоха. — Миша за вас заступился, а вы...

— Все вы бандиты! Все! Вас всех к стенке ставить надо! Почему это тебя отпустили? Ты с ним заодно!

Наверное, она не прекратила бы кричать, но тут к ней подошел школьный водитель Андрей Николаевич и что-то тихо, но внушительно сказал на ухо. Услышав и переварив сказанное, женщина сама прикрыла разбитый рот рукой и с расширенными от ужаса глазами стала смотреть вслед уходящей троице. У самого автобуса Тимофей вдруг развернулся и побежал обратно.

— Вячеслав Иванович, они должны его отпустить! — на ходу говорил он. — Должны. Он же доброе дело делал!

В три шага его догнал Андрей Николаевич и обхватил с обеих сторон руками:

— Тише, парень. Ему уже точно не поможешь. Слышал, у них с ним старые счеты. Тише... Тише... Уймись... лучше потом его проведаешь, чем они нас всех вместе упакуют.

Но Тимофею удалось выскользнуть из его железных объятий и снова побежать в сторону, где уже усаживали в газель, согнув пополам, Михаила. Тот, заметив напарника, подмигнул ему и крикнул:

— Тим, не надо сюда! Помни про свободу!

Дюжий омоновец стал вталкивать его в боковую дверь-купе «газели», но Миша вдруг выпрямился и попросил:

— Ну будь же ты человеком, дай два слова сказать!

Омоновец отступил на шаг, убрав руку с Мишиной головы, буркнул что-то «резче давай».

— Тим! Я тут подумал, путешественники — это свободные люди. Понял?

Тимофей кивнул, потому что ответить он не мог. Боялся заплакать, а показывать слезы сейчас было никак нельзя. И не только из уважения

к себе, но и из уважения к другу, коему сейчас было во сто крат хуже.

— И помни, что тебе отец про путешественников говорил! Поэтому — вскрой пуговицу. Она твоя. Тему понял?

Тимофей снова кивнул, хотя не совсем еще понял, о чем сейчас говорил Михаил. Дверь «газели» ухнула и застегнулась, мотор взревел, и машина с тонированными стеклами и красным щитом на борту повезла Михаила в печальную неизвестность.

17

— ...Когда от семьи изолировали мальчика-поваренка, друга Алексея, Леонида Седнева, все насторожились. В принципе, чувство смертельной угрозы не покидало Александру Федоровну еще с того момента, как в Тобольск явился личный представитель Свердлова комиссар Яковлев. Это можно узнать из ее дневника. Он привез приказ о немедленном перевозе царской семьи в Екатеринбург. Алексей болел, и царица разрывалась между мужем и больным сыном. Но решила, что мужу она нужнее, и поехала с ним. Может,

надеялась, что в ее присутствии его не посмеют расстрелять. Кстати, когда они на разбитых тарантасах добирались из Тобольска в Тюмень, в одной из деревень местный старичок узнал государя и спросил у комиссара с поклоном: «Паря, ты уж будь добр, скажи, Бога ради, куда это царя-батюшку везут? И Москву штоль?» «В Москву, в Москву, дедушка». Разумеется, комиссар никому не мог бы открыть всей правды. Но поразителен ответ деда: «Ну слава-те, Господи, теперь будет порядок». В советские времена это, конечно, объяснили бы наивным монархизмом. А вот сегодня картина выглядит немного по-другому...

— Да ты, Сергей Сергеевич, у нас тоже наивный монархист, — улыбнулся Вячеслав Иванович.

— Я не наивный, я сознательный, — поправил учитель истории.

Они сидели вчетвером поздно вечером в кабинете директора — Тимофей, Егор Семенович, Вячеслав Иванович и Сергей Сергеевич. На директорском столе лежала та самая пуговица. Историк рассказывал, что ему известно о расстреле царской семьи. Вячеслав Иванович «прицеливался» со всех сторон к пуговице, вокруг которой были

разложены инструменты, остальные внимательно слушали.

— Примечательно, что большевики разыграли целую детективную историю: условный язык, передача приказов не напрямую, а через третьих лиц. Приказ о ликвидации Янкель Юровский получил шестнадцатого июля вечером из Перми. Не из Москвы, а из Перми! Вообще, если сопоставить все имеющиеся данные, то можно смело утверждать, что у нового правительства был абсолютно сатанинский, четко продуманный план уничтожения царской семьи. Причем всех без исключения. А в подвале ипатьевского дома расстреляли не только Романовых, но и доктора, лакея, комнатную девушку царицы, повара...

— Так и пролетариев, получается? — вскинул бровь Егор Семенович.

— Получается, — кивнул Сергей Сергеевич, — правда, кто-нибудь может заявить, что это не пролетарии, а привилегированная прислуга, но, с моей точки зрения, просто это были преданные люди, в отличие от генералов, кичившихся своей храбростью и честью, но в одночасье изменивших своему государю и клятве. Это уж потом

началось Белое движение. Но, видимо, не такое оно было белое, раз Бог не попустил им победить. А тут победителей не было. Русские убивали русских на радость врагам России. Убийство царской семьи было не только подлым злодейством, политическим актом, оно носило и мистический характер... Никого, даже детей не пощадили. Между тем, сын самого Юровского дослужился до контр-адмирала флота и очень гордился тем, что его отец расстреливал царскую семью. В июле тысяча девятьсот восемнадцатого года ему было чуть меньше, чем царевичу.

— Неужели никому не удалось спастись? — спросил погруженный в задумчивость Тимофей.

— Никому. Да и трудно поверить в то, что абсолютно безграмотный Юровский, который даже отчет собственноручно не мог написать, и окружавшие его палачи могли хоть на миг задуматься о милосердии. Не буду скрывать, есть несколько легенд, по которым, якобы, спаслись Алексей или Анастасия, либо оба вместе. К примеру, существуют несколько самозванцев, что ведут свой «царский» род от спасшихся. По одной из таких легенд Юровский, якобы, пожалел Алексея и заменил его в последний момент

на сверстника — племянника повара — Леонида Седнева. Это, мол, и была причина, чтобы увезти его. Экая гуманность, заменить одного ребенка другим. Не верю. Царскую семью методично и безжалостно вырезали, не пощадили даже монахиню Елизавету — жену убиенного князя Сергея Александровича. Да и дальнейшие телеграммы в центр подтверждают, что расстреляли всех. Ну а потом старательно заметали следы. В ход шло все — керосин, кислота, гранаты... Вот такая у нас история...

— М-да... Нас-то в школе, че помню, совсем по-другому учили, — вздохнул Егор Семенович. — Теперь каждый год новая история.

— Да нет, история у нас всегда одна. И сейчас ее по заказу и за деньги перевирают.

— И чего тогда детям рассказывать?

Но на этот вопрос Сергей Сергеевич ответить не успел.

— Николай Александрович держал царевича на руках? Я картинку видел... — не удержался, поторопил Тимофей.

— Нет, если верить Юровскому, который диктовал отчет о проделанном злодеянии, то в специально приготовленную комнату по просьбе

царицы принесли два стула, на один из которых села сама Александра Федоровна, а на другой усадили царевича. Император же стоял рядом. Причем после первых залпов Алексей и три его сестры оставались живы. Жив был еще доктор и эта девушка, которую почему-то называют фрейлиной. Их достреливали, добивали штыками. Пули рикошетили, потому что в корсажах у великих княжон были драгоценности.

— Что такое корсаж? — спросил Тимофей.

Мужчины переглянулись, ответ, как и полагается, взял на себя Егор Семенович:

— Нижнее белье такое. Для поддержки правильной осанки.

— А... понял... — смутился Тимофей.

— Значит, они все-таки хотели убежать, раз прятали драгоценности? — спросил в свою очередь Егор Семенович.

— Не знаю... Может, и надеялись, может, просто хотели где-нибудь откупиться. Вы бы не надеялись? Не пытались? В любом случае все их ценности достались большевикам. Точнее, даже не большевикам, а их женам и дочерям. Особо престижным считалось выйти в свет в чем-нибудь из царского гардероба.

— Все да не все! — влился в разговор взволнованный голос Вячеслава Ивановича. — Кое-что нам оставили! Смотрите!..- ловким движением скальпеля он подцепил крышку пуговицы, удерживая ее маленькими пассатижами за ушко. Крышка легко отошла, и из пространства между ней и ножкой выпала мизерная тряпица. Не руками — пинцетом развернул ее Вячеслав Иванович, и все четверо охнули...

На кусочке материи вспыхнул радужным спектром четко ограненный камень. В первое мгновение даже показалось — из кюлассы — наверхия бриллианта ударил пучок искр. Он словно заждался света, и теперь зазывно играл гранями пирамид.

Тимофей в эту минуту вспомнил, в скольких руках перебивала пуговица, как мог «потерять» ее Анальгин, или — попадись она Чирку, и ужаснулся.

— А вообще, если задуматься, как могла сохраниться эта пуговица после стольких злоключений? Не думаю, что гимнастерку царевича рвали на сувениры, — озадачился Вячеслав Иванович.

— Судя по сохранности, эту пуговицу берегли, значит, она могла попасть в чьи-то руки

до расстрела. К примеру, Алексей мог подарить ее тому же Леониду Седневу, мальчику-повару, когда стало ясно, что того куда-то увозят. Что мог подарить один мальчик другому? При этом о ее содержимом он мог знать, а мог и не знать. Это не меняет самой сущности акта дарения. — Такое предположение сделал Сергей Сергеевич. — Насколько я знаю, царевич любил собирать различные, казалось бы, ненужные вещи. Некоторые видели в этом даже определенную манию. Но я, когда был мальчишкой, собирал сломанные зажигалки, и даже сейчас не могу объяснить себе — зачем? И тоже держал в жестяной коробке всякие ненужные железяки.

— И я, — признался Вячеслав Иванович, — собирал всякие железяки.

— А я вообще мечтал мотоцикл собрать, — добавил Егор Семенович. — Какого только металлолома во двор не перетаскал.

— Возможно, — продолжил Сергей Сергеевич, — пуговица оторвалась от бушлата или гимнастерки много раньше или накануне. В сумбуре последних дней никто не придавал этому никакого значения.

— Но она может и не принадлежать наследнику? — усомнился Вячеслав Иванович.

— Да, если не брать в расчет видение или сон Тимофея, — напомнил Сергей Сергеевич.

— Мистик ты у нас, Сергей Сергеевич, в чудеса веришь...

— Самое неприятное, что этот камушек принадлежит государству, — вышел из оцепенения Егор Семенович.

— Не думаю. В лучшем случае, он принадлежит царевичу Алексею, — возразил Сергей Сергеевич.

— Он принадлежит Тимофею, — поставил точку Вячеслав Иванович, испытующе оглядев притихших от неожиданности и точности поставленного вопроса мужчин.

Некоторое время все молча смотрели на бриллиант. Затем Вячеслав Иванович так же ловко завернул его в материю и запаковал в пуговицу.

— М-да, ничего хорошего из того, что и этот «сувенир» достанется большевикам, ну, во всяком случае, их деткам-наследникам, я не вижу, — сам себе прокомментировал учитель истории. — Думаю, подробное обследование бриллианта ничего нового, проливающего свет на события

в ипатьевском доме не даст. А по каратам он, похоже, не тянет на именной камень. Так что его собственную его историю тоже вряд ли удастся выяснить.

— Н-но... — хотел, было, что-то сказать Егор Семенович.

— Я ничего не вскрывал, — улыбнулся в усы Вячеслав Иванович.

— Я ничего не видел, — подтвердил Сергей Сергеевич.

— Да, вот еще что — вы завтра или в понедельник едете в больницу? — перевел разговор на другую тему директор, одновременно опуская пуговицу в карман Тимофея.

18

Вечером отец и сын чаевничали на кухне. До этого, как и полагается двум мужчинам в отсутствие хозяйки, умяли пару тарелок лапши быстрого приготовления. Егор Семенович в этот вечер чувствовал себя нормально. Алкоголь отступил, напоминая о себе только непродолжительными сбоями в сердечном ритме да излишней потливостью. Глядя на сына, он вдруг

с тревогой подумал, что по всяким там генетическим каналам их с Ириной пьянство может передаться Тимофею. Или, что не менее страшно, его детям. В дни трезвости его всегда мучило разочарование в самом себе, разочарование в Ирине, которая из красивой женщины позволяла себе превращаться в отекающую бомжеватую старуху. Муки совести накатывали, подобно цунами, напрочь смывая реальность, любой ход мыслей, и оставляли после себя кричащую пустоту. На улице, казалось, весь мир смотрит на тебя с пренебрежением и осуждением. И никакой, являемый внешней оболочкой мужской горды, не мог вытеснить или заполнить эту пустоту. Ночами на буровой сопровождаемая занудным нытьем дизеля эта пустота превращалась в мучительную бессонницу, поглощавшую пачками терпкие дешевые сигареты. Мир казался неправильным и несправедливым как в пьяном, так и в трезвом виде. «Да не грузись, Семеныч!..», успокаивали мужики и звали выпить в первый день на буровой. И они выпивали. Выпивали все, что могли привезти с собой, за один присест. Потом мучались, ловили отходняки, в особо тяжких случаях глотали одеколон, но работали...

Тех, кто не находил в себе сил победить похмелье, увольняли. И на пятый день вахты Егор Семенович обычно снова начинал себя уважать: он же трудится, зарабатывает на хлеб! Да, к тому же, не в уютном офисе с обогревателями и кондиционерами. Тут и фумитоксы-рапторы воткнуть некуда. А если вахту отстоял, то почему не... И только сегодня вдруг пришло в голову, вспомнилось откуда-то из глубин школьной программы: «... тварь я дрожащая, или право имею?..» Так, пожалуй, заканчивались все сомнения вокруг непочатой бутылки или приглашения отметить окончание трудовых будней. Выходит, тварь...

Всему на свете человек может найти оправдание, особенно — собственным слабостям и страстям, но боль, которая передается детям, извинения не находит. Психически нормальные люди даже на последней ступени падения это понимают.

— Тимош, — попытался отвлечь себя отец, — я вот думаю, если маме операция понадобится...

— Щас, пап, — вдруг вскочил Тимофей, оставив недопитый чай, и устремился в свою комнату.

Егор Семенович проводил его встревоженным взглядом, но через пару минут Тимофей вернулся с общей тетрадью в руках. Когда он открыл ее, отец увидел, что в толщине листов вырезан на всю глубину аккуратный прямоугольник, из которого посыпались на стол купюры разного достоинства.

— Здесь двадцать две тысячи триста рублей! — гордо доложил Тимофей. — На мопед хотел, на Крым хотел, но теперь маме надо...

— Ого...- растерялся Егор Семенович.

— Пап, это не за один день. Я рыбу продавал...

— И краденое, как мне Вячеслав Иванович сказал.

Тимофей опустил голову:

— Я об этом не думал. Извини, пап... Но вы, когда пьете, денег даже на хлеб не бывает. А я вам подбрасывал.

Егор Семенович скрипнул зубами.

— Ладно, сын, забыли... Я как-то на храм деньги сдавал. Ну и вместе со мной этакий отпетый мордоворот, из тех, что пальцы веером. Старушка одна, когда он ушел, и говорит: вот, мол, грехи замаливает, поганые деньги свои

принес. А я вдруг подумал: а что, было бы лучше, если б он эти деньги в казино проиграл, пропил или, хуже того, взрывчатку какую на них купил?.. Промолчал я тогда. А вот теперь сказал бы. Насчет денег — не переживай. Меня с работы еще не выгнали. Рассчитают — и на лечение хватит, и на Крым. Бабушка звала, даже плакала...

— Пап, а вот эти деньги надо обязательно передать моему другу. Понимаешь, пап? — Тимофей достал из кармана еще несколько банкнот и с надеждой посмотрел на отца. — Даже если он в тюрьме. Понимаешь? Он мне друг. Настоящий.

Егор Семенович привлек сына к себе и крепко прижал.

— Раз друг, значит, найдем хоть в тридевятом царстве и передадим. Я вот думаю, куда твою пуговицу пришить?..

За окном вкрадчиво, как бывает на севере, начиналась весна. Одним еще только будоражащим душу запахом. И потому так хотелось дышать.

ЭПИЛОГ

— Ну что ж, молодой человек, экзамены вы сдали достойно. Но в нашем вузе собеседование после вступительных испытаний — традиция. Даже удивительно, что парень из глубинки добился таких впечатляющих результатов.

— У меня были хорошие учителя.

— Все?

— Нет, конечно, но плохих не было.

— В чем же, позвольте узнать, заключался, в первую очередь, их профессионализм?

— Знаете, они хоть и вели нас вперед, но как-то не впереди, а вместе. В одном ряду. Если кто-то отставал, то только по собственному нежеланию идти в ногу. И главное — они не врали.

— Ого! Завидую вашим сельским учителям. Наверное, вы не доставляли им хлопот.

— Еще как доставлял!

— Тем более, удивительно. Но, скорее всего, вы из тех, кто еще читает книги?

— Из тех.

— А скажите, Тимофей, какую цель вы преследуете, поступая в наш университет? Нет, не так

поставим вопрос, кто для вас является примером для подражания?

— Федор Конюхов.

— Федор Конюхов? Но причем тогда увлечение историей?

— Я думаю, что Федор Конюхов — это один из самых свободных людей на нашей планете.

— Вот как? Я полагал, что на нашем факультете... Хотя нет, мне самому иногда кажется, что время Шлиманов уже прошло. И Троя и Аркаим уже открыты, нет ни одной буквы в летописях и хрониках, на которых бы не задержался взгляд исследователя. Обидно! Мы, в сущности, больше занимаемся анализом уже открытого. Но кто знает? Кто знает?.. В чем же заключается, по-вашему, свобода Федора Конюхова? В том, что он колесит по миру, невзирая на границы, широты и параллели?

— В том, что он преодолевает самого себя.

— Преодолевает?.. Интересно... Оригинально... У меня к вам еще один вопрос, правда, может быть, и не относящийся к делу. Не возражаете? Эта пуговица на вашем пиджаке, выпадающая из общего ряда... Это новая мода? Ни на панка, ни на хиппи вы не похожи?.. Даже, как это сейчас

говорят, на продвинутого, с моей точки зрения, не тянете. Чем, кстати, мне и нравиться. А эта пуговица, знаете ли, как-то выпадает...

— Если я скажу вам, что это талисман, то это будет не совсем верно. Скорее, все же, реликвия. Отвечу так: это не моя пуговица. Я просто ищу человека, которому должен ее отдать...

Горноправдинск,
январь-июнь 2005

Bekap

(becarre)

Бекар — французское слово — в музыке знак альтерации, отменяющий действие ранее назначенных знаков диез или бемоль, повышающих или понижающих тон звучания. По сути — возвращение в тональность произведения. Но что он может значить в судьбе юного и талантливого музыканта? Может ли судьба писаться, как музыка? И какими знаками становимся мы в Божественной гармонии...

«Если ты не можешь подняться и не хочешь смириться — ты обречен на гибель...»

«Талант (фанатичная работа в какой-либо области) — искрящее замыкание в цепи жизненной энергии».

*В. Гаврилин «О музыке
и не только...»*

1

Неистовая была пурга. Даже пушкинским бесам стало бы тошно.

«Невидимкою луна»? Белесым размытым пятном в едва угадываемом направлении.

Снежные заряды били в лицо колкой слепящей массой, дороги и тропы сравнялись с единой волнующейся гладью кипенного моря, в котором, как корабли, терпящие бедствие, утопали двухэтажные типовые дома и разнокалиберные коттеджи. Вся окружающая действительность замыкалась вихрем в пространстве двух шагов видимости, и только низкий, но иногда срывающийся на фальцет стон недалекой тайги напоминал, что мир вокруг был огромен, а сегодня

еще и страшен. Редкие уличные кобры-фонари испуганно качали головами, но не могли толком раздвинуть бушующую мглу даже в метре вокруг себя. Минус тридцать на пару со шквальным ветром загоняли все живое в любые возможные укрытия. И на обертон низкой протяжной ноты пурги срывались то пассажи, то длинные ноты с разрываемых струн-проводов, тянулись из арфы длящегося вдоль домов неровного штакетника и гуляющих в пределах снежных завалов ворот. След человека или автомобиля исчезал в молочном клубящемся вареве уже через минуту. Так, в ногу с ветром, наступала северная пустыня. Емкое и самое точное русское слово «стужа», выпав из звездной стыни, пикировало в метровые сугробы, эхом несло над землей и снова дыбилось в мутное безразличное небо.

И хоть была у Василия распространенная русская фамилия Морозов, но ни тепла, ни комфорта в этот вечер она не добавляла. Согнувшись тупым углом, отталкиваясь от земли, словно каждый шаг — это предстоящий прыжок, он медленно преодолевал мятущееся пространство по направлению к музыкальной школе. И в то время, когда все пятнадцатилетние сверстники прилипли

к экранам телевизоров, погружаясь в очередной сериал о бандитах, или, в лучшем (худшем?) случае, подпирали стены подъездов за ничего не значащими разговорами, он самоотверженно шел на встречу со своей учительницей по специальности Изольдой Матвеевной. Три месяца назад паренек из северного поселка победил на областном конкурсе юных пианистов, и теперь предстояло выступить на конкурсе всероссийском. Ради этого, говорила Изольда Матвеевна, надо работать и день и ночь, и в жару и в стужу, и не жалеть себя, потому как грани настоящего таланта оттачиваются кропотливым тяжелым трудом.

Ох, уж эта Изольда Матвеевна. Худощавая высокомерная женщина с тонкими, как пишут в книгах, точеными чертами лица, темными, почти черными глазами, умеющими неморгающе долго и пристально смотреть на собеседника через линзы модных очков. В ней нельзя было угадать учителя музыки, больше она была похожа на строгого завуча или даже судью. Тонкие, но, тем не менее, красивые губы Изольды Матвеевны имели особенность мимически передавать тысячи выражений ее отношения к происходящему. За семь лет работы с учителем Василий научился

читать эту мимику, особенно в отношении продлеваемой им за пианино или роялем работы. Малейший изгиб уголка рта — и Морозов уже знает: «загнал» пьесу или нарушил пальцовку, отчего можно впасть в «спотыкач». А вот когда все шло, как по маслу, Изольда Матвеевна уплывала взглядом в задумчивую даль и начинала наматывать на длинный тонкий указательный палец локон каштановых волос у виска. Но — малейшая ошибка — и этот палец мог дернуться так, что из уст ее вырывался ругательный шепот от досады и боли одновременно, но смысла его Василий никогда не понимал. Казалось, учительница говорит на другом языке.

Все эти годы Изольда Матвеевна вела «сибирского самородка» (так она его порой называла) к большой сцене. Переживала только, что Василия поздно отдали в музыкальную школу, когда ему исполнилось девять лет. В музыке, как и в спорте, раньше начнешь — больше надежд на лавры. Но уже через год Морозов легко читал с листа пьесы, рассчитанные на пятиклассников детской музыкальной школы, а технике его нынешней игры могли позавидовать выпускники консерваторий. Кроме того, Василий пытался

сочинять сам, но именно в этом направлении творчества их взгляды чем дальше, тем больше расходились. Изольда Матвеевна пичкала Василия музыкой, в ее понимании прогрессивной: от «Прометея» того же Скрябина до Шнитке. Прослушав дома «Прометея», он тут же сел за пианино и на память сыграл скрябинскую «Прелюдию для левой руки»... До диез минор. Эта пьеса была похожа на полотна импрессионистов. От нее веяло дождем и туманом, под такую музыку хотелось созерцать... «Прометей» был похож на беспорядочную танковую атаку... И никакого света и цвета в этом произведении Василий не слышал и не видел. И удивлялся, как в одном композиторе уживались две таких разных стихии, и почему одна из них победила?

Василий покорно не один раз прослушивал принесенные учительницей диски, хотя от авангарда и полистилистики его изрядно коробило. Да, соглашался он с Изольдой Матвеевной, мысль есть, техника изумительная, подходы неожиданные, но почему-то душа не поет. Бьется мысль, рвется, но куда?! Из современных композиторов Василию больше нравился Георгий Свиридов. При упоминании о нем у Изольды

Матвеевны один уголок губ приподымался, а второй, напротив, уходил вниз. «Ну это же лубок, Вася, — как-то снисходительно начинала говорить она, — конъюнктура. Ты же умный человек». Вася жал плечами. Спорить с учителем на полную катушку он не решался, да и не хватало ему всей этой терминологии, чтобы уверенно и аргументированно отстаивать свое мнение. Ему больше нравилось воспринимать музыку сердцем, а не рассуждать о том, из каких она сплетается форм, стилей и приемов. Получалось, чем ближе музыка к какофонии, тем она прогрессивнее. И очень удивился Василий Морозов, когда на областном конкурсе услышал от продвинутых студентов музыкального училища, что Моцарт — это попса. Именно за его мелодизм и доступность. До сих пор он считал попсой то, что несло со всех телевизионных каналов, радиостанций и миллионными тиражами наполняло рынки компакт-дисков и кассет. «Ну, тут они откровенно перебарщивают, хотят казаться умными, этакими избранными, — пояснила Изольда Матвеевна озадаченному ученику, — Моцарт — это классика. Возьмем, скажем, математику. Разве можно сейчас ее представить без таблицы умножения?

Моцарт — это таблица умножения в музыке». «Значит, — еще больше удивился Василий, — Пушкин — это таблица умножения в поэзии?» «Ты, как всегда, быстро схватываешь, — вскинулись уголки губ, — но заметь, я не сказала, что это просто, как дважды два, таблица умножения как раз позволяет нам множить, преумножать, понимаешь?..» «Понимаю», — кивнул Василий, но сравнение все равно показалось ему обидным. Изольда Матвеевна словно прочитала его мысли: «Но разве можно недооценивать изобретателя колеса, если теперь все им пользуются?! Но изобретать колесо во второй раз не стоит. Лучше попробовать найти что-нибудь свое...» «Самолетный двигатель?» — предположил Василий, чем вызвал восторг учительницы, но про себя подумал, что и взлет и посадка самолета без колес не обходятся. «Всякая настоящая поэзия должна быть глуповата», вспомнил вдруг прочитанное в дневнике у композитора Гаврилина, но приписываемое Пушкину.

Вчера ученик 10 класса средней школы и выпускного класса школы музыкальной Василий Морозов написал странную (наверное, под воздействием Изольды Матвеевны) с темпом

prestissimo пьесу «Пурга». Построенная на беглых неправильных, каких-то кривых арпеджио и лихо закрученных вокруг едва заметной мелодической оси секвенциях, с вколоченными в этот водоворот внезапными синкопами, эта пьеса должна была определенно понравиться учительнице музыки. Но в этот вечер Василий невольно подумал о том, что накликал своей композицией пургу настоящую, именно такую, какую он представлял себе, нащупывая на клавишах мелодический ход, выстраивая общую картину над нотными листами. Есть общепринятое выражение: озвучить. Озвучить фильм, к примеру. А как быть с обратным? Скрыбин вслед за Римским-Корсаковым попытался «расцветить» музыку, но, в сущности, синтез искусств от обратного так и остался уделом одержимых экспериментаторов. Нет, нельзя продуктами питания написать натюрморт, а раскрашенными электрическими лампочками излить душу. Впрочем, Изольда Матвеевна возразила бы на это развернуто и развесисто. Зато «Русский этюд», сочиненный Василием месяц назад, она удостоила только одним словом: «вторично».

Нет, сегодня Василий шел на встречу с Изольдой Матвеевной не спорить. На дебаты о вкусах

времени не оставалось. Чуть больше месяца до конкурса. Хотя шел он сквозь январскую пургу не только на занятие, не только на встречу со старым роялем “Petrof”, белые клавиши которого пожелтели, как зубы пожилого человека или курильщика (зато голос оставался, как у новорожденного), Василий надеялся застать в школе Аню. Несмотря на такой мороз.

Одноклассница Аня в достижении своих целей была такая же упрямая и целеустремленная, как Изольда Матвеевна. Мечтала поступить в консерваторию и потому уговорила родителей платить учителю за дополнительные занятия, ковыряя часами сложнейшие фуги, чтобы развить технику. Изольда Матвеевна разумно совмещала дополнительный заработок с подготовкой Василия к конкурсу. Тем более что директором ему было дозволено заниматься в актовом зале, Аня же сидела в отдельном кабинете. Но после они обычно вместе возвращались домой. Иногда Аня заходила в зал, чтобы послушать игру одноклассника, и тогда сердце Василия тревожно саднило, зато выталкивало из своего объема душу прямо в руки, а пальцы, в свою очередь, колдовали звук... Изольда Матвеевна начинала крутить каштановый локон.

Еще два года назад Василий не замечал тихую Аню Гордееву. Нет, не то слово. Замечал, конечно, но увидел ее по-настоящему только 1 сентября этого года, когда она опоздала на линейку. Десятиклассники «пристреливались» друг к другу после прошедшего лета, иронически поглядывали на суетящихся учителей, деловито крутили в руках мобильные телефоны и делились последними новостями. И вот, когда физруки и преподаватель ОБЖ с трудом подогнули всех под одну линейку, вот-вот должен был появиться директор, из-за угла выбежала Аня. Увидев строй, резко остановилась, выискивая глазами своих. И Морозов опять же не заметил бы ее, если б не присвистнул стоявший неподалеку Брагин из 11-го «В». Василий отследил взглядом, разумеется, не свист, а взгляд Брагина, который восторженно и липко скользил по Аниной фигуре.

Рывок ветра поднял за ее спиной русую волну длинных волос. Казалось, ветер подхватил их и замер в своем порыве, чтобы ощутить их чудесную шелковистость и слиться с ними по всей длине. Такие волосы у нынешних девушек даже в глубинке были редкостью. А еще вихрь так облепил фигуру Ани легким платьем, что Василий поймал

себя на мысли: ему тоже хочется присвистнуть вслед за Брагиным. Устыдившись такого неприличного порыва, он опустил глаза, но буквально через миг поднял их, приветливо помахал Ане рукой: мы здесь! И вот уже она рядом, благодарно коснулась его плеча: мол, спасибо, помаячил. А ученик десятого класса Василий Морозов вдруг перестал слышать многократно усиленный динамиками голос директора, да и всех вокруг, пытаясь определить, объяснить в себе совершенно новое чувство, каковое возникло от присутствия рядом Ани Гордеевой. Чувство, правда, было более похоже на мимолетное предчувствие, из тех, что яркой вспышкой высвечивают душу и не находят разумного толкования запредельной, мистической эйфории переживаемого человеком момента. Миллион пронесшихся в голове недосказанных мыслей закончился неожиданным восклицательным знаком: Василий понял, что с этого момента Аня для него значит много больше, чем все окружающие.

Ему захотелось заглянуть ей в глаза, и он робко повернул в ее сторону голову, набивая на всякий случай в уме дежурную фразу. И (о, чудо!) фраза не понадобилась, Аня тоже повернула

к нему лицо, брызнула из-под прищуренных век приветливой лазурью, улыбнулась, и слова в этот миг перестали что-либо значить. В доли секунды Василий запечатлел в своем сердце образ девочки, именно в сердце, даже почувствовал, как он там отразился и запомнился. Весь, до последней пушинки на щеке и маленькой родинки под правым ухом. Отозвался и теплой волной нежности вернулся в голову.

Аня смотрела уже в сторону командного действия школьной линейки, а Василий еще некоторое время любовался ее профилем, и только сейчас заметил, что с другой стороны навстречу ему смотрит Витя Брагин, а рядом с ним ухмыляется его закадычный друг Макс Вознесенский.

Парочка эта (не разлей вода) слыла в школе отменной шпаной еще с начальных классов, но при всем при том учились Брагин и Вознесенский неплохо, ибо другого им не позволял родительский статус. Отец Брагина был директором муниципального торгового предприятия, а у Вознесенского — не последней шишкой в администрации. Помимо повальных пропусков уроков Витя и Макс были инициаторами маленьких катаклизмов (от взрыва петард в школьном туалете

до массовой драки после дискотеки) и водили дружбу со шпаной настоящей, которая есть ныне (да и была всегда) в каждом населенном пункте. За дружбу они платили родительскими деньгами в ближайших кафе, ночным извозом на отцовских иномарках, а в обмен имели угрюмую и вескую поддержку братвы в проблемных ситуациях. Какое-то время Василий находился в ближнем круге их компании, его ценили за ум (это неправда, что там признают и уважают только тупую силу), ну и за то, что он может, как «Шарапов, и Чайковского и “Мурку” слабать». Сам он не напрашивался, но как-то его позвали, и он пошел. Пиво, карты, разговоры о драках, машинах, сексуальном опыте — все это было для Василия пустым звуком, привлекало другое — в этом кругу ощущалось ни с чем не сравнимое чувство мужского единения, и он сам не мог себе объяснить, почему для него так важно быть своим для ребят, с коими у него совершенно разные интересы. Василию, согласно его наклонностям, придумали необидную (по сравнению со многими) кличку — Маэстро. Старшие ненавязчиво оказывали юному музыканту покровительство, не позволяя другим ни словом, ни делом задевать его самолюбие,

и даже шутки (приколы) в отношении Морозова были вполне безобидными. Зато Морозова в любое время могли попросить взять в руки гитару подыграть на трех блатных аккордах, или самому исполнить какую-нибудь (чаще всего народную) песню. Василий не отказывал, а однажды даже пришлось играть на ультрасовременном синтезаторе в ресторане. Одной из девушек вдруг захотелось услышать Шопена. Ресторанные лабухи (так называли музыкантов) Шопена или не знали или забыли. Клавишник любезно (а, может, за отдельную плату) выставил для Василия подходящий тембр, оставив в левой руке плывущую электронную массу для фона. В итоге получилось нечто современно-классическое: тема струилась электропиано, а общий гармонический фон витал в космосе, где парсеки отбивались редким мягким ритмом. Нечто подобное Василию приходилось слышать в исполнении японской пианистки Кейко Матсуи. Когда Морозов закончил пьесу, зал с минуту молчал, а потом взорвался рукоплесканиями и пьяным восторгом. Смягчился даже вышибала-охранник, который сначала не хотел пропускать Василия, потому как тот был в компании младше всех. И даже произнес

знаковое определение стилю: new age. Своеобразный и совершенно нехарактерный авторитет Василия в этой разношерстной группе молодежи рос, и долгое время он не знал, как к этому относиться.

Но этим летом Морозов резко устранился от общения с ними.

Как-то ночью после дня молодежи накачанная пивом и чем покрепче толпа ребят отправилась к реке, чтобы у костра под рев блумбоксов продолжить праздник. Собирались обычно у моста, где таежная река делала небольшой изгиб, а кедровый бор переходил в песчаный пляж. В летнее время эта площадь обычно превращалась в импровизированную шашлычную, а вечером — в место романтических встреч (разумеется, если предварительно обработать себя жирным слоем репеллента). Сюда же приходили старшеклассники после выпускного бала, чтобы вдали от счастливых родителей и подобревших учителей устроить оргию прощания со школой.

Той ночью в гуле толпы обертонила какая-то тревожная нота. Василий слышал ее чутким ухом, ощущал стороннее давление излишнего подзавода, агрессивной энергии, наперед зная,

что ничем хорошим она не выплеснется. Хотел уйти, но не уходил и сам себе не мог объяснить почему. Именно Брагин и Вознесенский были заводилами, от них исходил этот беспокойный фон. Сначала они заводили друг друга, а потом на пару заряжали (заражали?) всех остальных. Кричали громче обычного, задирались, а пьяная развязность уже давно вышла за рамки всех допустимых норм даже в таких компаниях. Старшаки делали им ленивые замечания, но, по всему выходило, с плохо скрываемым интересом ждали какой-то неожиданной развязки.

В безумной дерганой пляске, казалось бы, все должны были утратить бешеный пыл, но только не Витя с Максом. И когда уже сидели усталые в мутно-молочном предрассветном сумраке белой ночи тесным кругом у костра, поддерживая по очереди тему об инопланетянах, о параллельных мирах и прочей загадочной лабуде, они периодически вскакивали, с гиком гонялись друг за другом, пару раз чуть всерьез не подрались. И вдруг Вознесенский откуда-то притащил к костру большого пушистого сибирского кота. Никто даже предположить не мог, что произойдет в следующее мгновение.

— Шашлык! — дико закричал он и тут же бросил кота в бушующее пламя.

Запах паленой шерсти опередил несчастное животное. Горящий кот вылетел из пламени, не разбирая дороги, бросился в сторону леса. Душераздирающий вопль пронзил сонную дымку над рекой и больше был похож на охрипший предсмертный ужас, замороженный в бесконечно длящемся звуке. Добавившиеся к нему девичьи вскрики и приглушенная ругань парней колыхнули наступающее утро. Мыслью Василий опоздал за событиями, как, впрочем, и все окружающие, только почувствовал, как сжалось сердце, как будто его самого бросили в костер. Обезумевшему коту не повезло и во второй раз: страх бросил его под ноги Брагину, и Витя «не растерялся», острым носком ботинка поддел его навстречу. Кот подавился собственным воплем, тело его с растопыренными лапами описало в воздухе правильную дугу, и он опять-таки оказался в костре, откуда выпрыгнул уже без крика и еще раз рванул к спасительному лесу.

— Дурак, — сказал Брагин Макс, — надо было в воду бросить, я ни разу не видел, как коты плавают. Может, он и не умеет.

Даже видавшие виды девицы встали и, ругая напарников «придурками» и «дебилами», с разочарованием на лицах направились по домам. За ними потянулись старшие ребята, поматерив, скорее для порядка, закадычных друзей. Никто не назвал их извергами, и уж, тем более, никто не дал им в морду. Не сделал этого и Василий, в сознании у которого ощущение гадливости от увиденного сменилось презрением к собственной трусости. Он вообще промолчал и даже не решился уйти в числе первых, вынужденный слушать подробности впечатлений Брагина и Вознесенского о паленом коте. Ему вспомнился недавний разговор с отцом о человеческих слабостях. «Трусость, — сказал отец, — самое гадкое и самое плохое из того, что может жить в сердце человека, потому как трусость позволяет злу существовать в этом мире». И в этот момент Василий больше ненавидел не Брагина с Вознесенским, а самого себя.

— Как тебе ария кота, Маэстро?! — спросил его Макс.

— Фальшиво, — ответил более про себя самого Василий. — Пойду домой.

По пути в сознании печально звучало гениальное «Адажио» великого Альбинони...

2

Крыльцо музыкальной школы исчезло в снежной реке, которую гнал вдоль улицы ветер. Маленькие белые смерчи игриво намекали на место, где оно должно было быть. Нашупывая ступеньки ногами в сугробах, Василий подумал, что все эти снежные завихрения можно великолепно озвучить Фантазией-экспромтом до диэз минор Шопена. Это было одно из обязательных произведений, на которое Изольда Матвеевна делала особую ставку на конкурсе. Ох, и летела эта шопеновская фантазия прирученным гармоничным торнадо из-под рук Василия Морозова. И, прикрыв глаза, учительница задумчиво терла локон...

Дверь подалась с трудом, пришлось сдвигать добрый полуметровый сугроб. Так через пару часов занятий можно и не выйти из школы. Представилось: морозное утро, заваленные снегом по самые крыши дома и абсолютная тишина... Нет!.. Едва слышно над белой пустыней звучит

первая токката Шпета! Неспешный орган славит готические сосульки, мерзлую вечность или вечную мерзлоту.

Ожидая спасателей, придется несколько дней сидеть взаперти... Но именно это Василия устраивало. А что? Чайник и печенье там всегда есть. Рояль и уйма времени, помноженная на долю романтики! Главное, чтобы помимо Изольды Матвеевны, а также единственной и ворчливой, но доброй технички Антонины Ивановны (похожей на «Рапсодию в голубом» Гершвина) в школе была и Аня.

— Ты выстрелил своего Гаврилина? — встретила на пороге Изольда Матвеевна вместо «здравствуйте», «как дошел», акцентируя на «своего», как будто Гаврилин был родственником Морозова или соучастником в преступлении. Преступление заключалось в том, что Василий настоял: в первой части конкурсной программы, где требовалось исполнение произведений отечественных композиторов, он против угловатой сонаты № 3 Шнитке (от Изольды Матвеевны) будет играть несколько небольших: коротенькую гаврилинскую «Русскую», «Вариации на тему Генделя» Эдисона Денисова и пьесу-фантазию

Рахманинова. Сергея Васильевича они любили на пару. Василий смог убедить учительницу тем, что в разных пьесах он выгоднее покажет и технику и разные настроения, короткие произведения можно подать эффектнее, как несколько выстрелов, главное — уложиться в отведенное время.

Но с простенькой (меньше минуты) пьесой Валерия Гаврилина досталось попотеть. Вначале был резвый пассаж, который у Василия получался не как гармоническая старт-пробежка, а будто глиссандо заводящегося автомобиля. И дело было не столько в технике, сколько в извлечении звука. Нужно было найти какую-то маленькую тайну, заложенную в этот пассаж композитором. Этого требовала пьеса, этого требовала Изольда Матвеевна, которая раскладывала музыку не только на математику, но и на движения души. Хотя иногда Василию казалось, что учительница ставит музыку на конвейер. Он жутко не любил «заигрывать» пьесы до автоматизма и возникающего к ним равнодушия. Говорил об этом Изольде Матвеевне, но та лишь сверлила его взглядом и твердила: в любое время дня и ночи ты должен быть готов выйти на сцену и оставить там душу.

И заплетающиеся руки не должны тебе помогать сделать это!

— Выстрелил, осечки не будет! — улыбнулся в ответ Василий, он услышал, что в одном из кабинетов Аня «ковыряет» полифонические инверсии Мяковского. — А я тоже кое-что написал. Думаю, вам понравится.

— Надо тачать Баха, а ты занимаешься вольным сочинительством, — притворилась недовольной Изольда Матвеевна.

— Баха мы отбахаем! — с улыбкой пообещал Василий. — Здравствуйте, Антонина Ивановна, — поприветствовал появившуюся из подсобки уборщицу.

— Здравствуй, Вася. И на кой ляд вам все эти Бахи в такую непогоду? — проворчала она в ответ. — С прибабмахом все вы тут.

— Это точно, — согласился Морозов, подавая ей дубленку и шапку.

— А девчонка-то, — кивнула Антонина Ивановна на сбивчивые звуки из-за соседней двери, — полчаса руки отогревала, какое тут играть? Что вам — памятник поставят?

— Может, и поставят, — холодно осекла ее Изольда Матвеевна.

— Поставят, — хмыкнула уборщица, — как генералу Карбышеву. Кино-то, небось, про него смотрели?

— Так, Василий, горячий чай, грей руки, а потом в зал, — уже не слышала ее преподаватель, — через четверть часа начинаем, можешь разогреться своим новым сочинением. Хочешь, чтобы Аня послушала?

— Если она захочет, — уклончиво ответил Василий и понял, что не смог скрыть от пронзительного взгляда Изольды Матвеевны нахлынувшего исподволь волнения.

Теперь она обязательно скажет, что ранняя влюбленность помешает ему достичь высоких целей. Именно такое от нее более всего ожидалось. Но она вдруг задумчиво произнесла нечто иное:

— Я в десятом классе влюбилась в стройного, атлетически сложенного гимнаста.

— И? — спросил Василий, который знал, что муж Изольды Матвеевны никакой не гимнаст.

— Он предпочел другую, и это хорошо.

— Почему же хорошо?

— Я не пошла вслед за ним в цирковое училище, а поступила в музыкальное! — в глазах учительницы мелькнул озорной огонек: — И теперь

мне не надо мотаться по городам за каким-нибудь дешевым шапито, а всю любовь я отдала музыке. Мой муж, ты знаешь, скромный экономист, которому, как вы выражаетесь, музыка по барабану. Поэтому он любит за двоих меня, а я за двоих люблю музыку. — Заговорщически подмигнула, словно состояла с Василием в одной тайной организации.

— Мне кажется, вы любите музыку не только за двоих, а почти за весь наш поселок.

На эти слова ученика Изольды Матвеевна расплылась в редкой благодарной улыбке и окрыленная отправилась ставить чайник.

Василий вспомнил, как нервно дергаются уголки губ Изольды Матвеевны, когда волею-неволей приходится слышать несущиеся из автомобилей, квартир и частных магазинов блатные песни или тупую современную попсу. Всякий раз заметно, как она сдерживает себя, и учит этому Василия: нельзя называть всех людей дураками, они несчастные, они не знают величия гармонии... Можно рассказать слепым про голубое или покрытое тучами небо, но они его не увидят, так и с глухими. С той, правда, разницей, что эти глухие сами хотят быть такими.

Аня пришла, когда Василий уже был на сцене. Начал он, вопреки предложению Изольды Матвеевны, с Шопена. Воспользовался ее отсутствием. Зато, когда обе уже сидели в небольшом актовом зале, учительница сама попросила:

— Ну, Василий, окажи нам честь своими новыми изысканиями. Как называется твое новое произведение?

— Эклектичная музыкальная поэма «Пурга»! — наигранно-помпезно объявил Василий.

— Это ты вслед за погодой?

— Нет, Изольда Матвеевна, это погода вслед за мной. Не поверите, я вчера сочинял, а сегодня мое сочинение материализовалось. — «Слово-то какое вспомнил!» — сам себя подначил юный музыкант и заметил легкую улыбку Ани.

Пьеса начиналась с закрученного хода в контроктаве. Затем вступала правая рука, рассыпая те самые кривые арпеджио в щедром пространстве большой и малой октав, и вдруг обе руки начинали синкопировать аккордами от малой до субконтроктавы, откуда вновь нанизывался изначальный ход. И только теперь в общую музыкальную ткань стала пробиваться мелодия. Палец Изольды Матвеевны, наматывающий локон, выжидательно замер...

— Сначала я думала, что ты решил повторить «Время вперед!», — сказала она после более чем минутного молчания, последовавшего за кодой. — Но ты меня приятно удивил, Василий. Твоя мысль начинает догонять твои руки. Эту пьесу не стыдно показать перед самыми взыскательными слушателями. Если это поэма, то очень похожа на стихи Максимилиана Волошина... Как тебе, Аня?

— Здорово, — ограничила свой восторг одноклассница.

На мгновение Василию показалось, что Аня ему завидует. На такой эффект он меньше всего рассчитывал. Не зря отец после ссор с мамой говорил: «Современную женщину не понять. Такое чувство, что она не хочет быть женщиной, или, во всяком случае, хочет быть немножко мужчиной. Трактор водила, в космос летала, джинсы надела, горы покоряла, начальниц женщин полно... Но от этого мужчина все равно не научится рождать...!» Опасность феминизма Василий до конца еще не осознавал, но в главном был согласен: «не понять...»

Начиная с первого сентября, Аня благосклонно, но как-то меланхолично принимала его

ухаживания. И самое обидное, не чуралась и Брагина, который ухаживал за ней, совмещая данное «увлечение» с девицами легкого поведения, кои были порой много старше его. В компаниях он щедро делился своим богатым сексуальным опытом. Не отставал от него и Вознесенкий. Неужели она не видела и не понимала этого?

Во время осеннего бала на дискотеке Василий в первый раз пригласил Аню на танец. Ее близость, ее запах сладко вскружили голову, он лепетал ей на ухо что-то несуразное, хотел, но не решился сказать главное. Позволил себе только одно: его рука провела плавное легато вдоль ее спины, и (о чудо!) Аня не воспротивилась этому! Но уже следующий танец она неспешно парила с Виктором и с точно таким же выражением лица слушала его бойцовские байки с обычным для него и глуповатым для окружающих похохатыванием. А под конец танца его руки уже свободно дирижировали вдоль ее стана. И Аня не оттолкнула его (чего ожидал от нее Василий, который косился на них, безнадежно подпирая спиной стену актового зала). После дискотеки Брагин предпочел Ане шумную компанию, и Морозов воспользовался счастливой возможностью без

соперничества проводить ее домой. Дорогой он все же решился сказать ей, что она очень много для него значит, что она прекрасна, как самая гениальная симфония... Аня с легкой блуждающей улыбкой слушала его, а у подъезда поцеловала в щеку, после чего ошарашено счастливый Маэстро еще час бродил по поселку, раскручивая в уме нежную серенаду для своей возлюбленной. Казалось, до полной взаимности остался только шаг. Ведь на обратном пути он держал в своей руке ее руку, чувствовал ласковую мягкость подушечек ее пальцев и полагал это вершиной допустимой сейчас близости.

Дня через три, опасаясь неуловимой скоротечности и воздушности сказанного слова, он доверил его бумаге, и на уроке отправил ей пространную записку, где звучало таинственное и ничем не заменимое «люблю», а сверх того — готовность посвятить ей всю свою жизнь, все творчество, как некогда безутешный Петрарка для своей Лауры. А в ответ получил краткое и половинчатое: «Васенька, ты мне тоже очень нравишься, ты талантливый, ты умница, но я пока не могу понять сама себя». Как человек может не понимать сам себя? Впрочем, бывает, конечно.

Или: ах, да, речь ведь идет о девушке! Но в данном случае это означало одно: полной взаимности, скрепленной молнией первого взгляда и притяжением, преодолевающим земное, здесь нет. Тут пахло каким-то не совсем логичным девичьим расчетом, обидным и осторожным. И тогда, разумеется, представилась спортивная, более зрелая фигура Брагина... В этот день Василий купил себе гантели, хотя Изольда Матвеевна не раз предостерегала ученика: на физкультуре надо быть предельно осторожным. Руки, данные от Бога для извлечения гармонии, следует беречь. Но с гантелями он явно припозднился, качаться надо было с раннего детства. Отец дал несколько советов, но, казалось, мышцы совсем не реагируют на упражнения. И по утрам Василий печально смотрел на свое отражение в зеркале, всячески его критикуя. Мама, со своей стороны, попыталась его успокоить: мол, накачанные мышцы не главное, и каждого Бог создал для выполнения своей, только ему предназначенной задачи. Не могут быть все сильными, умными, красивыми... Это было понятно, но малоутешительно.

— Мама, а за что ты полюбила папу? — задал прямой вопрос Василий.

— За то, что он полюбил меня, — не задумываясь ответила мать, — он поступал в наш нефтегазовый институт после армии, у него была медаль за Афганистан, пришел на вступительные экзамены в форме... Тогда многие девушки на него заглядывались. Но, честно тебе скажу, я в тот момент на него внимания не обращала. А вот когда он уже после первого курса прицепил к нашему окну в общежитии на третьем этаже огромный букет с запиской для меня... Представляешь, со стороны улицы?! Это показалось мне очень романтичным и оригинальным.

— И ты в него за это влюбилась?

— Нет, я всего-навсего заприметила, кто это сделал. А потом он еще долго за мной ухаживал. После букета я только лишь позволила ему провожать меня после занятий. Хотя для меня до сих пор остается загадкой, как он забрался по абсолютно ровной стене, где зацепиться не за что, до нашего окна ранним утром...

Заметив на лице сына налет многообещающей романтичности, способной подтолкнуть к безумным поступкам, папа Георгий Васильевич вздохнул и предостерегающе сдался:

— Я просто нанял за двадцать пять рублей автовышку...

— Автовышку? — разочарованно вскинула брови Наталья Павловна.

— Ну да, такая машина с выдвижной корзиной.

— М-да... — подытожил Василий. — Сейчас, чтобы удивить девушку, надо нанимать, а еще лучше — иметь лимузин. Или самолет.

К слову сказать, Брагин частенько разъезжал по поселку на серебристом «Форде-мондео» с тонированными стеклами. Частенько подвозил Аню...

— Вот видишь, сынок, ничего сверхъестественного, за шестнадцать лет последующей совместной жизни он больше ни разу не нанимал автовышку...

— Потому что надо было нанимать то детскую коляску, то стиральную машину, то еще что-нибудь, но цветы-то дарил! — попытался защищаться отец.

— Да, — подтвердила Наталья Павловна, — два раза в год, на день рождения и день свадьбы. А на восьмое марта дарил бытовую технику или

наборы посуды, говорил, что это и есть женские подарки!

В конце октября Аня пригласила Василия в гости. Родители у Ани уехали на несколько дней в областной центр по каким-то неотложным делам, решив, что дочь школу пропускать не должна. Ни общеобразовательную, где училась на одни пятерки, ни музыкальную, где эти «пятерки» с огромным трудом извлекались из потрескавшихся шафранных клавиш рояля «Petrof». Осень была теплая и удивительная: небо оставалось ярко-голубым и высоким, как в мае; тайга, прореженная березами и осинами, гроздьями примеряла золото, а местами смущалась до багрянца от восхищенных взглядов. Медлительный ароматный воздух еле плыл над водами великой сибирской реки, и оба они подражали неспешному времени, а, может, отражали ту самую бесконечность, которую всю жизнь тщетно пытается охватить человеческое сознание. Вместе с рекой за шиворот горизонта неспешно тянулось небо. Ничто не предвещало суровой зимы.

Василий запасся букетом дорогих орхидей, кои привозили в эту болотную Тмутаракань вместе с голландскими розами и герберами

коммерсанты, и, по всей видимости, бизнес этот имел успех. Облачился в строгий классический костюм и, немного подумав, прихватил у Лехи Скворцова бутылку шампанского, пообещав на днях вернуть. «Все по-взрослому», — так, подбадривая сам себя, постучался в заветную дверь. И с порога был немного удивлен и даже разочарован: Аня встретила его в потрепанном домашнем халатике, с неприбранный головой и какой-то повседневной озабоченностью в глазах. Точно Василий пришел не на свидание, а списать домашнее задание по алгебре или помочь ей прибраться в квартире к приезду родителей.

Но экзотический букет все же возымел свое действие. Аня поцеловала Василия в щеку и долго пристраивала орхидеи в вазе на столе своей комнаты. Колдовала с водой и размышляла вслух, как заставить цветы постоять подольше.

— Ты, поди, разорился, Вася? — спросила лукаво.

— Это не имеет значения, — ответил внутренний рыцарь.

— А шампанское? Хочешь выпить?

— Н-ну... — растерялся, было, Василий, — я думал, букет и шампанское... Почти натюрморт.

— Ну, так поставим рядом с букетом или все-таки выпьем? — улыбнулась Аня.

В этой усмешке Василий интуитивно почувствовал подвох от пра-пра-прабабушки Евы. Не с такой ли покровительственной к чужой наивности улыбкой подавалось к столу яблоко с древа познания? В любом случае, сердце екнуло, а внешне пришлось подпустить этакой развязности и для вящей убедительности без лишних разговоров пальнуть пробкой в потолок.

Пробка-дура срикошетила и вернулась в макушку Василию. Ойкнув, он хохотнул, Аня же залилась смехом надолго.

— Надо было чуть наклонить, — дала она поздний совет.

— Ничего, так смешнее, — собрался с мыслями Морозов.

Шампанское пили с шоколадом. Говорили о ничего не значащих пустяках, мыли кости одноклассникам и учителям. А после второго бокала Аня включила музыку и вдруг сама пригласила его на танец. Обомлевший Василий как-то неловко (по-пионерски) обнял ее за талию. Она же внезапно прижалась к нему всем телом, отчего дыхание сначала остановилось, а потом стало

синкопировать с ударами сердца. Нахлынувшая, как цунами, нежность все же имела в себе холодный ручеек осторожности: как бы чего не сделать неправильно. Сначала он несколько раз поцеловал ее в шею, а потом их губы, точно два магнита, нашли друг друга.

Вкус первого поцелуя ни с чем не сравним, нет в человеческих языках нужных прилагательных, если только речь идет о настоящем поцелуе. Не о тех поцелуях, каковые иногда случаются между молодыми людьми ради эксперимента, соответственно принижаящему смысл происходящего слову «попробовать». Почему любовь скрепляется устами? Потому ли, что в устах хранится и проносится это самое слово? И значит ли сам поцелуй, что слова больше не нужны? Может, так объединяются не только души, но и слова? Материализуются?

Именно ради того, чтобы продлить чувство первого поцелуя, люди отчаянно борются за любовь, совершают благородные рыцарские поступки, бесстрашно и без оглядки пересекают расстояния и время... Но первый поцелуй может быть только один. Первый. И сохранить его вкус человеческой памяти не под силу. Память о нем

в чем-то схожа с общей памятью человечества об утраченном рае.

То, что произошло далее, вконец ошеломило Василия, и в первое мгновение он растерялся, а во второе — опустился на колени. Теперь стал ясен смысл домашнего халата, который так легко слетел с плеч его возлюбленной. А он-то, дурак, и не понял сразу!.. Пораженный девственной первозданной красотой девичьего тела, он, содрогаясь, опустился на колени. Как будто Аня являла собой памятник высшей гармонии. Но даже в момент этого таинства не забыло предательски мелькнуть в содрогающемся сознании и собственное жалкое отражение в зеркале. Тело Ани — это и была музыка. Симфония человеческого совершенства. Все античные Венеры мраморно отдыхали, топ-модели из журналов были глянцево и безнадежно мертвы! И теперь эта детально выверенная божественная гармония открыта ему! Вмиг (и только сейчас) пришло глубокое осознание поэтического преклонения перед женщиной. Полки, нет, дивизии! Армии склонивших головы поэтов, композиторов, художников... И где-то в последнем ряду худой, ничего еще не значащий юноша Василий Морозов.

Дверной звонок заставил вздрогнуть обоих. Аня посмотрела на Василия вопросительно (что делать?), а тот пребывал в беспомощной растерянности. Какой демон нажал эту фальшивую клавишу?

Пока в голове Василия рождалась эта смелая и нужная фраза: не открывай, Аня уже набросила халат, затянула на талии поясok и с каким-то едва уловимым разочарованием, больше похожим на форму легкого презрения, протянула своему Ромео руку:

— Ты же не будешь стоять на коленях, когда я открою дверь?

Да, действительно. Нелепо.

И все! Дверь в эту тайну так же неожиданно захлопнулась, как и открылась.

Или некто вломился в нее?

На пороге оказался улыбающийся Брагин. Без разрешения шагнул в прихожую и, увидев в проеме Василия, спросил:

— О, Маэстро! Ты че, за нотами зашел?

Как будто другого повода у Морозова оказаться в этой квартире не было. И судя по тону брагинского голоса, он такого и предположить не мог. Маэстро по его понятиям был вне конкуренции.

— За нотами... — то ли повторил, то ли трусливо оправдался Василий и тут же увидел, как окатила его гневной лазурью Аня. Взгляд ее был окончательным приговором. А слова рассыпали в прах последнюю надежду реабилитироваться за малодушие.

— Да, Вася, вот твой «Детский альбом» Чайковского, — сказала Аня, акцентируя на слове «детский», отчего горечь и обида заполнили душу Василия и в ней не осталось места ничему другому.

— Слышь, Маэстро, — снова обозначил себя Брагин, — ты извини, мне тут с Аней поговорить надо, — прямой намек, что «детям» пора убираться...

— Да я вообще-то тоже хотел, — попытался зацепиться Василий.

Ну что было делать? Тут же броситься в драку, чтобы имеющий первый взрослый по боксу Брагин расписал его в этой прихожей и он выглядел бы еще более жалким, нежели сейчас. Безумству храбрых не поем мы песню. Время, когда можно еще было что-то изменить, безнадежно утекало, измеряясь и без того краткими секундами.

— В музыкалке наговоритесь, — подмигнул Брагин по ходу в гостиную (мол, что, не понимаешь?) и с удивлением покосился на початую бутылку шампанского.

— Иди, Вася, в музыкалке поговорим, готовься к конкурсу, — торопливо поставила заключительный аккорд Аня.

Он даже не помнил, как оказался в подъезде. И уже на улице вдруг осознал, что похож на испуганного, опаленного, выпрыгнувшего из огня кота. Оставалось только напороться на чей-нибудь направляющий пинок. Ненависть к самому себе, ко всему миру чередовалась с какой-то необоснованной обидой на Аню: а, может, она сама разыграла весь этот спектакль? Смысл? Показать Маэстро, что он только за роялем что-то значит. Нет, ерунда! Но почему пустила в квартиру этого крысиного короля?

Чтобы удержать подступившие слезы, Василий до крови прокусил губу. А заодно скомкал в руке рулон «Детского альбома». «Надо же — совсем тряпка! Даже до шелкунчика не дотягиваю...»

Вернуться! Пнуть дверь ногой и броситься в драку! Биться до последнего и лучше умереть,

чем испытывать такой жуткий и невыносимый стыд! Так он думал и, тем не менее, все дальше уходил от дома Ани. Легкая расправа с противником могла быть только в воображении.

— Господи! — мысленно крикнул Василий в небо: — Почему Ты вместе с талантом не дал мне физическую силу!? — И добавил самому себе: — И почему я такой жалкий трус?..

Словно в ответ на его слова из проулка лоб в лоб вывернул Вознесенский:

— Маэстро, привет, куда летишь?

Василий замер, примеряясь, как лучше захватить ему в челюсть. Макс спортсменом не был, и, в принципе, с ним можно было потягаться. Вознесенский не стал ждать ответа и добил лежащего ехидной ухмылкой:

— А Витек к Аньке попер. У нее родаки на большую землю слиняли. Классная телка! — позавидовал своему напарнику.

— Да пош-шел ты... — процедил сквозь зубы Василий и двинулся дальше.

Огорошенный таким поворотом Макс некоторое время смотрел ему вслед и будто опомнился:

— Ты че, Маэстро, рамсы попутал?! Смотри, как бы похоронный марш не пришлось сбачать!

Похоронный — так похоронный!.. Вернувшись домой, Василий включил на полную катушку реквием Моцарта и плюхнулся на диван лицом к стене.

3

На следующий день они не смотрели друг другу в глаза. Но Аня при этом вела себя подчеркнуто весело. Много смеялась и шутила с подругами, примыкала к шумным компаниям, заигрывала с парнями, а в конце уроков вдруг сама подошла к Василию и прямо спросила:

— Вась, я не поняла, это ты обиделся или я должна обижаться? Что ты ходишь, как в воду опущенный?

— Не надо было открывать дверь, — сказал Василий и тут же понял, что сморозил очередную глупость.

— А я и не собиралась, — надменно улыбнулась Аня.

И, чувствуя какую-то необъяснимую, но ранящую в самое сердце Анину правоту, он злился еще больше и не мог понять, кто виноват, кроме него.

— Пора становиться взрослым, Маэстро, — этак высокомерно посоветовала Аня, и прозвище вдруг показалось очень обидным.

— Угу, — с кривой ухмылкой согласился Василий, — взрослый — это когда ведешь себя, как троглодит. Видимо, нынешним Джульеттам это больше по вкусу.

— Фи... — изогнула губки и пошла по своим делам, будто они вообще не разговаривали.

И толкуй это «фи», как хочешь, в диапазоне от легкого пренебрежения до полного равнодушия. Но даже презрительный изгиб губ возлюбленной показался Василию привлекательным, и он понял, что никогда (во всяком случае, в обозримом будущем) не сможет ее ненавидеть. Даже если Аня причинит ему боль. Вся мятущаяся буря обиды была направлена теперь только в одну точку — на образ Брагина.

Впрочем, образ не заставил себя долго ждать.

На выходе из школы Брагин стоял, поигрывая автомобильными ключами, и, как выяснилось, ждал Василия.

— Маэстро, — окликнул он, — тема есть. Пойдем, пообщаемся. — И повернулся спиной, точно не оставляя никому выбора. По его виду было

понятно: ничего хорошего эта «тема» не сулит. Но в данный момент Василию было «по барабану». Ниже плинтуса не упадешь.

Он молча, на автопилоте, направился следом. Но вел его Брагин, на удивление, не к обычному месту мальчишеских стычек на задах школьного двора, а к своей машине. Еще больше Василий удивился, когда увидел на заднем сидении Аню.

«Вот еще закидоны? — подумал Морозов. — Он что: собирается меня отмутузить при Ане?» — и весь внутренне собрался. Тут же начал прикидывать, как подольше простоять на ногах и биться до последнего. Последнего чего? Прекрасно знал, что удар Брагина поставлен профессионально. Большинству его оппонентов хватает первого. Те же, кому удастся устоять и дать сдачи, по меньшей мере, сами незаурядные спортсмены или от природы здоровьем и силой не обижены. Морозов же относился к группе таких середнячков. Даже с точки зрения банального урока физкультуры — ничего примечательного.

— Садись, — деловито кивнул на сидение рядом с собой Виктор, — прокатимся.

Василий минуту раздумывал.

— Садись, не дрейфь.

Аня на вопросительный взгляд Морозова пожала плечами: ничего не знаю. Пришлось сесть и выдать на лицо невозмутимый вид.

Машина резко рванула с места и, постукивая, словно вагон, на стыках бетонных плит, понеслась в сторону околицы. Выехав на проселок в таежном бору, Брагин заглушил двигатель. Для вящей значимости некоторое время молчал. Некурящему Василию в первый раз жизни захотелось помять в руках сигарету, глотнуть едкого дыма и не закашляться, как это было когда-то на школьном дворе.

— Че, за дурака меня держишь? — оскалился Витек.

Морозов промолчал, а молчание, как водится, знак согласия.

— Знаю, что держишь, — еще кривее ухмыльнулся Брагин. — А зря, Маэстро. Мне бы щас попростому и по-быстрому навалить тебе прямо при Ане, других-то способов у меня нет. Ты так и думаешь, правильно, Маэстро? Ду-умаешь, губехи не криви. И окажусь я жестоким идиотом, а ты добрым пианистиком. Так? И Аня будет смотреть на меня, как на... — Он на мгновение задумался, подбирая слово, насилу вспомнил, — на ископаемое. Как их там? Неандертальцы?..

— Да ни о чем я не думал, — раздраженно ответил Василий. — Это же я ушел, трусливо поджав хвост, а не ты.

— Упс! Правильный ход, Маэстро, правильный! — любовно разбил по слогам. — Признать свои ошибки и слабости надо, особенно если ты намерен их исправить. Но лучше их не совершать. Поэтому я, Маэстро, морду тебе бить не буду. И Вознесенскому скажу, чтоб не лез, а то у него со вчерашнего дня руки чешутся. А все будет по-джентльменски. Будем бороться за даму сердца. Но, чур, условие: я — без бокса, ты — без музыки! Что скажете, Джульетта? — повернулся к растерянной от происходящего Ане.

— Меня Аней зовут, — только и нашлась, что сказать.

— Извини, Аня, — тут же поправился Брагин. — Принимаешь наш стратегический паритет? — и даже сам поразился умному словосочетанию.

— Паритет, это когда вместе, а не когда против, — буркнул Василий, но, похоже, это была никчемная информация.

Даже в этот (казалось бы, на равных) момент, Витек выглядел таким старшим товарищем,

учителем жизни, задающим тон в любом деле. И Морозову казалось, что он в очередной раз выглядит посмешищем.

— Да боритесь вы хоть с музыкой, хоть с боксом, я вам что — приз?! — Аня резко выскочила из машины и направилась в сторону поселка.

— Ну вот, обнулила! — смущенно прокомментировал Брагин. — А значит, Вася, мы на равных, — впервые назвал Морозова по имени.

— Вряд ли, Витя, — сомнительно пожал плечами Василий, — я ведь не смогу ходить с ней в ресторан, подвозить ее на иномарке после уроков. И что вы в этих тачках находите?

— Машинах! — уважительно поправил Брагин и нежно погладил руль. — Машина — тоже женщина!

— Урчит, дымит... — подлил масла в огонь Морозов.

Брагин мгновенно завелся:

— Да ты, Вася, дурак полный или прикидываешься! У моей ляльки даже из выхлопа дорогим одеколоном пахнет! Ты с уазиками не путай! Не «Жигули» черметовские!

— Не, ну это болезнь какая-то, — пожал плечами Василий.

— Целыми днями клопов на пианино давить — это тоже болезнь. Еще неизвестно — какая хуже.

— Ладно, пошел я, — решился Морозов.

— Да уж я подвезу, вот жалко Аня ушла. Красивая она.

— Красивая. Женственная. Сейчас таких мало.

— Да мне тоже дуры с сигаретами во рту, краской измалеванные не нравятся. Да еще металлолома, пирсинг этот, по всему телу навешают. Тату всякие... Дуры.

— Дуры, — согласился Василий. — Это у них самовыражение.

— Слышал я их самовыражение, такого даже такелажник не скажет, когда ему труба на ногу упадет. В натуре.

— В натуре.

Беседа закончилась вполне мирно, и Брагин подвез Василия до самого дома. И даже протянул на прощание руку, будто и не соперники они, а партнеры. А далее — каждый занял свое место. Брагин — в шумной команде местных хулиганов, Морозов — у фортепиано. Аня — между ними.

Самое удивительное, что Виктор частенько стал приходить в музыкальную школу, где ждал Аню в коридоре, а иногда приходил вместе с ней слушать Василия. Иногда по-своему выражал восторг исполнительским мастерством Маэстро. Хвалил его собственные композиции. И Василию пришлось ходить на соревнования по боксу и, в свою очередь, не раз восхищаться боевым искусством Брагина. Аня же старательно придерживалась напускного равнодушия ко всему происходящему. Более прислушивалась к себе. И каждый из этой троицы понимал, что бесконечно так продолжаться не может. Тем более что следом за троицей постоянно увивался разочарованный неожиданным джентльменством друга Вознесенский.

4

Конец пакта о ненападении наступил в конце ноября, когда Василий выиграл конкурс. Выиграл — для пианиста звучит особо.

В областной центр ездил не только он, администрация поселка по просьбе директора музыкальной школы отправила туда еще нескольких

учащихся, среди которых была и Аня. И там Морозов, невзирая на фамилию, дал жару! Уже после конкурсной программы его просили играть еще и еще, студенты консерватории диву давались технике сельского школьника, маститые профессора одобрительно кивали, все с интересом слушали его собственные композиции... Когда Василий играл прозрачные «Септимы», «Квинты», «Терции» Игоря Ильина, разученные самостоятельно (и к большому удивлению Изольды Матвеевны), он увидел в зале глаза Ани. До сих пор он был целиком поглощен музыкой. И вмиг чуть не потерял контроль над скользящими вдоль зебры клавиш руками. Во всяком случае, настроение сменилось. «Терции» добивал уже «на автопилоте», без души.

Аня смотрела на него совсем по-иному. Никогда раньше ее глаза не выражали столько проникновенного интереса, будто Василий только что раскрыл перед ней сокровенные тайны бытия, и никто другой до него этого сделать не мог, и никто другой, кроме него. Растерявшись, к неудовольствию богемной публики, Морозов торопливо раскланялся и уступил сцену джазовому дуэту студентов консерватории. На выходе

те дружески потрепали его по плечу: «далеко пойдешь». Да Изольда Матвеевна метнулась откуда-то из подсобок, радостно (уже который раз за эти дни) обняла его и впервые, как собственного сына, поцеловала в лоб:

— Умница! Вася, ты божественно извлекал звук! У тебя на кончиках пальцев тончайшее чувствительное устройство. Ты превзошел сам себя. Вот из таких «превзошел» и получается настоящая музыка.

— Без вас, Изольда Матвеевна, ничего этого не было бы, — потупился ученик.

— На моем месте мог оказаться другой учитель, а вот на твоем уже никто не может оказаться. Дорога в мир большой музыки открыта! — И тут же прочитала его насквозь. — Ну, беги к Ане, я же вижу: тебе не хочется пожинать лавры, тебя интересует всего один цветок. Ах, как это романтично! Но не забудь, вечером у нас запись на телевидении, будешь исполнять что-нибудь свое. И еще с тобой хотели поговорить журналисты. Не возражаешь, если я при этом буду присутствовать?

— Ну что вы, Изольда Матвеевна, я к ним без вас вообще не пойду.

— Хорошо, беги, Аня в зале.

Но Аня была уже не в зале. Она ждала его у окна в коридоре, задумчиво смотрела в окно. Когда повернулась к нему, взгляд оставался тот же, что заставил Василия вздрогнуть на сцене.

— Вась, ты — гений, — просто и тихо сказала она.

— Не знаю, — честно признался он.

В этот момент для него не имели значения все его таланты и стремления, потому как Анин образ полностью заслонял их, не оставляя малейшей возможности даже думать о чем-то.

— Ты меня любишь? — так же прямо спросила Аня.

— Да, — не раздумывая, ответил Василий.

— Больше, чем музыку?

— Музыка — это для тебя, — нашелся он.

Она вдруг переменилась в лице, в глазах сверкнула лукавинка от прародительницы Евы:

— А вот интересно, как бы ты это сказал музыкой, что ты чувствуешь?

На секунду Василий растерялся, но только на секунду. Уже в следующий миг он взял Аню за руку и увлек за собой в первый же по коридору кабинет специальности, где стояло старое

пианино «Тюмень». Сел и вдруг стремительно врезался в клавишный строй двенадцатым этюдом Шопена. «Революционным». И руки, впитывая бурю в душе, полетели... Каждая из них — со своей темой, словно отражали два различных начала, смешивающихся в общий мелодический водоворот. Только блестящий пианист и композитор Фридерик Шопен мог вложить столько порыва, столько страсти и на такой скорости в фортепианное произведение. И Василий Морозов был одним из немногих, кто, спустя почти двести лет, мог повторить его. За две минуты нанизанных друг на друга пассажей, пробитых насквозь аккордами возвышенной темы, Василий сказал больше, чем многолетнее томление и тихие разговоры при луне. Да и какая девушка устоит перед романтизмом Шопена, если только она не предпочитает ему одесские куплеты?

Когда в эфире растаял звук последней ноты, они еще долго молчали. Первым заговорил Василий:

— Жалко, что мы не родились в девятнадцатом веке, а эту чудесную музыку написал Шопен. Я мечтал бы написать ее сам и посвятить тебе. А сейчас я боюсь что-либо писать, сочинять,

боюсь повторить, потому что для тебя надо сделать что-то такое, что не сможет сделать никто.

Аня положила ему руки на плечи и с блуждающей улыбкой спросила:

— А что в этом случае могу сделать я?

— Ты уже все сделала...

— Как? Что?

— Ты — есть...

Не вставая из-за инструмента, Василий взял Анины руки в свои и, с содрогающимся сердцем, приложил ладонями к губам.

— Вась, я только сейчас заметила, какие у тебя красивые руки.

— Зато все остальное... Так себе.

— Не себе, а мне! — шутливо поправила Аня.

— Ты серьезно?

— Да.

Нужно было встать и повернуться к Ане лицом, а Василий не находил в себе сил. Боялся, что сердце от возвышенного и одновременно страстного волнения разорвет грудную клетку.

— Я когда читаю книги или стихи о любви, мне не хватает параллельного звучания музыки, — пытаюсь унять бурю, отвлечься, сказал он.

— На бумагу музыку можно записать только нотами.

— А жаль. Представляешь, кто-нибудь пишет о нас... И звучит Рахманинов.

— А мне почему-то слышится прелюдия и fuga Баха, до-минор...

— Это потому что ты ее долго разучивала, — засмеялся Василий.

— А то, — сделала вид, что обиделась, Аня, — там после хоть и быстрого, но размеренного тиканья тональной ноты вдруг такое ускорение, и у меня всегда заплетались руки в этой части... И вообще, Бах такой навороченный.

— Напротив, он математически выверенный. Как теорема Пифагора.

— О! А с математикой у меня — сам знаешь!

— А у меня?!

И оба засмеялись.

Виктор Брагин исчез. Его не было. Исчез криво ухмыляющийся за его спиной Макс. Единственное, чего еще хотелось — чтобы вообще никого не было рядом. Самый лучший пейзаж: пустынный берег моря на закате... Банально? Зато красиво.

А за окном мелким зерном сыпал снег, зима вступала в свои права. И Брагин по российским

меркам был не так уж далеко. Каких-то пятьсот километров. И он не исчез. Его просто оттенила музыка, он отступил перед высоким полетом возвышенного чувства, но такие, как Брагин, не умеют и не могут проигрывать. Поражение для них — это конец всего. Но всегда ли нужна победа любой ценой? И кто определит, что можно вложить в эту цену, дабы не считать ее непомерной.

Было еще два дня, которые Василий и Аня смогли отдать растущему чувству, с перерывами на встречи с журналистами, мастер-классами, посещением концерта симфонической музыки столичных мастеров и ненавязчивой, но все же осязаемой опекой Изольды Матвеевны.

Ох уж эта тактичная Изольда Матвеевна! Входя в последний день, уже ближе к полуночи в номер, где она жила вместе с Аней, смущенно произнесла:

— Простите, но вынуждена прервать вашу идиллию, завтра тяжелый день.

— Это вы нас простите, Изольда Матвеевна, — встречно извинился Василий, выпуская из своих рук Анины, — мы тут засиделись. Обсуждали последний период творчества... Балакирева.

— Последний период творчества! Балакирева! — и еле сдержала смех. — Может, мне тоже высказать свои суждения по этому поводу?

— Нет, не стоит, Изольда Матвеевна, мы уже все обсудили, — и выскользнул за дверь.

— Ну-ну... — то ли одобрительно, то ли иронично качала головой учительница.

А Василий возвратился в номер, в котором жил вместе Антоном Брюховецким, весьма тучным флегматиком, которого в музыкалке прочили во всемирные теноры, а в школе общеобразовательной дразнили прозвищем Непаваротти.

— Завтра домой, — грустно сказал Василий.

— Завтра домой, — согласился Антон.

— Может, рванем куда-нибудь, когда еще попадем в город?

— Да не-е... Не хочу. Надо выспаться.

Другого от Антона ждать не приходилось. Но и Василий быстро согласился с таким развитием событий. Спать — так спать. Во сне можно быть с Анной. И если правильно настроиться, никто не помешает, никто не ворвется в загадочную и легкую ткань сна.

На обратном пути одиннадцать часов они сидели рядом в стареньком, скрипящем на каждом

ухабе «ПАЗике». Все одиннадцать часов тихо разговаривали, и Василий держал Аню за руки. Изольда Матвеевна маячила где-то впереди, перебрасываясь ничего не значащими фразами с водителем, Антон хрустел чипсами, другие пели песни или, наоборот, закрывались от мира наушниками плееров.

В дорожном кафе Василий накрыл для Ани отдельный столик. Благо, что первое место в конкурсе сопровождалось премией, равной месячному заработку отца. На эти деньги он купил подарки и отцу и маме. И Ане...

Велико же было их удивление, когда на свертке к поселку они увидели знакомый «Форд мондео». На трассу Брагин без прав выезжать боялся, а в таежных джунглях гаишников не сыскать. На этом повороте останавливались все поселковые водители, было такое неписаное правило. Традиция. И Брагин рассчитал точно. Как только ребята высыпали из автобуса размяться, он уже стоял у входа.

— Ну, как успехи?

— Мы возьмем первое место, — опередила всех Изольда Матвеевна.

— Поздравляю, Василий, — нисколько не сомневаясь, кто обладатель победы, протянул пятёрню Виктор.

— Спасибо.

— А я, собственно, за вами. Чего вам в автобусе кости трясти. Долетим с ветерком. Аня, ты как?

— Я, как Вася, — робко ответила Аня.

— Ну, тогда поехали. Изольда Матвеевна, вы не возражаете? — спрашивал так, будто приказывал. Было что-то такое в голосе Брагина, какой-то особый тон врожденной наглости, возразить которому рискнет не каждый.

— Но я отвечаю за жизнь и здоровье всех ребят, — смутилась Изольда Матвеевна.

— Да если хотите, мы поедem сразу за вами или чуть впереди.

— Н-ну... Не знаю...

— Лады, Изольда Матвеевна, я вашего победителя сразу к пьедесталу доставлю.

Василий стоял растерянный. С одной стороны, Виктор не сделал ничего, что нарушало джентльменское соглашение, которое Морозов считал уже выигранным, с другой, надо было еще об этом ему сказать, а сделать такой шаг по тем же условиям должна Аня, с третьей, не

было ни одной мало-мальской причины, чтобы отказаться.

— А можно я с вами? — высунулся из дверного проема Антон, который посчитал, что совместное с Морозовым проживание в гостиничном номере делает их почти друзьями.

— Не, там еще Возя, — так ласково Брагин порой называл Вознесенского. — Тесно будет. Разве что стройная Изольда Матвеевна нам не помешала бы.

— Нет-нет, я с ребятами, — отмахнулась учительница.

— О! Паваротти, лови компенсацию, — Виктор с улыбкой бросил ему батончик «марса», чем вызвал бурю благодарности вновь проголодавшегося Брюховецкого.

Самое неприятное произошло в салоне «Форда». Макс с ехидной улыбкой сидел на заднем сидении, Аню Виктор посадил вперед, рядом с собой, а Василию пришлось довольствоваться компанией Вознесенского, который не преминул поерничать:

— Садись, Маэстро, места для пассажиров с детьми свободны.

Нет, это не был классический любовный треугольник. Это был отрезок, на разных концах которого были Василий и Анна, а в центре маячила точка Брагина. Плюс к тому отрезок этот то тут, то там пересекали хаотичные лучи Вознесенского. Стоило Василию выбрать время, чтобы побыть с Аней наедине, как по наитию появлялся Виктор, а если не сам Брагин, то разыскивающий его Макс.

Аня снова ушла в себя, заставив Василия гадать и мучиться, что значат те три дня на конкурсе. Что, в конце концов, значат те минуты в ее комнате, которые возвращались в его воображение всякий раз захватывающим дух видением. Но, как бы ни сильна была страсть, видение с каждым днем таяло. В него по-прежнему разнузданно врвался Брагин, который, к тому же, подчеркнуто соблюдал соглашение. Аня молчала, Василий мучился, Виктор не снижал молодцеватого напора.

Эх, должна же быть в поведении девушки хоть какая-то логика?

В Новый год Василий подарил Ане недорогую золотую цепочку, купленную в городе во время конкурса, Брагин часом позже ответил золотыми

сережками, которые, разумеется, стоили много больше. Ни то, ни другое Аня не хотела брать, пришлось уговаривать вместе. Потом был новогодний бал, где два кавалера, как запрограммированные, приглашали свою возлюбленную на танец по переменке.

В конце концов, это стало настолько смешным, что Аня просто ушла со школьного вечера, попросив обоих не провожать ее.

— Пат! — прокомментировал сложившуюся ситуацию Брагин и направился с друзьями в кафе.

Василий пошел домой. Запершись у себя в комнате с телефонной трубкой, после некоторых сомнений он набрал номер Гордеевых. Позвонил удачно — ответила Аня.

— Это я, — начал он.

— Слышу, — ответила Аня.

— Я хочу спросить... — и получилось, что с мыслями так и не собрался.

— О чем?

— Ань, ты меня будто специально мучаешь.

— А ты меня?

Некоторое довольно длительное время они молчали, вслушиваясь в дыхание друг друга.

— Можно, я спрошу? — попытался унять сум-
бур в голове Василий.

— Ты и так все время спрашиваешь. Ну, спра-
шивай...

— Ань, тогда у тебя дома... что это было? —
и замер, чуть ли не зажмурился.

— Не знаю, дура я была, вот что. Мне показав-
лось, что я так должна поступить. Хотелось чего-
то... сама не знаю. Теперь стыдно, дура и все!..

— Да нет, это я дурак был. И Брагин этот по-
явился.

— Он всегда появляется, ты не замечаешь?
Может, и сейчас наш разговор слушает.

Василий вздрогнул от такого предположе-
ния. И тут же стало стыдно от собственного
малодушия. В конце концов, договор он не на-
рушал.

Или нарушал? В зале консерватории... Или —
двенадцатым этюдом Шопена?..

— Аня, я тебя никому не отдам, — твердо ска-
зал Василий.

— А я ни к кому и не ухожу, — спокойно, будто
они триста лет живут вместе, ответила Аня.

— Наверное, мне с ним все-таки придется
драться.

— Зачем? Чтобы он изуродовал тебя? Мне это не надо.

— Мне это надо. Иначе он всегда будет стоять между нами. Да еще Вознесенский этот.

— У вас же пари.

— Не пари, договор.

Аня вздохнула так, что у Василия сжалось сердце. Нужно было задать еще один вопрос. А он почему-то застревал, Василий боялся обидеть вопросом возлюбленную, но все же решился:

— В тот день, когда я трусливо ушел, вы там остались... — и не смог договорить до конца.

— За кого ты меня принимаешь, Морозов?! — так и есть, Анин голос плеснул обидой и болью, и Василий от досады прокусил себе губу: ну что за идиот? Одна ошибка за другой!

— Аня, прости, я вовсе не хотел...

— Ты, Вася, еще ему расскажи! Может, по вашему джентльменскому соглашению вы еще рассказывать друг другу должны, кто и чего добился на любовном фронте?! Расскажи, Вася, лучше всего при Вознесенском. Представляю его сальную мордочку!

— Ань, что ты! Да никогда! Ты — самая лучшая! Ты просто идеал!

— А ты Морозов!.. Маэстро...— и не договорила, бросила трубку.

И Василий чуть не бросил. В стену.

Но сколько может еще продолжаться такое состояние? И тут вдруг осенило: еще полгода! Потом Брагин уедет поступать в институт. Вроде как, собирается на физкультурное отделение университета. И у Василия и Ани будет еще целый год. А до этого? Трусливо ждать, когда ситуация разрешится сама собой? Но что-то подсказывало: сама собой она не разрешится. Где-то сойдется минус на плюс, и будет либо короткое, либо долгое замыкание.

Выдержав паузу, он снова набрал номер Гордеевых, услышал на другой стороне провода дыхание Ани и, не дожидаясь ответа, выпалил:

— Аня, я хочу, чтобы ты знала, я люблю тебя, люблю больше всего на свете, больше музыки, без тебя вся музыка теряет смысл! Прости меня...— и теперь сам первым отключился.

Каникулы прошли в мучительной тоске. Изольда Матвеевна в эти дни уезжала на родину, куда-то в Поволжье, а это значило, что встреч в музыкальной школе не будет. Работать не хотелось, и за все эти дни Василий только

пару раз садился за инструмент, чтобы нехотя «проковырять» конкурсную программу. Пытался сочинять, но вдохновения хватило бы только на грустную колыбельную. Зато много и бесцельно слонялся по улицам поселка, избегая встреч с кем бы то ни было. И много читал. За каникулы осилил книгу Георгия Свиридова «Музыка как судьба», которую привез из Москвы отец. Гениальный русский композитор оказался еще и гениальным мыслителем. Благодаря этой книге Василий изменил свое отношение к хоровой музыке, к каковой ранее относился весьма прохладно. Теперь специально выписал через Интернет несколько дисков с церковной музыкой и певческую капеллу Санкт-Петербурга, чтобы услышать хоры Свиридова на слова русских поэтов. После прочтения Свиридова взялся за программного Достоевского. Сначала пришлось заставлять себя идти через простую сложность другого русского гения, а потом захватило...

Аня не звонила. Зато один раз позвонил Брагин, спросил, не знает ли Василий, что с Анной, она сидит дома, от «тусовок» отказывается. «Не знаешь?», «не знаю», «а сам чего сидишь?»,

«к конкурсу готовлюсь», «ну, лады», — вот и весь разговор.

Неожиданное произошло в первый день занятий, которого Василий ждал почему-то как решающего. Какая-то едва уловимая, внутрисердечная, не из ума исходящая интуиция подсказывала: что-то должно решиться. Откуда берется такое знание? После уроков, во время обычной толчеи у гардероба, Аня подошла к нему и спросила так, словно они расстались вчера:

— Вася, проводишь меня?

Рядом, как вечное наваждение, стоял, поигрывая ключами, Брагин:

— Да я подвезу, Ань.

— Нет, мы пешком.

В глазах его на секунду мелькнуло злое удивление, но он быстро взял себя в руки:

— Как хочешь. Сегодня вечером в клубе будет концерт. Банда какая-то выступает, из города приехали. Я заеду за тобой?

— Нет, не надо, не хочу я всю эту самодеятельность слушать, — с нескрываемым раздражением ответила Аня.

— Ну так, — скривился Виктор, — у тебя свой Маэстро есть! Да, Маэстро?

— Да, — спокойно ответил Василий, — но и на любительский бокс она бы не пошла.

— Ну-ну...

С этим «ну-ну» и пришлось уходить в неизвестность, спиной чувствуя въедливый взгляд соперника-партнера.

— Хорошо, что ты вчера позвонил... второй раз, — сказала по пути Аня, — мне вчера так плохо было, а то сначала — со своим дурацким вопросом. Я правда не знаю, зачем я тогда так поступила. Взрослой себя посчитала. Теперь стыдно. Девчонки все про это рассказывают...

— Я ничего прекраснее в жизни не видел! — сколько мог — вложил в голос убеждения Василий.

— Молчи! А то больше не увидишь! — смущенно, но с едва скрываемой улыбкой отмахнулась Аня.

Мир вокруг изменился: стал осмысленно-возвышенным, а за таежными далями угадывалось зовущее будущее.

Снова захотелось сесть за рояль и наполнить этот сияющий мир гармонией звука, выплеснуть переполнявшие чувства. Почти сразу закрутилась пока еще в подсознании мелодия. Но сейчас у нее

не было шансов прорваться в этот мир, рядом была Аня...

— Увидимся завтра, на репетиции, — сказала она на прощание у подъезда.

— Завтра обещают жуткий мороз. Я в Интернете смотрел.

— Ну ты же все равно придешь?

— Приду.

— Из-за музыки.

— Нет, потому что ты все равно придешь.

— Приду.

На том и расстались. И окрыленный Василий нес на своей щеке легкое прикосновение губ Ани.

Дома же долго силился вспомнить мелодию, что звучала в нем, когда они шли по улице, но она исчезла безвозвратно, как многое из того, что уходит из нашего сознания в другие, неведомые миры, а может — к другим людям. Ведь бывает так: читаешь изложенные на бумаге чужие мысли, а кажется, что они твои собственные. Особенно, если изложены эти мысли талантливо. Или стоящий рядом с тобой человек произносит фразу, которую ты сам хотел сказать, но опоздал на какие-то доли секунды. А бывает: вы оба

говорите — одновременно. Чаще всего такое бывает с влюбленными.

Вместо лирической мелодии началась «Пурга». Зато как! Нет, вдохновение — дар Божий, его не заставишь молчать! Правда, можно не обращаться на него внимания, как на погоду: ну идет дождь, ну и пусть себе идет, или погожий день за окном — а ты прожил этот день и ни разу красоте его не обрадовался.

6

— Здорово, — сказала Аня после похвалы Изольды Матвеевны.

На мгновение Василию показалось, что Аня ему завидует, но она так и сказала минутой позже:

— Вася, я тебе завидую, у тебя такой дар. Мне рядом с таким даром даже немного стыдно за то, что я инструменты мучаю, но просто приятно быть рядом.

— Да, быть рядом, — многозначительно подхватила Изольда Матвеевна. — Быть музой — это тоже дар и, уверяю вас, даже более редкий, чем гениальность в любом искусстве или науке. Этот дар — дар терпения и самопожертвования.

И вдруг осекалась. Ученики смотрели на нее так, точно она вот-вот произнесет пророчество, расскажет им всю их жизнь и любовь на сто лет вперед. Изольда Матвеевна замолчала, выразительным взглядом ответила ученикам, потом сказала:

— Вообще-то талант существует чаще всего не потому, а вопреки. Но так как без труда он как не ограненный алмаз, то теперь давайте продолжать работать. Аня — твоя очередь. А ты, Василий, сегодня будешь помогать мне, попробуй слушать Аню критически, мне интересно: какие бы ты сделал ей подсказки. Может статься, твои окажутся точнее, чем мои.

— Да ну, что вы, Изольда Матвеевна, — искренне смутился Василий.

Из музыкальной школы они вышли после одиннадцати. Пурга ослабла, небо расчистилось, но звезды отступили вглубь его из-за огромной полной луны, что склонилась над верхушками сосен, как настольная лампа Бога. Эхом пурги по улицам катилась поземка. Студеная тишина белой пустыней легла вокруг человеческого жилья, и каждый шаг по свежим сугробам будто рвал из нее клочки газетной бумаги.

— Поздно уже, может, не стоит меня провожать? — засомневалась на перекрестке Аня. — Тут мне рукой подать.

— Мы можем еще немного постоять в подъезде, — почти взмолился Василий.

— Ну ладно, пойдем, только, чур, не долго, — и взяла его под руку.

— Как получится, — игриво буркнул Василий.

— Я вот думаю, а если ты выиграешь всероссийский конкурс, в чем я не сомневаюсь, то потом поедешь на международный. Выиграешь его...

— А потом?

— Ну... возьмут без экзаменов в консерваторию... Ты поступишь, будем вместе учиться.

— Мой папа данное высшее учебное заведение называет консервой. Представляешь?

— Да я слышал, студенты так же говорят. Ань, а ты будешь ждать меня из армии?

— Из армии? Но зачем тебе туда? Там можно... Ты же талант можешь потерять! — Аня даже остановилась, тревожно всматриваясь в лицо Василия.

— Если я не пойду в армию, отец не поймет. Ты же знаешь, он у меня Афганистане служил,

у него награды есть, ранения. И мне до конца жизни будет стыдно, если я не отдам долг Родине.

— Вася, ты отдашь его музыкой, неужели ты не понимаешь? Ты только посмотри вокруг, сколько сейчас ребят всеми правдами-неправдами увиливают от службы.

— Косят.

— Да какая разница, как это называется?!

— Так и остаются на всю жизнь кривые-косые. Нет, я так не могу и не хочу. Причем постараюсь попасть не в какой-нибудь музвзод, а в нормальные войска. У музыкантов, отец рассказывал, дедовщина жуткая. Да и играют они на разводах, парадах и на жмура...

— На жмура?

— Да, это на похоронах. А я терпеть не могу похоронных маршей. Заунывь нудная! Самому покойнику должно быть тошно. Но ты не ответила на мой вопрос: ты будешь меня ждать?

— Конечно, буду, — Аня остановилась и прижалась к Василию, будто он уже завтра должен был отправиться на службу, — конечно, буду.

— Знаешь, Ань, мне вот сейчас кажется, что такого счастья даже быть не может.

— Какого?

— Такого, когда ты рядом, когда ты моя. Мне кажется, что я тебя так люблю, что мои чувства невозможно выразить ни словами, ни музыкой, ничем нельзя. Откуда такая любовь?

— Не знаю...

— Ань, я тебя спросить хочу, не обидишься?

— Попробуй, — лукаво улыбнулась и прижалась крепче.

— Вот если бы я не был пианистом, не победил на конкурсе, ты бы меня вообще заметила?

— Дурачок ты, Вася, — наигранно обиделась Аня, — заметила бы! У тебя в глазах, когда ты смотришь на меня, знаешь что?

— Что?

— Сама не знаю, как объяснить, но что-то огромное-огромное, светлое и доброе!

— А у Брагина?

— Тьфу, опять вспомнил!

— Забудешь тут, все равно он где-то рядом.

— А у него, Вася, похоть. Он на меня, как на любимую игрушку, смотрит... Ты спрашивал, в тот день, когда ты ушел, что было... Он почти сходу целоваться полез.

— ??? — вскинул брови Василий.

— Я ему пощечину влепила и сказала, что таким образом пусть подружек из своей компании обхаживает. Их можно даже не по одной, а сразу группой.

— Круто.

— Удивительно, но он понял. Сразу дал задний ход, разговоры умные повел.

Они стояли у подъезда и входить в него не торопились. И тому и другому казалось, что нужно сказать еще что-то очень важное и нужное. Сказать что-то такое, что поможет им остаться рядом навсегда. Может, немного циничный философ назвал бы это доказательством взаимности, которому необходимо длиться, дабы не допускать и малейшей возможности опровержения. Доказательства должны нанизываться одно на другое, разжигать костер веры. Они торопятся, потому что нужно сделать запас веры друг в друга на время пусть даже недолгой разлуки.

А поцелуй, который требует себе вечности? А долгое падение в бездонные глаза возлюбленного? А беззвучный и понятный только влюбленным язык прикосновений?

Но вот уже проскакали с телеэкранов лошади ночных «Вестей»... И на первом отзвучали

аккорды Свиридова, отбивая неумолимое время...

— Пора, уже совсем поздно, — Аня шагнула в подъезд, Василий механически двинулся следом, втайне надеясь удержать ее там хоть на пару минут.

Когда они преодолели первый лестничный пролет и повернулись лицом ко второму, пришлось остановиться. Сердце Василия дрогнуло, но потом пошло ровно и спокойно: чему быть — того не миновать.

Прямо посреди лестничного марша сидели Брагин и Вознесенский. Судя по количеству окурков и плевков под их ногами, сидели уже давно. Под ногами у Ани звякнула пустая бутылка из-под водки. А на площадке были разбросаны еще несколько пустых жестянок от колы и пива.

— А вот и наши голубки! — оскалился Брагин.

Он был сильно пьян и, поднимаясь на ноги, крепко пошатнулся.

— Маэстры, — сплюнул на пол Макс.

— Ну что, Вася, выходит, ты нарушил наше джент... джень... тьфу... соглашение. Нехорошо, Вася, не по-мужски. А что ты, Вася, по-мужски

можешь? — Виктор шагнул на одну ступеньку ниже, просверливая Морозова презрительным взглядом.

— По соглашению выбор должна сделать я, — встала между ними Аня, — и я его сделала. Витя, ты еще найдешь свою даму сердца.

— А тебя вообще кто спрашивает? — высунул-ся из-за спины Брагина Макс.

— Аня, иди, пожалуйста, домой, — попросил Василий.

Больше всего он не хотел, чтобы драка происходила при ней. То, что она вот-вот начнется, не было никаких сомнений. Была еще какая-то надежда на то, что Брагин пьян, но, похоже, злость его быстро отрезвляла.

— Иди, Аня, — снова попросил он, — иначе я себя уважать перестану окончательно.

— Иди, Гордеева, — опять-таки встрял Вознесенский, — маэстро нам серенаду споет.

— Ты хоть знаешь, что такое серенада? — спросила его Анна, проходя мимо.

— А нам сейчас Маэстро расскажет.

— Если вы не уйдете, я позову отца, — предупредила Аня, нащупывая ключом замочную скважину.

— Аня, прошу тебя, не надо, — глухим, не своим голосом напомнил Василий, выдерживая дуэль взглядов с Брагиным.

— Сейчас, я только скажу родителям, и вернусь, я провожу тебя, Вася, при мне они не посмеют...

— Аня, ты не понимаешь, что позоришь меня! — сорвался на крик Василий.

Брагин только скривил губы. Сплюнув на пол, под ноги Морозову, сказал ни к селу:

— Мальчик хочет в Тамбов... — и когда дверь за Аней захлопнулась, ударил неожиданно и резко.

Василий почти сразу «потерялся», не устояв на ногах, слетел с лестничного марша на промежуточную площадку и, утерев шапку, сильно ударился головой о стену.

Сознание замутилось до тошноты. Зрение еще полностью не восстановилось, но следующие несколько ударов погрузили его в полную темноту... Успел только пожалеть об одном, что ни разу не ударил. И он уже не слышал, как Вознесенский, очень похожий в этот момент на шакала из мультфильма «Маугли», захихикал, взяв руку Василия:

— Ну что, проверим музыкальные пальчики? Пальчики-баянчики!

Он положил безвольную кисть на ребро ступени и со всей силы опустил на нее подошву берца.

Огненный фонтан боли прошел темноту перед глазами Василия. Дальше он уже не воспринимал происходящее абсолютно. И прежде чем озверевший Брагин вдруг замер, осознав мерзость происходящего, Вознесенский успел попрыгать на второй руке Василия, превращая ее содержимое в грудку осколков. Но остановить своего поделщика не успел. Все это происходило не больше двух минут, наверху распахнулась дверь, на площадку вышел отец Ани.

— Дергаем! — крикнул полоумный Макс, и Брагин на автопилоте рванул за ним, в два прыжка преодолев пространство до входной двери.

— Стойте, изверги! — они уже не слышали, как не слышал и Вася Морозов.

В ушах у него совершенно неконтролируемо, но очень четко звучала тема нашествия из седьмой симфонии Шостаковича. Она нарастала до пульсирующей боли, а когда ему поставили

укол, как-то незаметно и плавно перешла в «Болеро» Равеля, чтобы потом затихнуть совсем. Музыка уходила...

На улице Брагин резко остановился и вдруг врезал хохочущему сквозь одышку другу. Макс сел в сугроб и, вытирая кровь с губы, оскалился:

— Витек, ты че?

— Ты ему руки сломал!

— Да он этими руками твою телку лапал!

— Без тебя бы разобрался! Ты обезбашенный, Возя, садист! — плюнул и пошел своей дорогой.

— А ты добрый, белый, пушистый и летаешь! Сам-то ему лампочку не хило стрес! — крикнул обиженно вслед Вознесенский.

7

Василий окончательно пришел в себя, когда хирург Сергей Иванович вместе с медсестрой Валентиной Ивановной гипсовали ему обе кисти. Первое, о чем подумал: «а как теперь ходить в туалет?» и нешуточно от этого расстроился. Не просить же кого-то расстегивать ширинку! В голове ощущался пластилин, который сам из себя чего-то лепил, отчего не слабо поташнивало.

— О! Герой окончательно пришел в себя. Как самочувствие? — улыбнулся врач.

— Не знаю, — честно сообщил Василий.

— Ну да, мало тут никому не покажется. Сотрясение плюс десять переломов! Все пальцы, кроме больших, и еще лучезапястные! В каком гестапо ты побывал?

— Да тут, недалеко, — попытался пошутить, но вдруг понял самое главное: — Играть смогу?

— Футбол, хоккей, шахматы, теннис, подкидного дурака, преферанс — никаких проблем! Не сразу, конечно...

— На фортепиано?

Хирург замер, заметно растерялся. Профессиональную деловитость в глазах сменило сочувствие. Но он довольно быстро нашелся:

— Так это ты, Вася, наш колхоз на всю область прославил? Говорят, у тебя золотые руки...

— Я про ваши то же самое слышал.

— А! — подмигнул доктор. — резать не клеить! Но ты нос не вешай. «Повесть о настоящем человеке» читал?.. Там летчик Маресьев без ног летать смог.

— Читал, — скептически согласился Василий.

— И в отрицательном следует находить положительное. Десять переломов дают тебе освобождение от воинской строевой службы.

— Это меня как раз не радует.

— Ты что, не современный молодой человек?

— Выходит, так.

— Тогда тем более не имеешь права сдаваться. Валь, заканчивай, у меня там еще клиент с рассеченной губой дожидается. Может, шить придется. — Потом одобряюще посмотрел на Василия. — А одному ты, получается, врезал?

— Как врезал? — удивился Василий.

— Да сидит там у меня один... Вознесенский Максим Леонидович, дожидается, а по совместительству рассказывает участковому, как ты ему губу повредил, а Брагин тебе за это нанес несколько профессиональных ударов в голову, после чего ты упал и поломал себе обе кисти и восемь пальцев. Как в том анекдоте: и так восемь раз. Так зацепил ты его?

— Хотел бы.

— Понятненько, сейчас с тобой закончат, но вынужден оставить тебя в стационаре на ночь, все-таки сотрясение, мы тебя немножко покапаем, а утром посмотрим.

— А домой нельзя?

— Вась, тебя в полубоморочном состоянии вырвало, вон Валентине Ивановне досталось...

— Извините, — смутился Василий.

— Ничего, — только-то и сказала молчаливая медсестра.

— В коридоре сидит Аня и твои родители, ненадолго я к тебе их пушу.

— Спасибо, Сергей Иванович.

— Да не за что.

Странно, но в этот момент ему больше всего хотелось остаться одному. Возникло странное и неотвратимое чувство мощного перелома, после которого жизнь должна пойти уже иным руслом. Не было обиды или разочарования, но нужно было свыкнуться с новыми обстоятельствами. Что произошло — то произошло, и, честно говоря, Василий вдруг понял, что ему стало легче. Легче потому, что, невзирая на внешнее поражение, подспудно он осознавал победу внутреннюю. В том числе — над самим собой. Нужно было побыть одному, да не получалось.

Труднее всего было успокоить отца, который обещал сломать руки обидчикам и их родителям.

Метался по палате, выкрикивал ругательства, но Василий в ответ твердил свое:

— Папа, если ты вмешасься, это будет не по-мужски.

Мать просто тихо всхлипывала и гладила его по голове. Наконец, их оставили наедине с Аней.

— Теперь я вряд ли стану великим пианистом, — грустно, но спокойно констатировал Василий.

— Ты думаешь, это что-то меняет? — Аня гладила торчащие из гипса, покрытые белым налетом подушечки пальцев.

— Но ведь ты хотела меня видеть именно таким.

— Хотела, но еще не все потеряно. И это не самое главное. Твоя музыка позволила мне увидеть тебя. — Наклонилась к самому уху, обдав лицо чудным фонтаном забранных хвостом волос: — Если ты меня такую бесталанную не разлюбишь, то я выйду за тебя замуж, за тебя, а не за твои таланты. Понимаешь?

Василий чуть не задохнулся от окатившей его с ног до головы нежности, неловко обнял Аню закованными в гипс руками.

— Я ни о чем не жалею, — прошептал он, — главное, что ты есть у меня. Знаешь, мне даже не верится, что счастье может быть таким огромным, оно не вмещается в сердце.

— А я только сейчас начинаю понимать... — легко отстранилась, — войдет кто-нибудь, мне всего три минуты дали. Я просто зашла сказать...

— Я знаю.

И действительно, вошел, правда, не кто-то, а совершенно конкретный участковый Федор Ильич Петренко. Усталый добрый майор милиции. С порога подмигнул ребятам:

— Прошу прощения, но мне тоже надо поворковать с Василием.

— Я пойду, приду сразу после уроков завтра, — понимающе встала Аня.

Василий театрально вздохнул. Мол, ничего не поделаешь.

— Заявление писать будешь? — сходу спросил Федор Ильич.

— Чем, дядь Федя? — кивнул на гипсы Василий.

— Я за тебя напишу. Фигуранты известны. Уж как-нибудь вдвоем закорючку-подпись поставим.

— Что это даст, дядя Федя? Даже если я соглашусь, дело все равно замнут. Вы же знаете их родителей.

— Зря ты так, Вась, отец Брагина сам привез его и сунул к нам в обезьянник. Но самое интересное, тот сам ему все рассказал. Другое дело, что свидетелей нет. Вознесенский поет, что ты ему первый въехал...

— Я знаю, все произошло быстро, я выключился. Вот за это стыдно.

— Ты не обижайся, придется взять у тебя кровь на содержание алкоголя.

— Пусть берут. Там все чисто, — улыбнулся, — Изольда Матвеевна даже запаха не переносит, я себе сейчас представил, как я хотя бы с запахом пришел на репетицию. Знаете, как она умеет одними глазами выражать свое презрение? Глянет — на месте соришь.

— Дело мне все равно придется заводить по факту, — сам себе сказал участковый, — а будет, чувствую, висяк, как с мелкой кражей из ларька. Эх, тут же нанесение тяжких телесных... А свидетелей нет. Хреново, Вась.

— Да уж, — согласился Василий.

Рано утром в палату ворвалась Изольда Матвеевна, стряхивая с себя сонную медсестру:

— Почему я в этой деревне узнаю все последней?! Не останавливайте меня, я должна его увидеть.

Увидела и тут же зашлась навзрыд. Жалостливо поджала свои тонкие выразительные губы и вся затряслась от рыданий.

— Да что же это делается?! Изуверство какое! Васенька, бедный! Ты только не расстраивайся, мы еще выйдем на большую сцену, — верила сама или нет?

— Изольда Матвеевна, не плачьте, а то я тоже сейчас разревусь, а мне нельзя, — эти слова ученика немного привели ее в чувство, хотя слезы бежать не перестали.

В первый раз Василий видел, как его учительница безоглядно выражает свои эмоции.

— Вася, — продолжала причитать Изольда Матвеевна, — ты не переживай, этот случай всегонавсего бемоль. Временное понижение тона.

— Мне вчера Сергей Иванович про летчика Маресьева напомнил, — понимающе улыбнулся Василий, — только, я думаю, это не бемоль, Изольда Матвеевна, это бекар. И ниже уже

нельзя, и выше дорога закрыта. То есть — ищи третий путь. Я, конечно, буду очень стараться, Маресьев без ног летал, но, мне кажется, асом не был...

— Вась, ты чего такой не по годам умный?! — вспылила Изольда Матвеевна. — Ты сам, как бекар! Ни выше, ни ниже! Ты мне это брось!

— Да ничего, Изольда Матвеевна, самое главное, любовь к музыке, которой вы меня научили, — это навсегда, а если пострадает техника — сочинять я все равно смогу.

— Сможешь, — утерла мокрым насквозь платком последнюю слезу учительница, — ты только не сдавайся. Аня как?

— Ночью у меня была.

— Ну и прекрасно, прости, что я так раскисла.

— Я знаю, вы очень на меня надеялись.

— Да я не надеялась, я точно знала... Уже продумывала программу для международного конкурса в Польше. Ах, как бы ты их удивил своим Шопеном. Они бы узнали, что такое по-русски Мороз по коже... Нет, Морозов по коже!

Она так сказала, точно Шопен был близким другом Василия.

— Через сколько тебе снимут гипс?

— Сергей Иванович сказал, дней сорок. Потом надо будет руки разрабатывать. Надо мячик для большого тенниса, — посмотрел на руки, — два мячика и два эспандера.

— Я поеду в город, хочешь — привезу? Да о чем я, привезу да и все!

— Спасибо, Изольда Матвеевна.

На глазах ее снова выступили слезы, но в этот раз она справилась с собой. Встала, оправилась, глянула в маленькое зеркальце из косметички, хмыкнула на опухшие веки и нос и уже с порога подчеркнула:

— Бекар так бекар, Вася, это всего лишь временный знак! Главное — общая гармония. А знаки просто так не ставят!

Следующим гостем в палате стал отец Алексей. Его увидеть Василий никак не ожидал. Отец Алексей появился в поселке недавно, после того, как всем миром восстановили церковь. Был он молод и худошав, а выющаяся русая борода была реденькой и несерьезной. Зато добрыми и пронзительными были серые глаза, и взгляд был такой, точно у человека за плечами целая жизнь. Несколько раз он приходил в школу, разговаривал с ребятами и учителями.

Интересно, что раньше некоторых учеников водили к психологам, а теперь — к священнику. Но Василию близко с ним сталкиваться еще не приходилось.

— Позволишь? Я тут прихожанку соборовал в соседней палате, решил и тебя проведать.

— Проходите.

— Ты можешь называть меня отец Алексей, а можешь просто — батюшка, как тебе покажется правильнее.

— Батюшка? А вы такой молодой.

— Что ж, на Руси так принято, тысячу лет это никого не смущало. А русский язык не только самый красивый, но и самый точный.

Василий так и не знал, как ему лучше называть отца Алексея, потому немного смущался.

— Вы, наверное, пришли, чтобы я не отчаивался, но я не отчаиваюсь.

— Я пришел, потому что твоя история очень похожа на мою.

— Вот как?

— Да-да, — располагающе улыбнулся священник. — Но сначала расскажи мне, как ты оцениваешь то, что с тобой произошло. Мне известно, что Бог одарил тебя большим талантом музыканта

и даже композитора, о твоей победе на конкурсе весь поселок говорил.

— Было, — согласился Василий, — а теперь — уже и не знаю, что от этого останется. Знаете, батюшка, — так называть священника ему понравилось больше, ближе, что ли, человек становился? — все, что со мной произошло — из-за любви к девушке. Но она еще одному парню нравилась. Он меня на год старше и сильнее. Боксер. Кандидат в мастера спорта по боксу. Честно говоря, я сначала его боялся и чуть было не сдался. А вот теперь лежу битый, но мне все равно кажется, что я победил. Потому что свою силу он, в общем-то, от слабости применил. Обидно, конечно, что я не могу ему, как следует, сдачи дать, но, получается, и он ничего не добился. С ним друг был. Кажется, это он мне руки сломал. Смутно все помню. Участковый приходил, я не стал на них заявление писать. Жалко, конечно, что на конкурс не поеду. И больше всего почему-то учительницу мою жалко, Изольду Матвеевну, она столько сил в меня вложила, столько надежд, все напоминала: руки береги... считала, что я запросто поступлю в консерваторию, без колледжа, на фортепианное отделение.

Василий замолчал, собираясь с мыслями, священник внимательно слушал. Почему-то захотелось рассказать ему все без утайки. И Василий начал заново с 1 сентября. И когда дошел до сегодняшнего дня, сам собой возник вопрос:

— Вот вы говорите, батюшка, Бог мне дал талант. Еще я слышал, что зарывать талант нельзя. Притча есть такая, что слуга, который зарыл свой талант, его не преумножил, получается, как бы не преумножил то, что ему было дано.

Священник кивнул.

— Тогда почему Бог позволил у меня этот талант забрать?

— А ты помнишь, как в притче? Таланты — это такие деньги были. Причем очень большие. Золото и серебро в талантах измерялось килограммами. Так вот, два других слуги свои таланты вложили в дело и удвоили их. Как ты правильно говоришь, преумножили. Но могло ведь вернуться и так, что дело не выгорело, и прибыли бы не было, и талант бы был растрачен. Могло?

— Могло, — согласился Василий.

— Итак, первое: Господь каждому дает ту меру таланта, которую он может вместить. Поэтому: одному — пять, другому — два, третьему — один.

И с каждого спросит за данное. И каждому дает согласно его способностей. И важно не струсить, пойти на разумный риск, чтобы преумножить эти таланты, а не сидеть над ними, как Кощей над золотом. Вспомни слова своего отца о трусости. Очень правильные слова. Ты не закапывал свой талант, но и не ценил его. А кое в чем проявил малодушие. Та же история с котом? Так вот, Василий, до поры до времени у тебя шло все, как по маслу. Так? Все давалось легко, и не с легкой ли иронией ты смотрел на упорный труд твоей возлюбленной? То, что тебе давалось легко, она постигала с огромным трудом.

Василий потупился, он только что рассказал об этом сам, но другими словами.

— И ты полагал, что так будет всегда, — продолжал отец Алексей. — Ценил ли ты в достаточной мере, что было тебе дано? Помнил ли ты о том, Кто тебе это дал, или ты горделиво полагал, что тебе это и так положено? И еще вот о чем вспомним: Брагину тоже дан был талант, пусть не в искусстве, пусть в спорте. И вот два ваших таланта пересеклись. За то, как он употребил свой талант, он сам и ответчик. Господь дал, Господь спросит, и уж понятно, что не Он вел

руку Брагина, наносящую тебе удары, а неправильно понятая Брагиным высшая свобода, да бесы, которые под той рукой тут как тут. Но мы вернемся к твоему дару. Твоему таланту выпали испытания, как выпали испытания твоей любви. Правильно?

Василий согласно кивнул. Теперь он уже опережал озвученную мысль батюшки. Он уже все понял, но продолжал вежливо слушать.

— Любовь испытание выдержала и стала прочнее, так?

— Значит, испытание таланта тоже должно принести свои плоды! — не выдержал Василий.

— Да, я в это верю. Когда я учился в семинарии, нам рассказывали интересную историю из жизни Сократа. Этот греческий философ жил задолго до Рождества Христова. Однажды, в день рождения этого философа к нему пришли его ученики, и каждый принес ему что-то в дар. Но один ученик был настолько беден, что не имел ничего и, покашло поздравление Сократа, сидел, понурясь. Он встал самым последним и сказал: «Дорогой наставник! Ты знаешь, что я нищий, мне нечего дать тебе. Единственный мой дар — я отдаю тебе самого себя как раба. Делай со мной, что хочешь!» И Сократ

сказал: «Это самый драгоценный для меня дар. Я принимаю его, но лишь с тем, чтобы вернуть потом тебя самому тебе в еще лучшем виде!»

— Здорово! — восхитился Василий. — Обязательно расскажу все это Изольде Матвеевне! И Ане... Можно?

— Можно. Только помни о том, что понимание слова раб Божий разнится от принятого в обществе понимания слова «раб». Быть рабом Бога — это счастье и надежда. Если бы мы могли принадлежать Господу всем умом, всем сердцем и душой! Если мы не рабы Бога, значит — мы рабы этого мира, рабы дьявола, рабы собственного эгоизма. И тут как раз важно, чтобы Господь не прогнал нас во тьму, как недостойных рабов. Помнишь конец притчи о талантах?

— Да. Знаете, батюшка, я, честно говоря, читал только детскую Библию.

— Значит, настало время взять в руки, пусть и такие, — он улыбнулся, глядя на гипс, — Священное Писание. Я вот каждый день понемногу читаю. Это как родниковой воды испить, как чистого воздуха глотнуть.

— Но вы сказали, что моя история похожа на вашу? Расскажите!..

— Представь себе, что в школе я занимался парашютным спортом, удачно все складывалось. А вообще я мечтал поступить в Рязанское военное училище воздушно-десантных войск. Слышал о таком?

— Слышал.

— И поступил! И все было хорошо...

— Как по маслу?

— Точно. Но уже на третьем курсе во время одного из тренировочных прыжков я неудачно приземлился, повредил позвоночник. О дальнейшей службе не могло быть и речи. Никакое лечение, никакие тренировки не помогли бы. Точка и все! Ни про какого Маресьева врачи и слышать не хотели. Честно говоря, я тогда думал, что жизнь моя на этом кончилась. Мечта в буквальном смысле разбилась о землю.

— Да... не позавидуешь.

— Не знаю, сколько бы продлилось мое безысходное отчаяние, а самое главное — я не понимал, почему так произошло именно со мной? Были ребята, у которых все получалось много хуже, чем у меня. А они могли вновь и вновь подниматься в небо, с гордостью нести службу и называть себя десанниками. А я вдруг оказался

на обочине. — Отец Алексей на минуту замялся, снизил на полтона: — Только тебе скажу, никому не скажешь?

— Никому.

— Я тогда неумеренно пить начал. Это у русского человека блажь такая — горе заливать. Но было ли горе-то? Так вот, преподавал у нас один легендарный подполковник. Он побывал на всех войнах, которые в том числе называют локальными конфликтами. От наград у него левый борт кителя перетягивало. И когда я собирал уже вещи ехать домой, он пришел ко мне и сказал: «Знаешь, Алексей, самое страшное в жизни это не то, что произошло, это когда не знаешь, почему. Я столько похоронил товарищей, что всякий раз, когда я думаю, что мне плохо, я вспоминаю их близких: жен, матерей, детей. И мне становится стыдно, потому что им хуже, чем мне. Однажды я услышал одну важную мысль, которая теперь всегда со мной: Говорят, есть три главные тайны: когда мы умрем, отчего мы умрем и где мы будем после смерти». Где вы это слышали? — спросил я. «На проповеди», — ответил он. «Вы что, верующий?» «Конечно, — удивился он моему вопросу, — как же можно выбирать работу, на которой

каждый день нужно быть готовым умереть, и не быть верующим? А знаешь, что слово «служба» лучше всего соответствует только двум профессиям: военной и священника?» Так, Василий, я оказался в духовной семинарии... А бекар — это ты интересно придумал... Ниже нельзя и вверх. Я разовью твою мысль — вверх можно, но только согласно предписанной гармонии. Кажется, я не нарушил правил музыки, применяя их к правилам духа?

— Нет! Все точно! У меня даже рифма родилась: если есть Икар — будет и бекар! Я бы так не смог мысль подвести и сказать.

— Смог бы, просто нужно немного опыта.

— Мой отец воевал в Афганистане, и когда мы приезжаем в город, он всегда идет в церковь и заказывает там молебен за упокой. И всегда жалеет, что не все его погибшие сослуживцы были крещены. Он рассказывал, что сам крестился после войны, когда вернулся домой. А вы молитесь за тех, кто когда-то с вами учился?

— Обязательно. И за победу, и за упокой. Некоторые из моих друзей уже погибли на Кавказе. И не только за них, а за все российское воинство надо молиться.

— Хорошо, что вы пришли, — признал Василий, — мне намного легче стало. Теперь не кажется все таким бессмысленным.

— Вот и Слава Богу, а мне еще надо с соперником твоим повстречаться. Ничего не имеешь против? — вопросительно вскинул брови отец Алексей.

— Нет, да и как я могу возражать. Может, ему даже нужнее, чем мне.

Соперник пришел в этот день последним, когда Василий всеми правдами и неправдами отпрашивался у Сергея Ивановича домой.

Брагин хмурой тенью нарисовался в палате, молча сел на табурет у кровати Василия. Прежде чем сказать что-либо, он сидел некоторое время, опустив голову. Так и начал говорить в пол:

— Вась, я так не хотел. Участковый сказал, что ты не стал писать заявление, хотя Гордеевы готовы выступить свидетелями. Отец мне выговорил, что заступаться не будет... Короче, можешь сломать мне руки. Вот, — и в подтверждение он вытянул вперед руки, кончики пальцев заметно подрагивали.

— Вить, ты же знаешь, что я этого делать не буду, — ответил Василий.

— Да, стремно получилось. Я себя таким дерьмом чувствую. Макс тоже хотел прийти. Но его отец запер. И правильно. Самое поганое то, что ничего исправить нельзя. Отец мне сказал: никаких тебе институтов, пойдешь в армию. Я думаю, правильно. А тебе что врачи говорят: сможешь играть?

— Они не знают. Наверное, так, как играл, уже не смогу. Буду сочинять. И буду много работать.

— Слышь, Вась, если чем надо будет помочь, можешь в любое время на меня рассчитывать.

— Ладно.

Снова повисла неловкая тишина. Каждый думал о своем. В какой-то момент Василию вдруг показалось, что это не Брагин ему, а он Брагину изломал жизнь. Даже совестно стало. Не такое ли чувство выгоняло русских женщин на улицы, когда мимо шли этапом колодники? И подавали им еду или одежду — кто что может, хотя вчера каждый из этих угрюмых, закованных в цепи людей мог вынести все вчистую из их небогатого дома, ударить ножом или топором, снасильничать... Надо спросить об этом у отца Алексия.

В июне Василий уже мог играть токкату и фугу ре-минор Баха, не очень ровно, но уже цельно. Руки, как раньше, не летели, более того, некоторые пассажи давались через боль. Между делом он мял в руках теннисные мячи, которые привезла Изольда Матвеевна, и эспандеры, что привез из города отец. Невзирая на предоставленную директором отсрочку, он пошел сдавать выпускной экзамен в музыкальной школе по специальности.

Отыграл так, как это мог сделать любой среднестатистический ученик, но ему поставили явно завышенную «пятерку», хотя все, и в том числе Василий, понимали: это за прежние заслуги. Зато после обязательной программы он порадовал и учеников и преподавателей двумя новыми произведениями: сонатиной, которую он написал специально, чтобы разрабатывать руки, и фортепианным ансамблем, который они исполнили в четыре руки с Аней.

Аня тоже сдала на свою заслуженную «пятерку». Теперь им оставалось главное: окончить общеобразовательную школу. Изольда Матвеевна

продолжала заниматься с обоими. Василий нацелился на теоретико-композиционный факультет, Аня — на фортепианное отделение.

В июле Морозовы и Гордеевы, внимая просьбам детей, вместе выехали на юг. А остаток лета Василий ходил к отцу Алексию, чтобы поближе познакомиться с церковным пением.

Поздней осенью пришло письмо от Брагина, который лежал в ростовском госпитале после ранения, полученного на Кавказе. Сам он писать не мог, поэтому за Виктора это сделал сосед по палате.

«Здравствуй, Василий! У меня все хорошо. После учебки попал в разведроту, а это очень почетно. Правда, повоевать толком не пришлось, да и реальных боев теперь не так много. Не поверишь, к нам сюда приезжала группа «ДДТ» и Юрий Шевчук. Хорошие ребята, настоящие мужики. Они уже не в первый раз приезжают. Дали концерт. Знакомые песни подпевала целая дивизия. Слышал ведь: «что такое осень?..» А вокруг действительно осень! А когда он пел «это все, что останется после меня», пацаны даже плакали. Были и новые песни. Классно! Говорят, еще приедет «Любэ». А я сразу вспомнил про тебя

и твою музыку. Знаешь, здесь даже классику бы слушать стали, я представил, как бы ты мог здесь сыграть, и все наши парни тебе бы аплодировали. А я бы гордился.

Даже если ты мне не ответишь, хочу, чтобы ты знал, почему это письмо пишет под мою диктовку мой сосед Вадик. Рядом со мной взорвалась мина, и я получил осколочное ранение. Самое интересное, что два осколка прошли насквозь ладони, а один засел в черепушке. Из-за этого осколка и придется здесь еще поваляться. Ребята, глядя на мои руки, смеются, а я вспоминаю ту злополучную ночь. Наверное, теперь мы точно в расчете, хотя ты, я это знаю, зла не держал.

Кстати, а Макс сейчас в экономическом колледже. Замутил какие-то дела, уже купил себе тачку. Даже фотографию прислал. Странно, но у него все хорошо. И — с руками, и — с головой. Но, может, так и должно быть?

Ане от меня огромный привет. Если бы мне сейчас писала сюда письма такая девушка, я был бы самым счастливым человеком на свете. Ну вот вроде и все.

Хотя нет.

Хорошо, что я попал сюда, отсюда жизнь выглядит совсем по-другому. Если с руками и головой все будет в порядке, попробую поступать в военное училище. Чувствую, это мое. Так что — держись, Маэстро.

Мл. сержант Брагин».

Содержание

Мальчик без шпаги	7
(Пуговица царевича Алексея)	
Бекар	183
(becarre)	

ЧАСОВНЯ ВО ИМЯ СВЯТАГО ДУХА
ул. Шверника, строение 17, м. Академическая

тел.: 8 (499) 123-7298

КНИЖНАЯ ЛАВКА

Издательство

Свердловская Благовозвонница

ПРЕДЛАГАЕТ ШИРОКИЙ ВЫБОР ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

БОГОСЛОВСКАЯ, ЖИТИЙНАЯ, МИССИОНЕРСКАЯ,
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ, ДЕТСКАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Большой выбор книг
для начинающих церковную жизнь.

www.blagozvon.ru

Сергей Сергеевич Козлов

МАЛЬЧИК БЕЗ ШПАГИ

(Пуговица царевича Алексея)

БЕКАР

(becarre)

Повести

Редактор *А. Б. Волкова*

Выпускающий редактор *Л. А. Чуткова*

Корректор *Т. А. Фролова-Багреева*

Художественное оформление *С. Ю. Губин*

Макет, верстка *В. А. Фролова*

Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин, А. В. Аксенова*

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 19.07.11. Формат 70х100/32

Бумага офсетная. Печ. л. 9, 0

Тираж 7000 экз.

Заказ № 6225.

Адрес издательства:

109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6

E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru

Отдел оптовых продаж:

109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,

телефон/факс: 8(495) 363-45-10

Отпечатано в:

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5

Телефон: +7(4822) 44-43-60, факс +7(4822) 44-98-42

E-mail: tpk@tverpk.ru; sales@tverpk.ru

190-00

НОВАЯ ЦЕНА
190 руб. 00 коп.

ЛКЦ

Писатель Сергей Козлов

хорошо известен ценителям художественного слова.
Он лауреат международного конкурса литературы для детей
и юношества им. Алексея Толстого,
международной премии им. Владислава Крапивина
и многих других литературных наград.
По повести Козлова «Мальчик без шпаги»
(«Пуговица царевича Алексея»)
снят художественный фильм «Наследники».

